

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Россия в Великой войне

Материалы Международного общественно-научного
форума «Великая война. Уроки истории»

Издание Государственной Думы
Москва • 2014

УДК 94(47+57)"1914/1918"(082)

ББК 63.3(2)524я431

P76

**Под общей редакцией
Председателя Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
С. Е. Нарышкина**

Составитель:

А. Е. Петров, начальник Аналитического управления Аппарата
Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Рабочая группа по подготовке книги:

К. И. Могилевский, В. Г. Малушков

P76 **Россия в Великой войне.** Материалы Международного общественно-научного форума «Великая война. Уроки истории». – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 196 с.

Издание подготовлено по материалам Международного общественно-научного форума на тему «Великая война. Уроки истории», прошедшего 31 июля 2014 года в Москве.

УДК 94(47+57)"1914/1918"(082)

ББК 63.3(2)524я431

Раздел I. Материалы Международного общественно-научного форума «Великая война. Уроки истории»

ВВЕДЕНИЕ

31 июля 2014 года в г. Москве в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 годов состоялся Международный научно-общественный форум «Великая война. Уроки истории», посвящённый 100-летию начала Первой мировой войны. Организаторы форума – Российское военно-историческое общество, Ассоциация «Франко-российский диалог», Российское историческое общество, Центральный музей Великой Отечественной войны, Межрегиональный общественный Фонд «Центр Национальной Славы», Институт всеобщей истории РАН, Фонд Андрея Первозванного.

Приветствие участникам форума направил Президент России В. В. Путин. «Память об этой трагедии должна помочь нам извлечь верные уроки из прошлого. Необходимо дать объективную оценку событиям тех лет, не допуская искажений и предвзятости в их освещении, – говорится, в частности, в приветствии. – Уверен, что работа форума поможет решению этой важной задачи, будет способствовать развитию общеевропейского гуманитарного сотрудничества».

Форум открыл Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.Е. Нарышкин. В своём выступлении он напомнил, что 1914 год стал роковым для

Европы и провёл параллели с днём сегодняшним. «Мы и сегодня продолжаем верить в человечество, как верили наши предшественники сто лет назад. Ведь в отличие от них в нашем распоряжении есть не только более длительный период мира, но и гораздо больший опыт проанализированных ошибок, и это позволяет надеяться, что новой глобальной конфронтации удастся избежать», – сказал С. Е. Нарышкин.

Сопрезидент Ассоциации «Франко-российский диалог», глава ОАО «РЖД» В. И. Якунин сказал, что изучение исторических явлений – это методология познания будущего. «Мы живём в такой период времени, когда это очень необходимо», – подчеркнул он. Задачу форума Якунин определил как возможность возвысить свой голос против того, чтобы в мире принимались решения вопреки интересам человечества.

Председатель Российского военно-исторического общества, министр культуры Российской Федерации В. Р. Мединский обозначил главные уроки Великой войны. «Самый главный урок Первой мировой войны заключается в том, что нет predeterminedности. У нас много писали в учебниках истории о том, что начало войны было неизбежным. Как показывают исследования учёных, которые здесь собрались, историков было несколько ключевых точек, когда эту военную машину можно было остановить», – отметил В. Р. Мединский.

Участники форума обсудили множество различных тем и вопросов, касающихся истории Первой мировой войны, её истоков и итогов, значение отдельных личностей той эпохи, а также новых политических аспектов и сфер расширения российско-европейского сотрудничества, значения в этом культурно-исторической преемственности связей. На форуме работали дискуссионные площадки. Состоялись спецгашение марок, посвящённых четырём эпизодам Первой мировой войны, презентация проекта Российского военно-исторического общества «Образы Великой войны», а также презентации издательских проектов и кинопроектов, посвящённых истории Первой мировой войны, в том числе – нового художественного фильма «Батальон смерти».

Международный научно-общественный форум «Великая война. Уроки истории»

31 июля 2014 г., Москва (Россия)

Центральный музей

Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ведущие форума:

Владимир Иванович Якунин, сопresident Ассоциации «Франко-российский диалог», президент ОАО «Российские железные дороги», доктор политических наук,

Тьерри Мариани, сопresident Ассоциации «Франко-российский диалог», депутат Национального Собрания Франции.

Якунин В.И. Уважаемый Сергей Евгеньевич, уважаемые участники конференции! Прежде всего, позвольте приветствовать вас на конференции, организатором которой является Ассоциация «Франко-российский диалог», общественная организация хорошо известная. Конференция посвящена столетию начала Первой мировой войны и называется «Великая война. Уроки истории». Позвольте мне также на правах сопредседателя российской части форума представить господина Тьерри Мариани, сопредседателя Ассоциации «Франко-российский диалог». Уважаемые участники конференции, в адрес нашего форума поступило обращение Президента Российской Федерации, Владимира Владимировича Путина:

«Участникам Международного научно-общественного форума «Великая война. Уроки истории»!

Уважаемые дамы и господа!

Приветствую участников и гостей Международного научно-общественного форума «Великая война. Уроки истории».

Ваша конференция, собравшая вместе видных политиков, учёных и общественных деятелей, посвящена важной исторической дате – 100-летию начала Первой мировой войны. Этот глобальный конфликт стал трагедией для всего человечества, он унёс миллионы человеческих жизней, кардинально изменил политическую карту европейского континента, повлёк огромные экономические потери.

Первая мировая война – значимая веха в судьбе Российского государства. Это одновременно и подвиг русского оружия, и национальная катастрофа: с 1914 по 1918 год на полях сражений погибло более трёх миллионов наших граждан. Именно в этот нелёгкий период обострились противоречия, которые привели страну

к революционным потрясениям и братоубийственной гражданской войне.

В России всегда будут чтить подвиг солдат и офицеров, защищавших Отечество. Начиная с прошлого года, 1 августа отмечается как День памяти русских воинов, погибших в Первой мировой войне. Намерены и впредь восстанавливать историческую справедливость – увековечивать военные победы и героическую роль соотечественников, которые на фронте и в тылу с честью выполнили свой долг.

Память об этой трагедии должна помочь нам извлечь верные уроки из прошлого. Необходимо дать объективную оценку событиям тех лет, не допуская искажений и предвзятости в их освещении.

Уверен, что работа форума поможет решению этой важной задачи, будет способствовать развитию общеевропейского гуманитарного сотрудничества.

Желаю вам интересного общения, успехов и всего самого доброго. В. В. Путин».

Уважаемые участники конференции, приглашаю на эту трибуну Сергея Евгеньевича Нарышкина, Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председателя Российского исторического общества, председателя Организационного комитета по подготовке мероприятий, связанных со столетием начала Первой мировой войны.

Нарышкин С. Е. Добрый день, уважаемые коллеги, дорогие друзья! От имени Государственной Думы, Национального организационного комитета и, конечно, от имени Российского исторического общества, я хотел бы поблагодарить всех, кто собрался в этом зале, для того чтобы вспомнить об уроках войны. Войны, которая впервые в истории вовлекла в противостояние большинство государств планеты, и не случайно получила название Великой. Её последствия, это можно сказать без преувеличения, сказались на судьбе всего мира. Столетняя годовщина её начала стала очевидным поводом для того, чтобы поговорить об этих событиях в кругу представителей стран, принимавших в ней участие, включая Россию.

Для Европы, тяжело пострадавшей от боевых действий в Первую мировую войну и столкнувшейся сегодня с новыми вызовами, было бы печальной ошибкой упустить такую возможность для обсуждения. Я имею в виду, конечно, трагические события на Украине, несущие угрозу для всего континента. Хотя поколения солдат Первой мировой давно нет с нами, многие сегодня успели почув-

ствовать себя их современниками. Даже спустя сто лет невозможно смотреть на события Первой мировой отстраненно.

Не знаю, как вас, а меня охватывает волнение. Ведь ровно сто лет назад, день в день, мир ещё мог быть спасён от той страшной и глобальной катастрофы, но спасён не был. Да, уже шли бои в Сербии, начиналась военная мобилизация в разных странах Европы, где явно, а где скрытно. Но тогда ещё был последний шанс решить конфликт мирным путём переговоров.

Россия была среди тех, кто предлагал именно такой выход, однако 1 августа Германия объявила войну России, и конфликт перестал быть локальным. 1914 год – это роковой год для Европы, он отправил в небытие целую эпоху, с её оптимизмом и верой в прогресс, с её человеческими надеждами и ожиданиями.

Люди во многих странах, жившие в мире уже не одно десятилетие, не догадывались, чем обернётся для всех тот год. Мы и сегодня продолжаем верить в человечество, как верили наши предшественники сто лет назад. Ведь в отличие от них в нашем распоряжении есть не только более длительный период мира, но и гораздо больший опыт проанализированных ошибок, и это позволяет надеяться, что новой глобальной конфронтации удастся избежать.

Да, глобальные угрозы со времён 1914 года видоизменились, однако многие глубинные факторы противостояния и, прежде всего, неготовность к диалогу, остались, к сожалению, и сейчас. Не говоря уже о неонацистских веяниях и новых чудовищных акциях, имеющих очевидно нацистский характер. Ничем иным невозможно объяснить трагедию, произошедшую в Одессе 2 мая этого года, когда заживо сожгли десятки людей.

Наконец, нельзя забывать и того, что в начале XX века немало политиков не просто не противились войне, но были готовы поскорее отправить своих сограждан на поля сражений. В знаменитой эпопее «Красное колесо» Александр Солженицын приводит примеры довольно распространённых суждений политиков того времени, в частности, популярное тогда утверждение, что европейская война не может быть продолжительной.

Но с тех пор многое стало фактом истории, а политики и деятели культуры, воспевавшие грядущие битвы, тогда даже не представляли, что такое Мировая война. Между тем у нас сегодняшних есть возможность снизить риск развития новых глобальных витков насилия.

Уважаемые коллеги, с момента образования Национального организационного комитета по подготовке мероприятий к столетию начала Первой мировой войны было проведено множество подготовительных мероприятий как в России, так и за рубежом.

И на июньском Международном парламентском форуме в Москве, куда съехались представители более 70 стран, мы тоже говорили об уроках Первой мировой войны.

Необходимо отметить, что представители научного и культурного сообщества разных государств высказывали близкие к нашим оценки прошлого и не присоединились к тем, кто пытается сейчас прочертить новые разделительные линии в Европе.

В нынешнем мире противостояния империй больше нет, но политика сдерживания по отношению к нашей стране и геополитические интриги по её ослаблению, оказывается, никуда не делись. Именно здесь истинные причины воспроизведения методов холодной войны, а также введение разного рода санкций и чёрных списков.

Между тем, такие действия имеют неправовой характер, а значит – юридически ничтожны. И не только из-за их одностороннего характера. Видимо, некоторые западные лидеры и, прежде всего, за океаном, мнят себя судьями мира, когда произвольно назначают виноватых и определяют меру ответственности для целых стран и народов, причём их не смущает, что они выносят вердикты по вопросам, находящимся вне их национальной юрисдикции. В современной Европе, как и сто лет назад, есть и другие тревожные тенденции.

Нам представляется, что к кровавому конфликту на Украине всё ещё многие относятся либо отстраненно, будто военная угроза ходит не рядом с их государствами, а где-то на другой планете, либо же судят о событиях слишком тенденциозно, без всякого стремления вникнуть в истинную природу украинского кризиса. По-прежнему избегают объективных и публичных оценок деятельности и характера нынешнего руководства этого государства, неспособного, а, может быть, и не желающего объединить страну.

У меня возникает вопрос: чего в действительности хотят эти внутренние и внешние силы, почему они не идут логичным и проверенным путём, через поиск согласия внутри украинского общества, зачем эскалируют военные действия, бросая в бой регулярную армию и объявляя всё новые этапы мобилизации? Ведь им хорошо известно, что насилие по отношению к собственным гражданам, в конечном итоге, выплёскивается вовне, а логика войны уже дважды подводила мир к краю пропасти.

В отличие от этих господ, в России крайне бережно относятся к исторической памяти и не устают призывать к этому других. На долю нашей страны выпало столько испытаний и страшных потерь, что противоядие от войны у нас в крови. Это относится

не только ко Второй, но и к Первой мировой войне, которая теперь уже никогда не будет в России забытой.

После десятилетий замалчивания у нас пришло время создавать общедоступные базы данных, содержащие информацию об участниках Первой мировой, воздвигать им памятники, снимать глубокие документальные и художественные фильмы, издавать книги и поощрять новые исторические исследования в этой сфере.

Два года назад Государственная Дума установила официальную дату памяти российских солдат Первой мировой войны – этот день, 1 августа, наступит уже завтра, и мы признательны тем, кто отметит его вместе с нами. На Поклонной горе в Москве уже ждёт своего открытия новый памятник Героям Первой мировой.

Хотел бы так же проинформировать вас, уважаемые коллеги, о том, что ко мне обратились представители Дома Романовых, потомки Великого Князя Николая Николаевича Романова, который в начале Первой мировой войны был Верховным Главнокомандующим всех сухопутных и морских сил Российской империи.

Последней волей Великого Князя, обращённой к родственникам, было его желание найти покой в родной земле, в России, рядом со своими солдатами. Сейчас прах Великого Князя и его супруги находится во Франции, в церкви Михаила Архангела в Каннах. Я думаю, что и по-человечески, и на государственном уровне было бы правильно поддержать инициативу потомков Великого Князя о перезахоронении его праха на Родине.

Уважаемые коллеги, мы знаем, что и за рубежом к столетию Первой мировой войны было много сделано для увековечивания её событий, и я надеюсь, что общественные и научные связи разных стран получают своё продолжение и после столетнего юбилея. Надеюсь, что появятся новые совместные проекты, положительно влияющие на развитие политического диалога и делающие будущее Европы более предсказуемым и более стабильным.

Ведущий торжественной церемонии памятного гашения марок. Уважаемые дамы и господа! Сегодня мы станем свидетелями торжественной церемонии памятного гашения серии из четырёх почтовых художественных марок с изображениями, посвящёнными истории Первой мировой войны. Мне приятно сообщить, что в торжественной церемонии принимают участие Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Российского исторического общества – Сергей Евгеньевич Нарышкин и руководитель Федерального агентства связи Олег Геннадьевич Духовницкий.

Уважаемые Сергей Евгеньевич, Олег Геннадьевич, просим вас занять почётные места за столом и приступить к торжественной церемонии.

А теперь, чтобы всем присутствующим было понятно, что происходит за этим столом, позволю себе дать некоторые комментарии.

Для гашения почтовых марок изготовлен штемпель первого дня, на штемпеле указано сегодняшнее число, этим штемпелем делается оттиск на конвертах. Конверты подписываются всеми участниками церемонии гашения. Тираж почтовых художественных марок серии, посвящённой истории Первой мировой войны, составляет 363 000 экземпляров каждого из четырёх сюжетов. Номинал каждой почтовой марки двадцать рублей. На почтовых марках этой серии отражены крупнейшие войсковые операции, проведённые Российской империей на фронтах Первой мировой войны. Среди них оборона русской опорной крепости Осовец, возведённой в пятидесяти километрах от Белостока и в течение 1914–1915 годов трижды подвергавшейся немецким атакам, в том числе и с применением химического оружия; Эрзерумская операция – крупное наступление российской армии в начале 1916 года на Кавказском фронте, когда русские войска полностью разгромили Третью турецкую армию и открыли себе дорогу вглубь Турции, завладев важным узлом обороны противника – крепостью Эрзерум. Конечно, нашла отражение в марках исторической серии операция, названная «Брусиловский прорыв», когда в 1916 году русские войска под командованием генерала Брусилова нанесли серьёзное поражение армиям Австро-Венгрии и Германии и, заняв значительную территорию Западной Украины, положили начало общему перелому хода Первой мировой войны в пользу стран Антанты. Четвёртый сюжет посвящён боевым действиям Русского экспедиционного корпуса, состоявшего из 4 особых пехотных бригад Русской армии, отправленных в 1916 году во Францию и Македонию.

Почтовые марки поступят во все отделения связи, граждане нашей страны получат возможность использовать марки для своей почтовой корреспонденции.

Итак, процедура гашения подошла к концу, и я приглашаю к микрофону Олега Геннадьевича Духовницкого.

Духовницкий О. Г. Уважаемые коллеги, уважаемый Сергей Иванович, уважаемый Владимир Иванович, уважаемый Тьерри Мариани, дамы и господа, участники форума! У нас действительно сегодня неординарное гашение государственного знака почтовой оплаты, почтовой марки. И не только потому, что это посвяще-

но такому драматическому событию, как Первая мировая война, а ещё и потому, что это целый блок, состоящий из четырёх высокохудожественных марок.

Я уверен, что эти марки займут почётное место в коллекциях филателистов нашей страны и их зарубежных коллег, многотысячными тиражами разойдутся по нашей стране и далеко за её пределами. Хочу также уверить всех участников сегодняшнего форума, что работа в этом направлении будет продолжена, будут осуществлены дополнительные выпуски – в 2015 и в 2016 годах. И я с удовольствием приглашаю всех участников сегодняшнего гашения быть готовыми продолжить это мероприятие уже в ближайшем будущем. Также хочу пожелать всем участникам сегодняшнего форума здоровья, удачи, успехов. Изучайте историю, любите свою Родину и собирайте марки. А сегодня в качестве небольших памятных подарков нам, участникам гашения, будут вручены рамы с теми марками, которые мы отправили, я надеюсь, в долгую почтовую жизнь.

Ведущий торжественной церемонии памятного гашения марок. Рамы будут вручены всем присутствующим на сцене. Уважаемые участники, займите своё место в центре для фотографирования. Дамы и господа, торжественная церемония гашения завершена, благодарю вас за внимание.

Якунин В. И. В этой церемонии должен был принять участие министр культуры, но он сейчас находится на заседании Правительства Российской Федерации. Я надеюсь, что, несмотря на вынужденное отсутствие, он не будет обойдён этим подарком, ценность которого будет расти от года к году.

Уважаемые коллеги, мы продолжаем форум и, с вашего разрешения, вместе с господином Мариани мы приступаем к ведению. Сейчас я хотел бы предоставить слово Владимиру Ивановичу Забаровскому, директору Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, члену Общественной палаты Москвы, генерал-лейтенанту, гостеприимно принимающему в этих стенах нашу конференцию. Пожалуйста, Владимир Иванович.

Забаровский В. И. Спасибо. Уважаемый Сергей Евгеньевич, уважаемый Владимир Иванович, уважаемый Тьерри Мариани, уважаемые дамы и господа, участники конференции!

Бесспорно, весьма значимо проведение столь важных мероприятий, посвящённых столетию начала Первой мировой войны, в нашем федеральном учреждении культуры России, в Центральном музее Великой Отечественной войны. И мы рады приветствовать вас в месте, хранящем память о событиях Мировых войн и Великой Отечественной войны. История неразрывно связала

эти глобальные события. Их ставит в один ряд масштабность, уничтожающая человеческие жизни жестокость, сила, разрушающая человеческий разум, меняющая мировосприятие человека, его психологию, меняющая взаимоотношения между людьми и государствами. События наших дней подчёркивают необходимость изучения, анализа событий Первой и Второй мировых войн, широкого исторического просвещения во имя сохранения человеческой цивилизации.

Сегодня уже можно уверенно сказать, что Первая мировая война возвращается в историческую память народов России. И свидетельством этого является не только проведение различных научных мероприятий по всей территории нашей страны, открытие музеев, экспозиций, памятников, памятных досок, издание новых учебников и военно-исторической литературы, появление новых исследований и многое другое. Свидетельством этого является обращение каждого человека к истории своей семьи, к сохранившимся фотографиям и личным документам своих предков, а также большой интерес посетителей музея к ещё недавно закрытой странице российской истории, к человеческим судьбам.

Именно Первая мировая война стала тем историческим рубежом, который изменил мир, и она не может не занять особую роль в историческом сознании народов России, тем более, что участие России в Великой войне – одна из доблестных страниц нашей истории.

Многие участники Великой Отечественной войны 1941–1945 годов прошли дорогами Первой мировой, воплотив в себе преемственность в защите Отечества, чувстве долга, чести, верности присяге. Именно Первая мировая стала школой жизни и «науки побеждать» для блестящей плеяды советских полководцев, победивших нацизм и фашизм: это Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин, А. И. Антонов, С. К. Тимошенко, Л. А. Говоров, И. Х. Баграмян, С. М. Будённый, В. И. Казаков и другие.

Но предстоит ещё огромная просветительская работа, чтобы в общественном сознании россиян стали известны и авторитетны имена А. А. Брусилова и М. В. Алексеева, А. М. Каледина и А. И. Деникина, выдающегося авиатора А. А. Казакова, первого Георгиевского Кавалера К. Ф. Крючкова, и многих других героев и полководцев той войны.

Первая мировая война унесла жизни многих миллионов наших соотечественников. Помнить об их поступках и делах есть долг потомка. И сегодня по окончании конференции состоится учредительное собрание общества потомков участников Первой

мировой войны, и мы очень надеемся и верим, что это не только создаст новый институт гражданского общества России, но и будет свидетельством патриотизма, следования лучшим традициям наших соотечественников и их старших поколений.

Бесспорно, именно Первая мировая породила практику тотального уничтожения людей. Вспомним слова командующего турецкими войсками в Закавказье генерала Халилия, заявившего в 1918 году: «Я старался уничтожить армянскую нацию до последнего человека». Вспомним массовый геноцид мирного греческого населения и многие другие факты. Мы отлично помним и знаем, какое трагическое развитие геноцид получил в годы Второй мировой войны. А как хорошо знание вооружает мы знаем, оно позволяет извлекать уроки из опыта прошлого, поэтому так важно изучение мировых военных катастроф.

Так важен предстоящий сегодня обмен мнениями и суждениями, тем более, что этот разговор проведут выдающиеся политики, лучшие специалисты по истории Первой мировой войны, деятели науки и культуры. Я уверен в том, что форум займёт особое место в анализе тех глобальных событий XX века, которые потрясли и переделали мир, в поиске исторической истины, в развитии культурных связей, в осуществлении благородной просветительской миссии, в формировании исторической памяти и консолидации нашего общества.

Желаю всем участникам и гостям форума успешной и плодотворной работы.

Тьерри Мариани. Спасибо, теперь я бы хотел открыть первый тематический блок, посвящённый истокам Первой мировой войны, и я хочу передать слово моему другу Владимиру Якунину, сопresidentу Ассоциации «Франко-российский диалог», президенту ОАО «Российские железные дороги» и доктору политических наук. Доклад: «Первая мировая война в актуальной повестке человечества».

Якунин В. И. Уважаемые члены организации «Франко-российский диалог», уважаемые дамы и господа!

Сто лет тому назад началась Первая мировая война, которая в тот период времени считалась самой разрушительной в истории человечества. Она унесла жизни более десяти миллионов человек.

За прошедшие с тех пор годы события Первой мировой были подвергнуты всеобъемлющему анализу и изучению. Но до сих пор появляются новые факты и артефакты, связанные с событиями тех лет. С другой стороны, наблюдаются попытки идеологизирования политической трактовки причин и целей той войны, искажения исторической правды. Используются неприемлемые инструменты

манипулирования общественным сознанием в глобальном масштабе с целью переложить ответственность за катастрофу 1914–1918 годов, на Сербию, Россию и Францию.

Беспорная истина искажается для того, чтобы реализовывать политику агрессии и глобального доминирования, проводимую сегодня вполне конкретными кругами США и Европы.

Центр изучения кризисного общества Фонда Центр национальной славы и кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова в своих научных разработках ставит целью объективно исследовать определённые политологические аспекты войны вообще и Первой мировой войны, в частности. Прежде всего, в методологическом плане война рассматривается нами как критическая точка, точка бифуркации, перехода мира от предыдущей парадигмы развития к последующей.

На наш взгляд, недостаточно изучить действия государственных органов ведущих держав в преддверии войны, события, послужившие непосредственным спусковым крючком, но необходимо объективно определить, кто же, в конечном итоге, стал приобретателем или, как мы говорим, бенефициаром кровавой трагедии.

Особую роль, по нашему мнению, предлагаемый подход играет в современности, так как он, с одной стороны, может позволить сильному миру сего вести организованную и прицельную борьбу против развязывания очередного витка критического перенапряжения в мировой политике, а с другой стороны, предотвратить формирование ложных образов врага в общественном сознании вовлечённых стран.

Таким образом, для нас изучение войны как политического явления становится своеобразным методом познания трендов развития современного мира. В этом смысле исторические аналогии между 1914 и 2014 годами не просто угадываются, они очевидны.

Сто лет назад военный сценарий предотвратить не удалось, об этом только что говорил Сергей Евгеньевич Нарышкин. Сто лет назад началась Первая мировая война. Как уже сказано, глобальные войны выступают как инструмент ревизии мироустройства. Они случаются тогда, когда прежняя мироустроительная система уже не действует, а новая ещё не легитимизирована. В этом отношении приходится констатировать, что, несмотря на наше негативное отношение к самому факту войны, глобальные военные конфликты прошлого были исторически закономерны.

Вопрос, который стоит сегодня на повестке дня нашего глобального общества, заключается в следующем: являются эти закономерности объективно непреодолимыми законами, или всё-таки у человечества есть инструменты и методы предотвращения подобного развития событий?

Мы исходим из того, что, зная закономерности, можно оказывать целевое воздействие на факторы, их порождающие. Связь между войнами и установлением новых мироустроительных парадигм прослеживается достаточно чётко. В наши дни ориентир сценарного военного проектирования предполагает, соответственно, ревизию результатов коллективной победы над фашизмом и упразднение сохраняемых компонентов прежней бинарной системы мироустройства. И для понимания современных процессов необходимо выяснить, кому это выгодно.

Период, предшествовавший Первой мировой войне, определяется современными историками как период борьбы за передел мира. К началу XX века сложились трансконтинентальные колониальные империи. Взятая ими за основу политика экспансии приводила следующим этапом к программируемому столкновению между собой в борьбе за глобальную гегемонию.

Сегодня множественность региональных «горячих точек» создаёт мировую сеть глобальной военной эскалации. Казалось бы, колониальные империи остались в прошлом. Но неоколониализм на практике ничуть не менее экспансивен, чем традиционный колониализм накануне Первой мировой войны.

Большая война может начаться в любой точке планеты. Идеологические основания этого уже подготовлены, их даже больше, чем в начале XX века. События в Косово легитимизировали начало нового передела мира. С этой точки зрения, нас интересует положение, которое уготовано России в проектах этих глобальных корректировок.

Наш известный соотечественник, публицист, поэт Иван Сергеевич Аксаков говорил: «Если поднимается свист и гам по поводу властолюбия и завоевательной похоти России, знайте, что какая-либо западноевропейская держава готовит бессовестнейший захват чьей-либо чужой земли». Это абсолютно соответствует тому, что мы сегодня наблюдаем в современном мире.

Прекрасной иллюстрацией тезиса является современная мировая ситуация. Натовские войска вторгаются на территорию Сербии, Ирака, Афганистана, Ливии, они едва не вторглись в Сирию. На средства США инициируются и осуществляются свержения легитимных режимов в разных уголках планеты. Когда возникает некоторое противодействие этой глобальной экспансии, экспансии глобального доминирования, то агрессором, как и в прежние времена, объявляется Россия. Подтверждается старое высказывание по поводу того, кто громче всех кричит «Держи вора!»

Российская империя больше других старалась предотвратить глобальный военный сценарий. В 1908 году она пошла на уступ-

ки во время австро-венгерской аннексии Боснии и Герцеговины, что вызвало весьма напряжённую реакцию внутри российского общества. Она не вмешалась в Балканские войны, несмотря на то, что Османская империя перекрыла проливы для российских судов, причинив тем самым колоссальный ущерб экономике страны. Российскую империю явно провоцировали навязывание в конфликт на Балканах. После сараевского убийства Россией был, как известно, предложен мирный путь разрешения конфликта. За три дня до войны русский император Николай II направил кайзеру Вильгельму II телеграмму с предложением передать австрийско-сербский вопрос для урегулирования в Международный Третейский суд в Гааге. Эта инициатива осталась без ответа.

Гаагские конференции, проходившие в 1899 и в 1907 годах и заложившие основу политики коллективного предотвращения войн, были, как известно, также инициированы Николаем II. Но несмотря на столь очевидный российский курс на предотвращение глобальной войны, поток обвинений в агрессивных замыслах по-прежнему обрушивался именно на Россию.

Пропагандистский образ, используемый в отношении России, крайне устойчив. Вот некоторые зарисовки на эту тему.

Сегодня, в контексте столетия Первой мировой войны, обвинения в империалистической сущности России зачастую предъявляются с отсылкой к событиям столетней давности. Аргументация при этом используется следующая: как сто лет тому назад Россия развязала Первую мировую войну, так и в настоящее время она развязывает новый мировой военный конфликт.

Пример такого рода исторических параллелей даёт новый украинский информационный ресурс с симптоматичным наименованием «Евромайдан онлайн. Информационное сопротивление Путину».

Выдвигается следующая версия генезиса Первой мировой войны: «Спусковой крючок войны» нажали «заигравшиеся» спецслужбы России. Россия планировала передел мира, мечтая о возвращении Константинополя. Ровно сто лет спустя видим сходную «игру» спецслужб России, начатую операцией «возвращение Крыма».

В этом смысле показательной является публикация «Суть и виновники Первой мировой войны», вышедшая под псевдонимом Юрген Хольтман. Вот прямая цитата оттуда: «Ответственность за начало Первой мировой войны лежит на Сербии (в первую очередь), России (во вторую) и Франции (третью). Германия и Австро-Венгрия были фактически вынуждены начать превентивную войну против Сербии, России и Франции с крайне низкими шансами на победу (против нулевых шансов на победу

в случае, если бы они продолжали ждать неизбежного нападения франко-русско-сербской коалиции)». Это как раз то, о чём я говорил во вступительной части своего доклада. Кто виновник, по версии этой публикации?

Попытаемся же разобраться, кому в конечном итоге была выгодна Первая мировая война, кто действительно был бенефициаром развивающихся событий? И здесь целесообразно, по нашему мнению, расширить спектр поиска. Взаимные обвинения национальных государств принципиально не смогли разрешить проблему определения виновников войны. XX век предоставил новую политическую реальность, новизна которой состоит в том, что важнейшие решения мировой политики сегодня принимаются зачастую не на уровне национальных правительств. Формируется новый мировой политический класс, который мы в своих разработках назвали, достаточно условно, финансово-олигархическим бенефициариатом. Это те, кто сосредоточил в своих руках огромные финансовые и, как следствие, огромные материальные ресурсы, позволяющие программировать развёрстку мирового политического процесса. К этому надо добавить ещё и владение всеми информационными каналами и организациями, участвующими в формировании мирового информационного контента.

Войны заложены в самой природе сложившейся мировой экономической модели, условно определяемой в качестве системы капитализма. Сегодня это неолиберальная модель, которую хорошо известный американский экономист Пол Кругман назвал «садомонетаризмом». Думаю, что очень хлестко и очень точно.

Эта модель может существовать только в постоянном наращивании потребления, в постоянном расширении рынка сбыта. Если такого расширения не происходит, то возникают критические ситуации и, следовательно, критические конфликты.

В конце XX века мир был фактически разделён между государствами-метрополиями. Дальнейшее приращение рынков сбыта могло происходить только за счёт захвата новых территорий. Так, разрушение СССР и международной системы социализма сопровождалось захватом новых обширных рынков сбыта, что и спасло Запад от очередного глобального кризиса.

Но есть ещё один аспект, который интересует меня ещё и с позиций моей вовлеченности в транспортную работу. Дело в том, что в тот период времени существовало три определённых версии того, что мы сегодня называем транспортными коридорами транзита товаров и грузов между Азией и Европой. Важнейшей торговой артерией тогда являлся путь, связывавший Азию и Европу, и у него существовало три альтернативных варианта.

Один нам хорошо известен, это вариант прохождения транспортных коридоров через территорию России. Он и сегодня существует – это Транссиб. В «дожелезнодорожную» эпоху по этой артерии перемещался гужевой транспорт.

Второй вариант евроазиатского пути – морской, через Суэцкий канал, который всегда находился под полным контролем Великобритании.

И, наконец, третий вариант, который хотелось создать тогдашним участникам – это путь Берлин-Багдад-Басра. Данная траектория транзита соотносилась с германской геополитикой, и единственным препятствием в реализации этого проекта тогда оказалась Сербия. Железная дорога проходила по территории Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Турции; три последних государства являлись союзниками Германии в Первой мировой войне. Сербия же явно являлась помехой для реализации этого транспортного коридора. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда сербским террористом стало крайне удачным поводом разрешить, в том числе, и эту проблему. Не стану утверждать, что это была самая главная причина, но, тем не менее, этот аспект нельзя сбрасывать со счетов.

Естественно, что мировые войны приводили не только к перераспределению сфер влияния, но и к созданию новых государств.

Важная роль при оценке кризиса принадлежит, конечно, идеологическому проектированию. С этой точки зрения современный кризис является не только кризисом финансово-экономическим, как его когда-то называли, но кризисом системным.

Потребительская культура, разрушение традиционной семьи, падение ценности труда, различные формы социальных девиаций – это известные признаки нашего времени. В одних странах эта эрозия идёт более быстрыми темпами, в других – медленнее. Наши иностранные коллеги, члены Ассоциации «Франко-российский диалог», наблюдают это в каждодневной жизни. Миллионные выступления за уравнивание в правах гомосексуальных и гетеросексуальных браков потрясли, прежде всего, именно Францию. А это как раз напрямую соотносится с ценностными основаниями любой цивилизации, с культурой, с попытками дальнейшей атомизации современного западного общества.

Хотелось бы ещё раз вернуться к параллели между 1914 и 2014 годом. Количество этих совпадений, безусловно, является сигналом к тому, чтобы силы мира более предметно, более концентрированно выступили в защиту мира, вопреки тенденции скатывания к глобальному конфликту.

Не так давно видный американский философ Фред Даллмайер опубликовал на сайте Мирового общественного форума

«Диалог цивилизаций» своё воззвание, посвящённое именно этому. И его высказывание не единичное явление. Необходимо, чтобы голоса людей, мыслящих так, сливаясь в хор, стали весомой силой в борьбе с теми, кто планирует дальнейшую эскалацию напряжения.

Конечно же, нас, прежде всего, интересует наша собственная страна, судьба нашего общества. Россия, точно так же, как и в прежние времена, должна смело предъявлять мировому сообществу своё видение ухода от столкновения цивилизаций, выступать в поддержку инструментов мирного разрешения надуманных или реально существующих конфликтов – всё это для того, чтобы сохранить мир.

Закончу своё выступление высказыванием ветерана Первой мировой войны французского писателя Анри Барбюса: «Война будет повторяться ровно до тех пор, пока вопрос о ней будет решаться не теми, кто умирает на полях сражений». Это абсолютная правда.

Считаю, что наша конференция призвана возвысить свой голос против того, чтобы геополитические конфликты решались и развивались вопреки интересам человечества.

Уважаемые участники конференции, я с большим удовольствием предоставляю слово сопresidentу Ассоциации «Франко-российский диалог», депутату Национального Собрания Франции Тьерри Мариани. Доклад «Россия и Франция – союзники».

Тьерри Мариани. Дорогой президент, дорогие друзья, дорогие участники форума!

Я не историк. Господин Якунин напомнил, что я депутат, и хочу сказать, что – как говорил сенатор Монтескью – связь между Францией и Россией в моменты кризисов должна укрепляться, от имени моих многих коллег во Франции из Ассоциации, я глубоко сожалею, что наши страны втянуты в этот горький и неприятный конфликт.

Я был одним из тех, кто отказался голосовать за санкции против Российской Федерации, и хотел бы подчеркнуть, что роль коалиции России и Франции как и век назад необычайно важна.

Я уверяю вас, что связи, которые объединяют наши страны, очень сильны, и Франция – одна из тех стран, которые не хотят быть втянуты в новый экономический или политический конфликт. Я хотел вам об этом напомнить, потому что есть историки, которые знают хорошо цифры и факты, но мы, как политики, имеем свою особенную миссию.

Во-первых, наша миссия заключается в том, чтобы поддерживать память. Я встречался с учениками французского лицея в Москве, и я там увидел на стенде экспозицию фотографий и рисунков,

посвящённых памяти участников эскадрильи Нормандия – Неман. И я хотел бы поддержать память о Второй мировой войне, напомнить, что русские и французы вместе воевали во время Второй мировой войны, и мы должны поддерживать эту память.

Когда мы слушаем речь Элен Каррер д'Анкокс, мы поймём, что во Франции очень часто забывают о том, что 40 тысяч русских солдат сражались во время Первой мировой войны на стороне французов. Они прошли через Китай, посланные императором, на Западном фронте многие остались на полях сражений, и во Франции очень часто забывают об этом, умалчивают. Поэтому я хотел бы, чтобы во Франции так же чтили память этих павших солдат.

Знаете, когда политики предают историю, они тем самым предадут будущее. Я хотел бы подчеркнуть, что два месяца назад мы отмечали День высадки в Нормандии, и возник вопрос: нужно было или нет приглашать Президента России Владимира Владимировича Путина. Как можно было вообще обойтись без этого приглашения, как можно было умалчивать о том, что во время Второй мировой войны в 1944 году была высадка американских союзнических войск, но эта высадка не могла бы быть возможной без участия России, без Сталинградской битвы, без всего того, чему посвящён музей, в котором мы находимся. И, конечно, подумать о том, что по каким-то политическим причинам можно было бойкотировать эту страну, которая больше всего пострадала в этой войне – это просто оскорбление, это пощёчина прошлому. Это неизбежный путь к тому, чтобы предать будущее, потому что воспоминания и о Первой, и о Второй мировой войне нужно поддерживать самым тщательным образом.

Сейчас, конечно, мы переживаем период несколько напряжённых отношений между Россией и Францией, между Европой и Россией. И поэтому эта конференция и этот форум должны напомнить нам, что Александр III и Николай II взяли курс на очень активное сотрудничество, они объединили Россию и Францию в совместном, общем деле, они были верны этому союзу и верны общей истории.

К этому альянсу присоединилась Великобритания. В те времена можно было представить, что два кузена приглашают третьего – это было практически семейное дело.

В августе 1914 года Россия в Пруссии предприняла очень активное наступление, которое увенчалось успехом российских войск. Франция спустя некоторое время воспользовалась слабостью германского боевого порядка, маршал Жоффр смог в нескольких десятках километров от Парижа начать знаменитое сражение на Марне, которое спасло столицу Франции. Известно, что в то время французское правительство считало, что всё потеряно,

и уже собиралось переехать в Бордо. И цена, которая была заплачена русскими войсками за то, чтобы спасти Париж, была очень высока, погибло около двухсот тысяч русских солдат.

Баланс был восстановлен как на Западном, так и на Российском фронте. И нельзя отделять эти операции на Западном и на Восточном фронтах, потому что успех действий на Западном фронте был во многом обусловлен тем, что боевые действия русских солдат заставляли немцев и австро-венгров поддерживать и увеличивать свою военную мощь в направлении противостояния с Россией, ослаблять свой натиск на Западном фронте. Более 100 дивизий в конце 1914 года против 37, которые сражались на Западном фронте. Интересно отметить, что стратегическая перестановка сил союзников имела целью поддержать боеспособность друг друга: российское наступление в 1914 осуществлялось для того, чтобы оттянуть основные войска прогерманской коалиции от Франции, и также Францией было предпринято в 1915 году наступление, нацеленное на то, чтобы снизить немецкое и австро-венгерское давление на российских фронтах.

Маршал Жоффр лично следил за тем, чтобы поддерживался этот эффект раскачивания для ослабления давления на российском фронте. В 1916 году Россия направила на Западный фронт экспедиционный корпус, солдатам которого был недавно поставлен памятник в Париже. Присутствующий здесь историк подробно расскажет нам об этой войне, которая забыта в советский период по всем известным причинам. И забыто также во Франции то, что касается российского военного участия.

Мы должны извлечь уроки из этой Великой войны. Она не могла быть предотвращена из-за ограниченности политического видения политиков того времени, которые не смогли решить споры путём переговоров. И когда анализируем все политические ошибки, совершённые в тот период, параллель с современностью проявляется весьма тревожно. Несправедливый Версальский договор породил и Вторую мировую войну. Сепаратный Брестский мир, поддержанный большевистским правительством, был рассмотрен как предательство по отношению к Антанте. И Россию отстранили от мирных переговоров и от Версальского мира.

Вот несколько уроков, которые по окончании Первой мировой войны оказали большое влияние на судьбу континента.

Я хотел бы закончить двумя цитатами из Маршала Фоша: «Если Франция не была стёрта с карты Европы в 1914 году, она обязана этим России, потому что она смогла ослабить давление немецких войск благодаря наступлению в нужный момент». И по поводу Версальского договора – «это не мир, это двадцатилетнее

перемирие, и важно не столько выигрывать войну, нужно уметь сохранять мир».

Те, кто пытался вовлечь Европу в фатальную эскалацию, привели её в итоге ко Второй мировой войне, к катастрофе. Франция привязана к Европе, но Европа – это не административная конструкция, как говорил генерал де Голль – это, прежде всего, цивилизационный фактор от Атлантики и до Урала. И к этой концепции мы привержены в обеих странах. Францию и Россию в течение двух войн объединяют различные факторы и, чтобы не уступать тем, кто хочет нас разделить, нам следует сблизиться. По-моему мнению, празднование столетнего юбилея Первой мировой войны должно актуализировать для нас те уроки, которые нельзя забывать. Особенно важно при этом помнить, что эта война, так же, как и следующая, была выиграна потому, что франко-российская дружба была важна и существенна. Спасибо за внимание.

Якунин В. И. Слово предоставляется ректору Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России, академику Российской академии наук Торкунову Анатолию Васильевичу. Доклад на тему «Первая мировая война и правовые основы мироустройства».

Торкунов А. В. Уважаемый Сергей Евгеньевич, уважаемые французские коллеги, друзья, уважаемые российские коллеги, все участники форума! Я, прежде всего, хотел сердечно поблагодарить организаторов форума за сегодняшнее событие и за тему, которая была выбрана для сегодняшней встречи.

Мне кажется, что ещё некоторое время тому назад, когда мы начинали подготовку к столетней годовщине, нам казалось, что все мероприятия вокруг этой даты скорее будут носить исторический, академический памятный характер. А сегодня выясняется, что темы, которые мы обсуждаем, настолько политически актуальны, что затрагивают всех. Не только историков и людей, связанных с изучением Первой мировой войны, но и всех, кто озабочен, озадачен сегодняшней международной ситуацией.

Конечно, про Первую мировую войну сказано и написано очень много, однако, как считает подавляющее большинство аналитиков, годовщина столетия со дня начала Первой мировой войны только усиливает марафон противоречий в оценках причин её возникновения, в том числе тенденцию к ревизии представлений относительно столь чувствительных категорий, как ответственность и вина.

В общем виде, пожалуй, можно выделить две основные школы мысли в вопросе генезиса Первой мировой войны. К традиционным оценкам, которые нам известны ещё со школьной скамьи,

можно отнести следующее: война стала следствием развития объективных процессов, связанных с неравномерным характером развития государств на соответствующей стадии развития капитализма, что привело к резкому усилению противоречий между ними и стремлению части держав, прежде всего Германии и ориентировавшейся на неё Австро-Венгрии, выражаясь современным языком, переформатировать в своих интересах сложившийся в Европе миропорядок.

Возникновение Первой мировой войны было, по сути дела, исторически детерминированным явлением. Существует и другой подход, согласно которому Первая мировая война стала результатом целой цепочки шагов и решений, причём не обязательно, что каждое из них само по себе было необдуманно и авантюристичным, но в конечном итоге они привели к фатальным последствиям.

Кембриджский профессор К. Кларк в своих оценках войны называет её участников лунатиками, бдительными, но слепыми. Подобная лунная болезнь, как можно понять из его суждений, оказывается неизлечимой и рискованной, ибо и сегодня бдительность и слепота могут вполне пойти рука об руку, а панацея от этого странного мезальянса так и не найдена.

В таком подходе элемент исторического детерминизма в вопросе возникновения Первой мировой войны заметно ниже, и она в большей мере рассматривается как плод субъективной воли отдельных личностей или партий, стоявших во главе крупнейших европейских держав.

Сегодня мы чуть ли не в деталях знаем о душевных метаниях и политических колебаниях царствующих особ и военнополитических лидеров четырёх европейских империй: Российской, Германской, Австро-Венгерской и Британской, а также республиканской Франции в канун войны, когда от их действий зависели судьбы миллионов людей. Большинство из этих знаковых персон своего времени не выглядели заведомо человеконенавистниками и как будто старались действовать в интересах своих стран и народов, естественно, в собственном понимании этих интересов.

В этих обстоятельствах тем более необходимо понять, почему в принципе стала возможна вселенская трагедия, которой никто из трезвых политиков не желал, а сама война выдвинулась в худшем случае как весьма непродолжительный блицкриг, по германской терминологии, который, как обещал кайзер Вильгельм II, завершится раньше, чем опадёт листва с деревьев.

Это важное понятие в контексте того, что мы наблюдаем сегодня, когда череда локально-региональных конфликтов в чем-то напоминает серию Балканских войн, предшествующих возник-

новению Первой мировой войны. Первой жертвой всякой войны становится международное право. Изречение Цицерона – «Среди оружия безмолвствуют законы» – в этом случае в полной мере вступает в силу.

Известный русский юрист Владимир Гессен ещё в 1915 году пояснял, что вопрос о том, существует ли право войны или война является отрицанием права, сводится к существованию тех норм, которые определяют обязанности и права воюющих сторон.

В русской школе международного права в ходе начавшейся мировой войны был поставлен ряд вопросов с целью прояснить роль и место права в вооружённом конфликте. Как отмечал Гессен, утверждение, что право войны не является правом, означает, что одна лишь сила становится началом, определяющим международную жизнь.

Как известно, отрицание норм международного права началось ещё задолго до Первой мировой войны и проявилось вскоре после первой Гаагской конференции мира 1899 года. Ещё в 1902 году германским Генеральным штабом издаётся сборник, название которого в русском переводе звучит так: «Военный обычай в сухопутной войне». Основное доктринальное значение немецкого сборника – отрицание правового характера норм, регулирующих применение вооружённой силы. Смысл войны, как полагали кайзеровские военные юристы и теоретики, – позволение всякому воюющему государству применять все имеющиеся средства, способные содействовать военным целям и задачам.

По представлениям авторов германской военно-правовой доктрины, реализованной затем в ходе войны, военные обычаи или военные нравы и приёмы ведения войны являлись ни чем иным, как добровольным ограничением воюющего государства в его собственных интересах.

Кодифицированные нормы права войны, заложенные в Гаагских конвенциях в 1899 и 1907 годах, по квалификации берлинских юристов и генштабистов того времени обязательной силы не имели и могли рассматриваться лишь как нравственные принципы.

Теоретическое обоснование допустимости применения в ходе войны любых средств ради достижения поставленных целей означало заведомую маргинализацию находившегося в стадии формирования и становления международного права. Юридический образ цивилизованного и возвышенного, как многим казалось, европейского мышления ещё до Мировой войны уступил место государственно-ограниченным национальным интересам, которые обслуживались собственными правовыми школами.

По квалификации международного правового сообщества, первой невозвратной потерей европейской цивилизации прошло-

го века явилась германская расправа над нейтралитетом Бельгии. За весь Вестфальский период европейского права нейтралитет, как правовая и политическая институция, не переживал подобного фиаско. Установленный на договорной основе в 1831 году и подтверждённый гарантиями со стороны Англии, Австрии, Франции, России и Пруссии, бельгийский вечный нейтралитет являлся правовым идеалом европейского порядка.

Не менее цинично оправдывалось нарушение Германией международного права в отношении нейтралитета Люксембурга. Гарантированный договором пяти европейских держав люксембургский нейтралитет, явившийся следствием договорённости Бисмарка и Наполеона третьего, так же был брошен под колёса войны без каких-либо колебаний.

Одним из главных уроков Первой мировой войны является возникшее понимание, переросшее затем в твёрдое убеждение, что для предотвращения повторения мировой бойни необходимо формирование прочной международной правовой системы, имеющей в качестве своего стержневого элемента универсальную международную организацию.

Такой организацией стала Лига Наций, устав которой составлял неотъемлемую часть Версальского мирного договора, подведшего черту под Первой мировой войной.

При заведомом несовершенстве Лиги Наций, впервые в мировой истории был создан международно признанный механизм, направленный на то, чтобы предотвратить новую Мировую войну. Однако, как и в ситуации накануне Первой мировой войны, конкретные национально-государственные интересы отдельных держав, которые формировались тогдашними элитами, оказались выше международного права, которое вновь было отброшено и растоптано.

После Второй мировой войны ситуация повторилась. Итогом общего согласия лидеров держав-победителей стало создание наследницы Лиги Наций – Организации Объединённых Наций, более совершенной и дееспособной универсальной международной организации, главной целью которой, как и в случае с Лигой Наций, было провозглашено избавить грядущее поколение от бедствий войны.

ООН сцементировала международную правовую систему, в уставе ООН были закреплены базовые принципы современных международных отношений, соблюдение которых должно было обеспечить стабильный и безопасный мир. Казалось, что был создан едва ли не идеальный мировой порядок.

ООН и его устав, а вместе с ними и вся система международного права прошли испытания холодной войны и, несмотря на все

трудности и драматизм того исторического периода, выстояли. И вряд ли кто-то мог предположить, что настоящая проверка на прочность современной международной правовой системы начнётся после окончания холодной войны.

С начала девяностых годов прошлого века Россия постоянно указывает на двойные стандарты международного права, ещё в 1994 году тогдашнее российское политическое руководство, которое трудно заподозрить в неприязни к США, заявляло о том, что холодная война может смениться холодным миром.

К сожалению, негативные тенденции международных отношений за прошедшие с тех пор два десятилетия только усилились. С античных времён известно выражение: «то, что дозволено Юпитеру, непозволительно быку». Современный Юпитер, с которым себя ассоциируют США и некоторые из их союзников, весьма произвольно и односторонне трактует нормы международного права.

На наших глазах деградирует и разрушается современная система международного права. За примерами далеко ходить не надо – это осуществлённые без санкций Совета Безопасности бомбёжки союзной республики Югославии и интервенция в Ирак, которые привели к разрушению этих стран. Это и произвольная трактовка со стороны государств НАТО резолюции Совета Безопасности ООН по Ливии и их прямая поддержка мятежников, которая привела к кровавой смене режима в этой стране. Это наиболее вопиющие, но далеко не все случаи попрания международного права в последние годы.

Сила права, к сожалению, всё меньше может конкурировать с правом сильного. Это очень опасный симптом и сегодня все мы являемся свидетелями кровавой трагедии на Востоке Украины.

У нас разные, возможно даже диаметрально противоположные оценки положения в этом государстве с нашими западными коллегами. США и их союзники произвольно и заранее определили, кто в этой ситуации прав, а кто виноват. Это не новый подход, он, в принципе, характерен для Запада, сегодня уже говорилось об этом.

Россию США и Евросоюз пытаются наказывать односторонними санкциями, само применение которых является, на наш взгляд, очень опасным прецедентом. Группа государств, по сути, подменяет собой Совет Безопасности ООН, который является единственной международной инстанцией, правомочной санкционировать подобные меры. Разрушается, таким образом, универсальный характер современной международной правовой системы и это может иметь совершенно непредсказуемые последствия в будущем.

Как мы видим из уроков истории, обе мировые войны, ставшие величайшими трагедиями XX века, начинались с деформации международной правовой системы, которая разрушалась под напором эгоистических интересов конкретных держав, считавших, что они в состоянии разом добиться своих целей, отбросив международное право, которое начинало им мешать.

Сегодня мы видим признаки, а может уже и конкретные проявления такого курса. И на это нельзя закрывать глаза. Наличие прочной, имеющей всеобщее признание, а не декоративной международно-правовой системы, является гарантией мира во всём мире.

Россия, которая пострадала от двух мировых войн больше любой другой страны, кровно заинтересована в эффективности международно-правовой системы. И, на мой взгляд, делает всё от неё зависящее для её сохранения и развития.

Якунин В.И. Уважаемые участники, слово предоставляется прекрасному человеку, хорошо известному в России – Элен Каррер д'Анкокс – постоянному секретарю Французской Академии с докладом: «Русский экспедиционный корпус во Франции. Взгляд Франции».

Элен Каррер д'Анкокс. Дорогие коллеги, уважаемые дамы и господа!

Я могла бы представить доклад по-русски, но вы понимаете, что, как глава Французской Академии, я должна говорить по-французски. К тому же, это франко-российская встреча, среди участников есть французы, так что нужно слушать и французский язык. Моя тема «Русский экспедиционный корпус во Франции. Взгляд Франции».

Каждый француз в школе учил, что Первая мировая война изменила весь характер политических процессов XX века, что исход Марнской битвы спасли русские солдаты, тысячи и тысячи из них пали на полях сражения за спасение европейской цивилизации.

21 апреля 1916 года русские войска прошли по Франции в обстановке всеобщего энтузиазма, французские граждане были очень рады и надеялись, что русские войска помогут в сложившейся ситуации.

А началось всё в 1915 году, когда Аристид Бриан отправил телеграмму в Россию с просьбой о подкреплении и военной помощи. Генерал По, который в начале 1915 года заменил генерала де Лагиша на посту начальника военной миссии, приезжал в Петроград и встречался с официальными лицами. Но в этот период произошло неприятное событие. Ещё до того, как он приехал, французский посол получил телеграмму о том, что будучи проез-

дом в Стокгольме, Поль Думер раскритиковал военную ситуацию во Франции. Вопрос в том, почему Франция попросила помощи у России: потому что Россия была её союзником или потому что Франции действительно нужна была помощь? Поль Думер утверждал, что он ничего не говорил, но, к сожалению, этот эпизод не прошёл бесследно.

Итак, Поль Думер сначала обсудил ситуацию с генералом А. А. Поливановым, а затем дважды, 7 и 15 декабря 1915 года, был принят императором. Он говорил о поставках оружия, заказал 50 тысяч ружей и особенно просил послать войска во Францию. Генерал М. В. Алексеев, присутствовавший при этой встрече, отнёсся к запросу довольно сдержанно, и сказал, что российские солдаты вряд ли смогут поехать на этот фронт. Однако в своей телеграмме Поль Думер пишет, что российский император готов отправить войска, но сначала он планирует отправить пехотную бригаду. Предполагалось, что русские солдаты не будут присоединены к какому-либо французскому полку или дивизии. Они должны были отправиться во Францию из Архангельска. Но самое главное, император будто бы пообещал, что эта русская бригада будет первой, а затем, пока конфликт не закончится, каждый месяц во Францию будет отправляться ещё 40 тысяч солдат.

Это известие, конечно, обрадовало Аристида Бриана, он отправил поздравительную телеграмму с благодарностью Полю Думеру. Но 18 декабря 1915 года происходит недоразумение, когда в разговоре с С. Д. Сазоновым, выясняется, что последний никогда не слышал об этих 40 тысячах солдат. Ему об этом не было ничего известно, в результате все переговоры нужно было начинать заново.

Итак, Бриан вызывает к себе Думера, рассказывает ему об этом недоразумении, Поль Думер перекладывает ответственность на какие-то недопонимания внутри российского командования и высказывает мнение, что вообще не надо говорить об этих 40 тысячах солдат, а надо говорить о самом главном, о той армейской бригаде, которая должна была в скором времени отправиться во Францию. Сложность для Бриана и Думера заключалась в том, что им нельзя было показать России, что Франция совершенно обескровлена и просит этих солдат не для того, чтобы победить, а просто для того, чтобы как-то спастись.

Поэтому Бриан утверждал в России, что Франция очень сильна, что солдаты нужны просто для укрепления дружеских отношений, что дело не в том, что Франция совсем истощена, он это подчёркивал во всех телеграммах. Он говорил о том, что в России есть целая коалиция, которая пытается рассорить Россию и Францию.

Что касается Николая II, то он очень твёрдо стоял на своём. Несмотря на то, что М. В. Алексеев и С. Д. Сазонов были против, император считал, что бригаду отправлять нужно.

Он принял решение 1 января 1916 года. 8752 солдата и офицера должны погрузиться на корабли и отплыть. Тут возник вопрос: кто будет оплачивать проезд? Я говорю об этом так подробно, чтобы показать насколько непростая была ситуация. В конце концов, Бриан согласился с тем, что проезд русской бригады солдат оплатит Франция.

Тогда возникает ещё один вопрос – куда отправлять солдат? Изначально Николай II вместе с Брианом приняли решение отправить солдат на французский фронт, но позже обострилась ситуация на балканском фронте.

В октябре 1915 года Поль Думер встретился в Царском Селе с императором и намекнул ему, что русская бригада могла бы отправиться в Салоники, где сложилась сложная ситуация. Такое решение показало бы союзникам, что Россия поддерживает Францию, а не Болгарию, Россия ясно обозначила бы свою позицию.

В январе 1916 года, когда экспедиционный корпус был уже готов к отправке, вопрос поднимается снова. Бриан вместе с послом решают, что бригада всё-таки должна отправиться в Салоники. Но Николай II вполне одобрил это решение. В это же время генерал По сообщил Николаю II, что отправить русскую бригаду в Салоники невозможно, так как офицеры согласились на эту мобилизацию только потому, что им сказали, что главный фронт находится во Франции. Вот почему приказ отправляться в Салоники был бы воспринят как разочарование.

Здесь начинается своего рода «политический балет». Уже январь 1916 года, солдаты срочно нужны на фронте. В это время генерал Жоффр, которому сообщили о ситуации, просит Николая II в телеграмме отправить солдат в Салоники. Параллельно генерал По требует, чтобы их в Салоники не отправляли.

В итоге Николай II принимает решение отправить солдат во Францию – не по слабости характера, но чтобы принять решение в пользу Франции, потому что франко-российские отношения имели для него большое значение. Также он решает отправить в Салоники другую русскую бригаду, которая должна была быть организована и отправлена в те же сроки.

Всё было бы хорошо, если бы не эти политические недоразумения. Посол Думер отправляет секретную телеграмму Бриану, чтобы объяснить, что именно Сазонов запутал всех и «напустил тумана».

В апреле 1916 года бригада прибывает в Марсель, проходит торжественным маршем по городу, солдатам раздают ружья. Так

начинается участие русских солдат в военных действиях на французском фронте.

Однако посол Франции в Вашингтоне поднимает волну возмущения. По его мнению, тесные союзнические отношения России и Франции возмутительны. Помощь России истощённой на войне Франции негативно повлияет на позицию Франции по отношению к её английским союзникам, что может отрицательно сказаться на результате мирных переговоров.

В то же время французский консул в Москве отправляет ещё одну телеграмму о том, что слухи об этой военной бригаде беспокоят русское население. Люди опасаются того, что их отправят в Верден, в эту кровавую бойню. Это означает, что военная ситуация во Франции очень сложная и что Франция находится на грани поражения. Конечно, с одной стороны, это укрепляет союз Франции и России, с другой стороны, многие начали догадываться о том, что Франция не может больше продолжать войну, что у неё нет сил.

В целом, этот спор был неуместен, так как русская бригада уже находилась в Марселе. Пока шло обсуждение, генерал Жоффри остро нуждался в поддержке русских солдат. Он пишет обращение, в котором говорит о том, что эта бригада будет сражаться бок о бок с французами, и вместе они победят. И в то же время он объясняет Николаю II, что вторая бригада, которую должны отправить в Салоники – в ней нет больше нужды, она фактически может оставаться дома.

В апреле 1916 года битва при Вердене была в самом разгаре, нужно было принимать срочные меры. Министр вооружений А. Тома направляется в Россию, император принимает его очень тепло. Тома пытается доказать императору, что русские солдаты будут гораздо полезнее на французском фронте, где итог войны будет решён гораздо быстрее.

Не знаю, как император воспринял этот аргумент, но в итоге он решает положительно ответить на запрос французской миссии. В протоколе, который подписан генералом Алексеевым 11 мая 1916 года (несмотря на всё его сопротивление, он вынужден был его подписать), говорилось, что к двум бригадам, находящимся во Франции, будет добавлено ещё несколько бригад. Франция же обязуется сама перевезти их на свою территорию.

А. Тома упоминал в своей телеграмме подписание ещё одного договора с Россией в 1916 году. Здесь Николай II проявляет невиданную для себя твёрдость, для него союз с Францией жизненно важен. В итоге речь идёт уже не о 40 тысячах солдат в месяц. Франция надеется, что в 1917 году всё будет развиваться по должному сценарию, если война ещё не будет окончена.

В январе 1917 года министр флота констатировал, что русские бригады между 24 апреля и 6 ноября 1916 года перевезли 34 тысячи солдат и 6 тысяч офицеров. Договор же предполагал другие цифры.

Заключение министра флота весьма пессимистично, он полагает, что во Францию больше не будут поступать русские бригады, несмотря на прибытие этих 50 тысяч человек.

Определённый пессимизм возникает ещё из-за Февральской революции. Следует отметить, что пессимизм присутствует с обеих сторон. Конечно, на отвагу и смелость русских солдат возлагались большие надежды, но в то же время было очевидно, что у них нет необходимого боевого опыта, нет понимания стратегических задач, так как в России применялась совершенно иная военная подготовка. Характер этой подготовки определялся свойствами местности – в России широкие поля, а во Франции другая местность и ландшафт.

С российской стороны также наблюдалась сдержанность: власти боялись, что русские солдаты, общаясь с французами, будут «заражены» республиканскими идеями, что их пропитает революционный дух.

Вы видите, что история людей, которые героически сражались и погибали бок о бок, полна недоразумений.

Якунин В. И. Спасибо, слово предоставляется директору Института всеобщей истории РАН, сопредседателю Российского исторического общества Чубарьяну Александру Огановичу. Доклад на тему «Причины возникновения конфликта. Уроки прошлого для современности».

Чубарьян А. О. Уважаемый Сергей Евгеньевич, уважаемые французские гости, дорогие коллеги!

Мы присутствуем в этом году при необычном европейском феномене. Довольно непростая ситуация, сложившаяся в последнее время, не помешала тому, чтобы во многих странах Европы отмечали столетие начала Первой мировой войны. Уже прошли многие такие конференции, они прошли и во Франции, и в Англии, и в Латвии, и в Польше, и практически во всех странах Европы.

Это значит, что мировая общественность, европейская общественность ощущает потребность не только в исторической памяти, но и в извлечении уроков из того трагического события, с которого начался наш XX век. И у нас, у российской общественности, вызывает большое удовлетворение, что Россия вернула свою историческую память о Первой мировой войне.

Она вернула её не только потому, что мы потеряли огромное количество людей, и должен был быть увековечен героизм, проявленный нашими солдатами. Но и потому, что эта война сказалась

значительно и очень, я бы сказал, трагично и драматично на истории нашего государства. Поэтому Россия сегодня активно участвует в этих мероприятиях. Один из главных вопросов, который стоит сегодня перед нами, вопрос о том, что вызвало этот страшный конфликт.

Говорят, что история не терпит сослагательного наклонения, в принципе, это правильно. И всё же остаётся вопрос, а можно ли было избежать этого конфликта, можно ли было повернуть события в другом направлении? Применительно к России я слышу много вопросов, зачем нужна была эта война России, которая испытала такие трудности после неё? И это устремляет наше внимание к урокам прошедшей войны.

Первое, о чём бы я хотел сказать, это, с точки зрения мирового развития событий, что правители тогдашних европейских стран не ожидали, что события примут такой глобальный характер. Были национальные интересы каждой европейской страны, о которых уже говорили сегодня. И все рассчитывали решить эти интересы даже на полях военных столкновений, но никто не думал тогда, что это приведёт к четырехлетней кровопролитной страшной войне, с применением в первый раз новых средств массового уничтожения.

Отсюда возникает вопрос – а вообще, есть ли какой-то механизм для предотвращения таких конфликтов, существуют ли какие-то средства?

Надо констатировать, что тогда таких средств не было, и они не были реализованы. Здесь сегодня правильно говорилось о значении права, о значении Гаагских конференций, но на практике это не повлияло на спасение судеб Европы от того, что случилось в июле 1914 года.

Одна из причин войны – это убийство эрцгерцога. Вспомним, что за этим сразу же последовало. Австро-Венгрия провозгласила лозунг, что надо наказать Сербию. Это важный, я бы сказал, драматический момент в истории, который показывает, что идея наказания стран и народов не только аморальна, но и абсолютно неконструктивна, и она может привести к огромным жертвам и колоссальным военным конфликтам. А ведь это было в основе первого призыва, который был сделан.

К тому же укажем, что человек, который совершил это преступление, был этническим сербом, но гражданином Австро-Венгрии. Поэтому с практической стороны и в принципе эта идея наказания, мне кажется, была абсолютно неприемлема.

Я об этом говорю, потому что это достаточно сильно распространено в наши дни: идея одних стран наказывать другие и так далее – это, повторяю, неконструктивно и аморально.

Второй урок, о котором я хотел сказать, связан с тем, что в системе, которая тогда сформировалась и которая действовала в XX столетии, не было идеи «коридора компромиссов». Этого не было ни накануне Первой мировой войны, ни накануне Второй мировой. Альтернатива была – или война, или вообще без войны, что многие не воспринимали, но идея компромиссов как средства разрешения международных проблем сегодня стоит на повестке дня.

Это мне кажется императивом современного политического дипломатического развития, ведь и вся история «холодной войны», если угодно, это не только конфронтация, но это и поиски компромиссов, которые в итоге привели к тому, что холодная война не переросла в войну «горячую».

Следующий момент, о котором я хотел сказать – это то, что Первая мировая война закончилась разрушением прежних империй, созданием новых многонациональных государств.

Одна из проблем, которая начала обсуждаться уже в ходе войны, особенно к концу войны, это проблема права наций на самоопределение. Об этом писали и в Вашингтоне, как вы знаете, американский президент, об этом писали в России, это был один из лозунгов тогдашних большевиков, которые шли к власти. Но это стало общеевропейской, общемировой проблемой. Право нации на самоопределение и связь права нации на самоопределение с идеей целостности государства. Это острая проблема, но она поставила на повестку дня вопрос, который стоит и сегодня. Что в многонациональном государстве одна из задач центральной власти – крайне осторожно, крайне деликатно относиться к вопросам национального самосознания и национального самоопределения.

События последнего времени показывают, что любое ущемление прав национальных меньшинств и, тем более, прав национальностей, которые в большом количестве живут в многонациональном государстве, чревато не просто обострением конфликта, но и большими разрушениями и потерями не только для этой страны, но и для других стран. Поэтому один из уроков Первой мировой войны таков, что надо очень внимательно смотреть за развитием событий в этом вопросе.

Первая мировая война возникла, когда гражданское общество было во многих странах, в России формировалась и парламентская система, но она не была развита. Но гражданское общество не стало той силой, которая могла помешать возникновению войны. И это тоже один из уроков Первой мировой: нужно понимать значение институтов гражданского общества, значение самых различных общественных сил для предотвращения локальных и общемировых конфликтов.

Именно после Первой мировой войны – как следствие и понимание этого – по всей Европе начали возникать в большом количестве пацифистские организации. И движения мира, которые были и в 20-х и в 30-х годах, стали активно развиваться после Второй мировой войны и их вклад, несомненно, историками должен быть учтён и по достоинству оценён. Это тоже один из уроков, что нужна не только правовая система, о которой сегодня хорошо говорилось, но нужна вся система гражданского реагирования, гражданского общества, которая могла бы быть использована для предотвращения мировых конфликтов.

И, наконец, последнее, что я хотел отметить – это роль самой Европы. У нас была Лига Наций, у нас есть теперь ООН, у нас есть и отдельная европейская система безопасности. В сущности, Первая мировая война началась в Европе и из-за Европы, Вторая мировая война тоже началась в Европе. Конечно, были более глобальные причины, но Европа была местом, где разыгрались трагические события начала XX столетия.

И я думаю, что проблема обеспечения европейской безопасности стояла на повестке дня, начиная собственно с итогов Первой мировой войны. Создание системы безопасности занимало умы всех политиков и в 20-е, и в 30-е годы, и в послевоенные годы.

Я должен сказать, что одним из краеугольных камней системы безопасности Европы было активное участие России в этой системе. Есть целая теория относительно развития Европы без России или против России. И в этом смысле опыт российско-французского взаимодействия очень поучителен. Антанта началась с русско-французского союза в конце XIX века. Попытки создания системы европейской безопасности в 30-е годы начались с советско-французского договора. В послевоенное время одним из моторов этого движения безопасности была идея генерала де Голля, которая послужила теоретической и практической основой вопроса о российско-французском сотрудничестве.

Я думаю, что и в современных условиях надо помнить и знать, что в общей системе европейской безопасности отношения России и Франции – это один из ключевых моментов. Но есть ещё один момент. Первая и Вторая мировые войны начались всё-таки с германской агрессии, и урегулирование отношений Франции с Германией, России с Германией составляет один из ключевых моментов системы европейской безопасности.

Мне кажется, это осознаётся не только в России, это должно быть понято и во Франции, и в Германии. Без взаимодействия этих трёх крупных держав в Европе трудно говорить о стабильном устойчивом мире.

Главный итог наших дискуссий, которые идут сегодня, говорит о том, что всё-таки надо ещё много работать над осмыслением того, что произошло в начале века и сущностью Первой мировой войны. Когда-то правильно отмечали, что всё, что произошло в Европе в XX веке, вышло из Первой мировой войны. Да, это видимо так, да и собственно Вторая мировая война явилась следствием, если угодно, того разрешения международных проблем, которым закончилась Первая мировая война.

Я бы хотел закончить тем, что для нас, конечно, очень важно, что в этой сложной ситуации мы осознаём и понимаем роль российско-французского диалога.

Ведущий. Мы с вами прослушали много интересных насыщенных выступлений в первой части нашего пленарного заседания. Я надеюсь, что второй тематический блок, посвящённый военачальникам и участникам Первой мировой войны, именам и судьбам, связи поколений, будет не менее интересным. И первое слово я предоставляю директору Института российской истории Петрову Юрию Александровичу. Доклад на тему «Первая мировая: кто виноват? (историографическая ситуация)».

Петров Ю. А. Уважаемые коллеги, гости, дорогие друзья. Мой доклад тематически примыкает к первому блоку и, судя по его названию, вы понимаете, что речь пойдёт о том, кто несёт ответственность за начало Первой мировой войны.

Вопрос «Кто виноват?» – один из вечных вопросов в истории, особенно это касается истории войн. Но в отношении Первой мировой войны он, я бы сказал, имеет свою собственную историографическую историю, историю его разработки. И вот с этой проблемой я бы хотел вас сегодня вкратце, в пределах отведённого мне времени, познакомить.

В целом, я бы сказал, мировая историография Первой мировой войны имеет три основных этапа. Первый – это межвоенный период до Второй мировой войны, когда основное внимание историков было нацелено на военно-дипломатическую тематику, и вопрос о виновниках войны стоял весьма остро.

После Второй мировой войны наступил второй этап. Он был отмечен большим вниманием историков к Первой мировой войне как к войне наций, войне, в которой были задействованы все ресурсы государств, войне, которая приобретала тотальный характер. Отсюда и определялась тематика исследований, в которых ведущее место занимали экономические сюжеты: военная экономика, мобилизация населения и так далее.

Третий этап наступил с конца 80-х годов, и он отмечен новым поворотом интереса, новыми вопросами, которые историки задают

своему прошлому. Эти вопросы теперь касаются в основном антропологического подхода. Условно говоря, направление исследований можно определить как «Человек на войне»: его практики выживания на фронте и в тылу, модели поведения, психологическое состояние общества и так далее.

Вопрос «Кто виноват?» хотя и утратил, может быть, былую остроту, но, тем не менее, остаётся на повестке дня наших исследований. Сегодняшняя дискуссия, в которой неоднократно уже упоминалась книга английского исследователя Кристофера Кларка о лунатиках, тому лучшее подтверждение. Об этой книге я скажу чуть позже.

Конечно, информационная война вокруг итогов Первой мировой началась, можно сказать, ещё до окончания самих военных действий. В разных странах были изданы так называемые цветные (белые, жёлтые, золотые, голубые) книги с материалами о том, кто является виновником войны.

Конечно, после окончания войны основной принцип определения виновного исходил из латинской нормы «*Vae victis*» («Горе побеждённому»). И по решению Версальского мирного конгресса в соответствии с его 231 статьёй, было установлено, что война была навязана Антанте агрессией Германии и её союзников.

Казалось бы, что такой исторический вердикт, это обвинение держав Тройственного союза в ответственности за войну окончательно и бесповоротно. Но на деле на десятилетие вперёд этот вопрос превратился в предмет ожесточённой научной полемики, политических дебатов, журналистских рассуждений и общественных споров.

Революционные события в России, Германии, Австро-Венгрии сопровождалась рассекречиванием и обнародованием массы новых документов. В 20–30-е годы эти масштабные работы были продолжены и, в итоге, общее число документов по этой проблеме, введённых в научный оборот до начала Второй мировой войны, превысило 60 тысяч, это не считая источников личного происхождения.

В Германии, а затем и в других странах Запада в это время возникло движение за «ревизию» упомянутых обвинений держав Тройственного союза. В середине 30-х годов прошлого века русские эмигранты, бывшие фронтовики, для которых ответственность Германии за развязывание Мировой войны была аксиомой, с изумлением узнали о результатах анкетирования профессиональных историков США. Из 215 опрошенных, 108 возложили вину за войну на Антанту, 107 – на державы Германского блока. Базой для шаткого консенсуса, достигнутого в историографии

к концу 30-х годов, стало признание участниками дискуссии того, что Первая мировая война явилась результатом фатальных комбинаций, неверных оценок и ошибочных шагов всех будущих участников мирового вооружённого конфликта.

Что касается отечественной историографии советского периода, то она исходила из известной ленинской формулы о том, что за развязывание войны несут равную ответственность обе группы разбойничьих держав, как Антанта, так и Тройственный союз.

В послевоенный период крупнейшим событием в историографии стал выход в свет работы гамбургского профессора и историка Фрица Фишера под названием «Griff nach der Weltmacht» («Стремление к мировому господству»). Эта книга открыла новую волну историографической полемики, поскольку Фриц Фишер и его последователи пришли к выводу, что имперские руководители Германии и Австрии, в конечном счёте, действовали в интересах национальных финансово-промышленных групп, а эти интересы были нацелены на достижение всемирного господства. Тогда же было доказано, что цель завоевания мирового господства появилась не в фашистской, как думали, а ещё в кайзеровской Германии, почему рейхсканцлера Бетмана-Гольвега называли тогда Гитлером 1914 года. И был сделан главный вывод: Германия выступила инициатором Первой мировой войны.

Работы Фишера и его последователей раскололи академическое сообщество не только Германии, но и всего мира. Широкий общественный резонанс, тем не менее, не принёс полного идейного преобладания. Например, среди немецких исследований продолжали господствовать тезисы миролюбия Германии, утверждалось, что всё-таки в первую очередь Россия виновна в развязывании войны под лозунгом «Treck nach Westen» («Поход на Запад»).

Сходные оценки существовали и существуют и в заокеанской историографии прошлого века. Согласно общей логике исследователей англо-саксонской школы, искать конкретного виновника Первой мировой войны не имело смысла, поскольку в основе войны лежал потенциальный экспансионизм всех её участников, осложнённый страхами и фатальными ошибками политического руководства обоих противостоявших военно-политических блоков. Вопрос заключался лишь в степени и направленности этого экспансионизма.

В рамках этой общей парадигмы находится последняя книга Кристофера Кларка, в которой речь идёт и том, что нельзя судить лунатиков за то, что они болеют своей болезнью. По существу, К. Кларк полагает, что ни у одного из правительств стран – будущих участниц войны – не было долговременного плана действий.

Они действовали ситуативно, реагируя на возникающие ситуации. В итоге никто не хотел войны, но эта «лунатичная» реакция и привела к её развязыванию. Собственно, здесь нет ничего особенно нового по сравнению с тем общим выводом, о котором я уже сказал.

Вместе с тем, стремление выставить Россию агрессором присутствует постоянно и в сегодняшней литературе. Общим местом западной историографии стал вопрос о великодержавном запросе и русских элит, и широких общественных кругов. Большая часть российского политического класса, как полагает профессор Доминик Ливен, старалась избежать войны, но стремление элит сохранить России великодержавный статус заставило их ввязаться в мировой конфликт, несмотря на отчётливое осознание огромных внутривнутриполитических рисков.

Ценное исследование британских учёных Нормана Стоуна, автора первой монографии об англо-саксонской историографии о русском фронте, и Питера Гатерелла, экономического историка, показали, что предвоенную программу модернизации русской армии в целом осуществить не удалось, а в годы самой войны военный сектор экономики России всё-таки исправно функционировал.

Всё же, по мнению Брюса Меннинга, ситуация складывалась так, что обрекала Россию на неудачи, делала её зависимой от союзников. Надо заметить, что о русских победах и вообще военных успехах в годы Первой мировой войны в зарубежной историографии по давно заведённой традиции говорить почти не принято.

В конце XX века на современном этапе происходит дальнейшее размывание, можно так сказать, ответа на вопрос об ответственности за Первую мировую войну. Например, известный финский историк Перти Лунтинен полагает, что назначение индивидуального виновника является проблемой не исторической науки, но пропаганды.

Кристофер Кларк, о котором я уже сегодня упоминал, в своей книге полагает, что политическая верхушка европейских держав не действовала по заранее задуманному плану.

Что касается современных российских исследователей, то они в целом единодушны в том, что ближайшим виновником этого конфликта явились Германия и Австро-Венгрия. Однако степень виновности Берлина за развязывание мирового конфликта, по мнению современных и отечественных, и зарубежных историков, ещё остаётся невыясненной до конца.

Например, канадский профессор Кит Нейлсон предлагает различать понятие общей виновности и непосредственной ответственности за войну. В его интерпретации первая категория носит более долговременный и потому более объективный характер.

В целом он призывает отказаться от привычки рассматривать международные отношения в Европе исключительно с точки зрения предопределённости войны в 1914 году.

Тем не менее, в заключение я должен сказать, что, несмотря на спиралевидное развитие вопроса о виновниках войны в мировой историографии, мы сейчас, в год столетия начала войны, очевидно, присутствуем при создании нового витка этой спирали. В целом, большинство современных и отечественных, и зарубежных историков не относится к школе ревизионизма и для них неоспоримо, что непосредственная ответственность за начало войны лежит именно на Австро-Венгрии и Германии.

Я благодарю вас за внимание.

Ведуший. Спасибо большое, Юрий Александрович.

Перед тем, как предоставить слово следующему докладчику, я хотел бы поделиться своими впечатлениями. Я совершенно случайно недавно узнал, что потери американских войск на Западном фронте составили считанные сотни бойцов. В то же время Голливудом было выпущено свыше 150 фильмов, так или иначе затрагивающих сюжеты Первой мировой войны. В России же, напротив, таких художественных фильмов, где упоминались те или иные события Первой мировой войны, было столько, что по пальцам одной руки можно пересчитать.

И сейчас я предоставляю слово Игорю Станиславовичу Угольникову, председателю Телерадиовещательной организации Союзного Государства России и Белоруссии (ТРО Союза). Он снял фильм о событиях Первой мировой войны, и презентация этого фильма в программе нашего форума. Он расскажет о роли кинематографа в возвращении исторической памяти о событиях Первой мировой войны.

Угольников И. С. Я приветствую участников форума.

Сегодня говорилось о том, что Первая мировая война является забытой войной, а события тех лет до недавнего времени представлялись отечественной историей лишь как пролог к Октябрьской социалистической революции. После 1917 года подвиги и жертвы миллионов российских офицеров и солдат, сражавшихся за царя и Отечество и сложивших свои головы, к сожалению, были преданы забвению.

Войну считали преступной и империалистической, и изучать её следовало именно с этой позиции.

Президент нашей страны Владимир Владимирович Путин высказал своё мнение о Первой мировой войне в Совете Федерации 27 июня 2012 года.

Допустив поражение России в Первой мировой войне, «большевики совершили акт национального предательства», – сказал Владимир Владимирович Путин. Наша страна проиграла проигравшей стороне и это уникальная ситуация. Ответственность за это лежит на тогдашнем руководстве, то есть на большевиках. Позднее лидеры Советской России извлекли уроки из этого поражения, и руководство нашей страны искупило вину в ходе Второй мировой войны. К слову, именно поражение в Первой мировой войне, полагает наш Президент, стало причиной того, что сама война является забытой. Её итогом стали громадные человеческие и территориальные потери. Но всё это замалчивалось в угоду партийным интересам. Теперь же настало время отдать долг памяти тем, кто погиб, сражаясь за Россию на фронтах Первой мировой войны.

Мы с вами знаем, что время всё расставляет на свои места, и теперь мы понимаем, что Первая мировая была поистине Великой войной. Я говорю о нас, россиянах, французы это знают и так. Война, где солдаты и офицеры отдавали жизнь за Родину, война, где весь народ боролся за победу и верил в неё. Это была война, где предательство вырвало победу у России, война, исход которой определил жизнь современной цивилизации. Миллионы жертв, передел мира, кровавые революции, сотни миллионов исковерканных человеческих судеб.

Последствия той войны продолжают ощущаться и сегодня, но мы как будто не хотим этого понимать и, уж тем более, не делаем выводов из собственной истории, каждый раз наступая на те же грабли, но уже на новом этапе развития.

Сегодняшние школьники плохо себе представляют реалии Великой Отечественной войны, ограничиваясь заучиванием обязательных дат – начало, конец и так далее. И, тем более, что уж говорить о Первой мировой войне, наши дети об этом ничего не знают. А ведь война началась всего ровно век назад.

Для наших детей, для многих их родителей, та война – предание глубокой старины. Однако именно та Великая война, как я уже говорил, стала ключевым событием в мировой истории, переломным моментом XX века. Именно с неё начинается летоисчисление новой исторической эпохи, которая продолжается по сей день.

На той войне погибли наши предки, мой прадед погиб на той войне, и я всегда чувствовал огромную несправедливость по отношению к его памяти. Я уверен, что возвращать память защитникам Отечества – наша святая обязанность.

Знаменитая фраза В. И. Ленина о том, что из всех искусств для нас важнейшим является кино, была произнесена им в 1922 году. Как известно, В. И. Ленин имел в виду, что кино, как самое доступ-

ное широким слоям населения зрелище, может быть эффективно использовано в целях пропаганды.

Широкую пропаганду патриотических идеалов и принципов мы наблюдали в эпоху советского кино. Российское кино, на мой взгляд, должно активно заимствовать это качество у советского кино. Зрителю нужны картины, которые рождают гордость за свой народ, за свою историю. Снимать же военное кино, конечно, очень сложно, а фильмы о Первой мировой войне тем более.

У нас нет возможности сравнить свою работу с какими-нибудь другими фильмами, потому что о Первой мировой войне в российском и советском кино снималось очень мало картин. Если реалии Великой Отечественной войны зрительский глаз воспринимает очень чётко, это живёт в нас с рождения, то Первую мировую войну мы не представляем с вами ни по изображениям, ни по костюмам, ни по вооружению. Не говоря уже о том, что мы не знаем, как люди были пострижены, как говорили, какова была субординация, вообще, что творилось в те годы. К тому же, создание фильма о Первой мировой войне требует больших средств на исторические декорации, постановку сложных батальных сцен.

Тем не менее, снимать военное кино, в том числе о Первой мировой войне, необходимо. Но оно, на мой взгляд, должно соответствовать определённым требованиям. Мы, кинематографисты, несём ответственность перед обществом за те фильмы, которые снимаем, и те идеалы, которые мы пропагандируем с помощью своих фильмов.

Во-первых, военное кино должно быть обязательно правдивым. Я считаю, что неприемлемы лживые фильмы, которые призваны опорочить честь наших военных. На мой взгляд, военное кино должно способствовать именно патриотическому, а не антипатриотическому воспитанию. Во всех своих картинах я требую соблюдения исторической достоверности, вплоть до мелочей.

Во-вторых, необходимо принимать наследие, как я уже сказал, военного кино советского времени. Советские фильмы о войне делали выдающиеся сценаристы, режиссёры и операторы, а роли в них исполняли замечательные и всеми любимые актёры. Советское кино задавало достаточно высокие стандарты качества драматургии и визуализации. Военное кино должно быть качественным, повторяюсь, важно не то, что мы снимаем, а как мы это делаем.

В-третьих, в военном фильме необходим глубокий патриотический смысл, об этом я тоже говорил.

Я надеюсь, что и в дальнейшем мы будем чувствовать поддержку государства, и надеюсь, что у нас с каждым годом будет всё больше лент, отвечающих и стратегическим задачам развития

страны, и вопросам общества, несущих серьёзную созидательную и образовательную силу, продвигающих цели патриотизма.

И теперь – о фильме. Мы закончили съёмки фильма «Батальон смерти», рассказывающего об одном из эпизодов Первой мировой войны. Идея создания этой картины пришла ещё во время работы над фильмом «Брестская крепость». Мы задумывались о том, как и почему началась Вторая мировая война, и пришли к выводу, что Вторая мировая – это незаконченная Первая.

Но если события Второй мировой войны были неоднократно экранизированы, то Первая мировая война для трёх поколений стала закрытой и забытой.

Создание фильма «Батальон смерти» – это как раз послание нашим будущим поколениям, нашим детям и внукам.

Картина рассказывает о женском батальоне смерти, отряде женщин под командованием Марии Бочкарёвой, созданном в Петрограде по приказу Временного правительства в 1917 году. На фронте эти женщины подавали пример храбрости мужчинам, при этом оставаясь женщинами, со своими мечтами и надеждами. Уникальные судьбы этих женщин сплетаются в увлекательное драматургическое полотно, которое позволяет зрителям поставить себя на место героинь, осознать, сколь нелёгким был их выбор жертвовать жизнью во имя Родины.

Несмотря на смутное время, на политические разногласия, раздиравшие страну, на непривычную роль воительниц, а ведь эти женщины были первыми, кто в истории страны столь организованно взялся за оружие, они опирались на идеалы высокой чести и глубочайшей веры в Бога и пожертвовали жизнями во имя Отечества, во имя свободы.

Кстати, это тоже большое отличие от экранизации событий Второй мировой войны. Бога во Второй мировой войне, во всяком случае так было принято считать, не было. В Первой мировой войне шли за царя и Отечество, перекрестившись.

В конце июня женский батальон смерти в составе двухсот человек прибыл в действующую армию под Сморгонь (нынешнюю Белоруссию) и лишь через неделю вступил в бой. Несколько раз батальон поднимался в контратаки, отряд под командованием Бочкарёвой вёл себя в бою героически, подавая пример храбрости и спокойствия, поднимая дух мужчин-солдат, и доказал, что каждая из этих женщин-героев достойна звания воина Российской Армии.

Уникальность выбранных нами образов женщин-воинов, я думаю, позволит добиться высокой степени интереса и сочувствия у зрителей, гордость за наш народ, за наше прошлое.

Я благодарю Министерство культуры Российской Федерации, лично министра культуры за поддержку в создании фильма, Российское военно-историческое общество, Российское историческое общество, а также всех тех, кто помогал нам в создании этой ленты.

У вас будет уникальная возможность, вы будете первыми, кто увидит небольшой фрагмент, маленький сюжет, который я сложил из нашей картины буквально недавно, несколько дней назад для того, чтобы показать на этом форуме.

Всю картину мы будем готовить к ноябрю, картина большая, сложная, требует внимательного отношения к мелочам.

Я благодарю вас за внимание. Спасибо.

Ведущий. Впечатляющие кадры, которые всем нам ещё раз напоминают о том, что война – это жестокая и беспощадная вещь. Далее у нас по программе должен был следовать доклад Георгия Вадимовича Вилинбахова, но произошла небольшая перестановка, и сейчас выступит директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент Российской академии наук Михаил Борисович Пиотровский с докладом «Первая мировая война в зеркале Эрмитажа».

Пиотровский М. Б. У нас с Георгием Вадимовичем очень связаны доклады. Моё название можно немного изменить: не в одном зеркале, а в зеркалах Эрмитажа, потому что музей является прекрасным примером того, как историческая память сохраняется не так, как в книге или в кино – в одной линии, а многолинейно и с разных сторон, в совершенно разных аспектах, и Эрмитаж тому яркий пример.

Всем известно, что о вступлении России в войну было объявлено императором Николаем II с балкона Зимнего дворца. Есть множество фотографий, есть фильмы. Известно, какая фантастическая эйфория была на Дворцовой площади, радость всех, радость людей совершенно разного типа.

Эта эйфория выразилась и в искусстве. В Эрмитаже есть, как и во многих местах, замечательная коллекция таких пропитанных эйфорией лубков. Важная их особенность в том, что многие из них делали выдающиеся художники, в данном случае это рисунок Вадима Вадимовича Маковского. И вообще весь русский авангард активно включился в пропаганду войны, и есть прекрасные образцы того, как это делалось. Здесь, понятно, идёт Берлин. Другой лубок неизвестного художника: «Немцы! Сильны хоша вы, а не видеть вам Варшавы. Лучше бы в Берлин попёрли, все пока не перемёрли». И так далее.

Вот ещё одна: «Ну и стыд же, ну и срам, весь мундир располз по швам». Это крушение Австро-Венгерской империи.

За этой эйфорией следует совершенно другое искусство. Художники отражают другую реальность войны. После общей патриотической эйфории стало не хватать денег – последовали два займа, один за другим. Замечательный плакат, здесь уже другой стиль, русский реализм. В Эрмитаже хранятся подлинники этих плакатов, все они сейчас выставлены на небольшой выставке в Фельдмаршальском зале Зимнего дворца. Выставка подготовлена Михаилом Олеговичем Дединкиным.

У нас есть волей судьбы большая коллекция немецкой военной графики, созданной немецкими военными официальными художниками во время войны, и после Второй мировой войны оказавшейся у нас. Эти художники, которые во время Первой мировой войны работали в окопах, непосредственно в армии, оставили совершенно уникальные свидетельства, в том числе и художественные. По стилю эти художники были никакие не экспрессионисты, экспрессионизм создавался не в связи с войной, они наоборот добросовестные арийские художники, чей стиль рождён войной.

Это панорама Вердена, которая исполнена Эрнстом Фолбером, официальным художником Генерального штаба Германской армии. Он потом был нацистом, он рисовал картины другого духа. Вот это панорама Вердена, выполненная с очень высокой точностью. Это настоящая панорама. И здесь написано: «Военно-историческая правда».

Подтверждено, что это такое стремление к отражению именно факта, а не образа свойственно всем рисункам его и следующего художника. На их изображениях, если есть трупы, то написано, чьи это трупы. Если это трупы немецкие, то написано, сколько человек захоронили, кто захоронен.

Это тот же самый Эрнст Фолбер: «Ампутация».

Это трупы французских солдат, тоже Эрнста Фолбера.

Видите, большой радости нет. Это его автопортрет.

Дальше несколько портретов, которые напоминают о тех, с кем мы воевали.

Другой художник – Отто Кифхойзер, тоже фронтовик, документатор. Он жил, воевал в окопах, и в окопах же рисовал, описывал и рисовал, поэтому его рисунки также абсолютно точные документальные свидетельства. Он тоже потом был нацистом, он даже состоял в СС. Выйдите в Интернет и вы увидите множество его картин нацистского времени.

Вот картина «Перед газовой атакой». Это почти то, что мы сейчас видели в кино, только немного по-другому.

Это страшная вещь, кровь течёт из этих мешков.

Вот это мы тоже видели только что в кино. Вы видите ужасы войны. Конечно, у нас сотни рисунков, но почти все такие, потому что художники стремились рисовать достоверно.

Это характерный рисунок конца войны. Это танк справа, англичане выходят из танка, бегут, и немецкие солдаты, как видите, не стреляют. Это уже конец войны. И это очень сильная, по-моему, вещь. Вы видите, кто-то выносит друга с поля боя. Здесь лежит разрушенная статуя Вознесения Христова, а слева покойник. Это к вопросу об искусстве и памятниках культуры.

Особо важной была антитурецкая эйфория. И это тоже рисунок В. В. Маковского. Нет, это не В. В. Маковский, это кто-то другой. «Немец курит трубку, Турка клюёт крупку».

В Эрмитаже есть замечательные памятники, привезённые нашими археологами Иосифом Абгаровичем Орбели и Николаем Яковлевичем Марром с их раскопок в Ани и Ване. Ани и Ван, так показано историей, это древняя столица Армении и древняя столица Урарту. А почему, каким образом они оказались в Ани и Ване? Потому, что Ани был русской территорией до Первой мировой войны, а Ван был взят в 1915 году, после того, как там было восстание армян и курдов, которое было жёстко подавлено, затем было Ванское сражение, и одновременно страшная резня, нацеленная на уничтожение армян. Вот всё это – тот исторический контекст, в котором существуют все исторические памятники. И работу наших археологов там можно было бы осветить в отдельном сюжете.

Весь этот Кавказский фронт, Георгий Вадимович ещё о нём немножко скажет, это, конечно, крайне важная, по-настоящему забытая часть истории Первой мировой войны. На Кавказском фронте было несколько операций, из них одна Сарыкамышская более-менее известна, а выход в Иран, Ханекин (тогда не сделали то, что в следующую войну сделали русские и англичане, когда до Басры территории Ирана и Ирака были контролируемы, в том числе и нашими войсками), последняя операция войск генерала Н. Н. Баратова, называвшаяся Мосульской операцией, почти совсем неизвестны. Сейчас не говорят, что такое Мосул и как он был важен. Операция не состоялась, уже Временного правительства не было, но эта историческая память крайне важна, потому что в это время с другой стороны происходила Палестинско-сирийская операция, Лоуренс Аравийский, взятие Иерусалима, перед этим взятие Багдада. Это то, что родило реальности сегодняшнего мира, где пока главный очаг ужасов там, а не на европейской территории.

Вот эти самые турки, это уже В. В. Маковский: «Ты, султан, сидел бы в Порте, дракой рыла не попорти».

Вскоре после объявления о войне с балкона Зимнего дворца, в 1915 году все парадные залы Зимнего дворца были превращены в лазарет, громадный лазарет. Для того, чтобы представить его работу посетителям, нами делалось несколько выставок. Так что, когда участие России в Первой мировой войне завершилось штурмом Зимнего дворца, то штурм был лазарета, а не императорского дворца. И вот эта часть лазарета как раз в том самом Фельдмаршальском зале, где мы сейчас сделали небольшую выставку, по кусочкам собрав вместе ту память о войне, которую хранят музеи и не только музеи. Это память, которая заставляет думать. Конечно, и с нею можно потом создавать какие угодно идеологические построения. Но всё равно, вещи как бы имеют свой собственный голос, и будут немного мешать делать построения искажёнными. Спасибо.

Ведущий. Сегодня среди участников форума – наш коллега из Литвы, Юриус Тракшялис, председатель общественной организации «Институт военного наследия». Прошу выступить с докладом «Первая мировая война. Общая история. Общая память».

Юриус Тракшялис. Уважаемые коллеги, первые жертвы, первые потери для Русской императорской армии на Восточном фронте были на территории современной Литвы. Я не веду речь о тех диверсионно-разведывательных группах, которые действовали и со стороны Германии, и со стороны России. Речь идёт о том, что в ночь с 4 на 5 августа, когда уже велись боевые действия на территории Бельгии, в период пограничного конфликта у города Владиславов погибло более 500 воинов разных национальностей. Это были литовцы, поляки, белорусы, латыши. Но одним из первых, как считают литовские историки Государственного музея, был человек, который погиб в результате ночного артиллерийского обстрела, и ему был установлен памятник ещё в тот период, это был деревянный памятник.

Захоронения воинов многонациональной армии и в настоящее время находятся в городе Кудиркос-Науместис. Пользуясь случаем, я выражаю благодарность Министерству иностранных дел Российской Федерации за то, что оно восстановило памятник этому неизвестному литовскому воину. Это факт нашей общей истории, общей памяти.

В 2004 году решением Министерства иностранных дел Российской Федерации и Правительства Литвы, которое возглавлял Альберт Бразаускас, было принято решение о проведении инвентаризации воинских захоронений Первой и Второй мировых войн на территории Литвы.

В 2008 году Посольство Российской Федерации в Литве обратилось с инициативой к тем, кто занимается военно-историческим

наследием России в Прибалтике, по поводу активизации работы по популяризации истории Первой мировой войны. Это Вильнюсское содружество кадет, выпускники Вильнюсского высшего командного училища радиоэлектроники войск ПВО, общественная организация «Институт военного наследия», еженедельник «Литовский курьер».

С 2011 года Посольством Российской Федерации в Литве была начата активная работа по восстановлению захоронений Первой мировой войны. В настоящее время в Литве восстановлено 13 мемориалов времён Первой мировой.

Я хотел обратить внимание на памятник павшим воинам Русской императорской армии в деревне Пашушвис Кедайнского района. Он был установлен в 1937 году офицерами-литовцами на свои собственные средства. В настоящее время в Литве можно услышать, что это история России, но не история Литвы. Но сами посудите, если люди в 1937 году посчитали нужным поставить памятник на свои деньги, значит – это была общая история.

В мемуарах литовских офицеров, которые были написаны в 20–30-х годах, многие объясняют, почему воевали за царя, почему за Отечество. За царя воевали по той причине, что царь прибалтийским окраинам давал больше льгот, чем самой России. А Отечеством были их родные многодетные семьи, их дети, уровень жизни которых из года в год повышался.

Это вы видите состояние этого захоронения на сегодняшний день.

Следующий пример хочу привести. 11 ноября прошлого года был открыт мемориал на окраине в Мариямполе. Хочу обратить ваше внимание, что на всех захоронениях Посольством Российской Федерации было принято решение по периметру захоронения ставить группу крестов. Конечно, прежде всего, это долг памяти православным воинам, но левый и правый христианские кресты говорят, что это знак внимания католикам литовцам, полякам, латышам, потому что они тоже активно принимали участие в военных действиях.

В нашем деле активная работа проводится при поддержке посольства. На этих фотографиях вы видите посла Российской Федерации в Литве А. И. Удальцова и заведующего консульским отделом.

В 2011 году, имея определённую поддержку со стороны Посольства Российской Федерации и со стороны Правительства Литвы, мы начали организовывать «круглые столы». Так получилось, что уровень подготовки нам позволял уже приглашать, вы видите, очень представительный состав участников: Глава Православной Церкви, господин Ю. Каросас, нынешний министр охраны края, дальше представители университетов Санкт-Петербурга и Москвы.

«Круглые столы» «Первая мировая война. Общая история. Общая память» проводятся с этого года практически каждый месяц. На фотографии – представители посольства Республики Беларусь, Посольства Российской Федерации на сегодняшний день.

С 2012 года мы начали проводить международные конференции раз в полгода. Это плакат, посвящённый первой конференции. Слева-направо: представитель Польши, В. Бондаренко, представитель Беларуси, представитель Посольства Франции, Н. А. Нарочницкая, представитель Латвии и нас двое – представителей Литвы.

II Международная конференция «Предпосылки Первой мировой войны». На наших конференциях также присутствует Правительство Литвы, депутаты.

III Международная конференция, проходившая 11–13 ноября 2013 года в Мариямполе.

IV Международная конференция проходила в конце мая 2014 года. Она проходила первоначально при поддержке Посольства Российской Федерации, при поддержке Посольства Бельгии. К сожалению, где-то буквально за неделю посол Бельгии извинился, и в силу определённых причин не смог присутствовать. Но мы объективно стараемся отнестись к истории. Всё, что мы говорили о короле Бельгии, комендантах крепости Бельгии, мы не вычеркнули и все показали. Героизм бельгийского народа и героизм Российской Армии был показан. Это принцип нашего отношения к исторической памяти.

Министерство обороны Российской Федерации тоже отправляет своих представителей, которые участвуют на наших конференциях и «круглых столах».

Хочу отметить особый момент, что мы также выпускаем книги. Я хотел обратить внимание, что этих книг недостаточно в русских школах. Сегодня я познакомился с тем, какие хорошие книги представляют великолепные издательские организации, такие как «Вече», «Кучково поле». Но эти книги нужны не только в России, эти книги нужны в русских школах Прибалтики: в Литве, в Латвии, в Эстонии. И эти книги нужны сегодня.

Сегодня наша организация ведёт работу по изданию каталогов воинских захоронений Первой мировой войны на территории Литвы, Латвии, Калининградской области, Польши и Беларуси. Мы хотим, чтобы эти книги выходили на государственном языке, на русском языке, на немецком, английском. Определённая часть работы проведена, но надеемся на поддержку.

Своё выступление хочу закончить словами о том, что касается сегодняшнего дня. К сожалению, история ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков. Сегодня вначале говорилось

о тех событиях, которые происходят на Украине. Мне, например, не безразлично, потому что я сам из Донецка. Меня воспитывала улица, на которой жили греки, молдаване, русские, татары. Меня воспитывало Киевское суворовское училище, и воспитывали книги. И к этому я снова возвращаюсь – книги нужны сегодня.

Спасибо.

Ведущий. Спасибо. Теперь я хотел бы представить вам Александра Александровича Трубецкого, который является исполнительным президентом Ассоциации «Франко-российский диалог», и он будет говорить об императорской гвардии в начале Первой мировой войны и её роли в срыве плана Шлиффена.

Трубецкой А. А. Уважаемые дамы и господа!

Начну сообщение, напоминая, что императорская гвардия была создана в 1700 году императором Петром I и первые гвардейские полки носили названия посёлков, в которых молодой Пётр набирал свои «потешные войска», это Преображенский, Семеновский, Новоизмайловский и так далее. А дальше образовались все остальные гвардейские полки в течение XVIII–XIX веков и далее.

Накануне Первой мировой войны гвардия составляла целую армию. В её составе можно перечислить три пехотные дивизии – 12 полков, две кавалерийские дивизии – 11 полков, одна стрелковая бригада, одна так называемая отдельная бригада – 2 полка. И к этому можно ещё добавить 3 артиллерийские бригады, одну конную артиллерийскую бригаду, одну Донскую батарею, один стрелковый артиллерийский батальон, один сапёрный, один миномётный. Плюс все запасные части, жандармские, его императорского величества конвой и гвардейские части во флоте.

Можно сказать, что императорская гвардия являлась элитной силой, поистине героическим противником, как писал о гвардии генерал немецкой армии Э. Людендорф.

Император Николай II сам обучался военному делу в гвардии и был, как и все члены императорской фамилии, почётным шефом многих полков. И, конечно, многие члены императорского Дома служили в гвардейских полках, причём они не пользовались особыми привилегиями во время службы.

В гвардии были особые правила и традиции, но сама служба мало чем отличалась от армейских частей.

И всё же, безусловно, императорская гвардия выглядела как некая каста, и её особенность заключалась в следующем. Офицеры принадлежали к дворянству и исключения не допускались.

Командиры полков были генералами, тогда как в армейских полках командовали полковники. Когда в гвардии во время войны принимал командование полковник, то он числился не как командир, а как исполняющий должность командира полка.

В гвардии чин считался выше армейского, и если, например, гвардейский офицер переходил в армейскую часть, он немедленно получал более высокий чин.

Переход из армейской части в гвардию не допускался.

Чтобы поступить в гвардию, юнкера, окончивая училище, должны были определяться по особым критериям: иметь так называемый «гвардейский балл», то есть окончить училище по первой или второй категории. А если кандидат попадал в третью категорию, он сначала становился унтер-офицером в армии и только потом через полгода мог претендовать стать офицером гвардии.

Кроме того, кандидат должен был пройти через ряд испытаний, независимых от образования. Он должен был хорошо себя показать в обществе, где рассматривали уровень воспитания и культуры. Хорошо себя показать в офицерском собрании, где его судили не только по военным знаниям, а даже по способности достойно себя вести, даже после выпивки. Определённую роль играли жёны офицеров, которые могли дать положительное или отрицательное мнение о кандидате.

Только тогда офицерское собрание голосовало за или против кандидата, причём дискуссия шла свободно, независимо от чина офицера. Каждый офицер должен был аргументировать своё мнение.

Были исключения, конечно, когда в гвардейский полк назначался член императорского Дома.

Были и такие случаи, когда офицерскому собранию некуда было деваться.

Вот что случилось с будущим генералом Шатиловым, это будущая правая рука П. Врангеля. Имея гвардейский балл по высшей категории, он хотел вступить в конную артиллерию, но при встрече с императором, который знал его семью, тот ему сказал: «Ты, конечно, поступаешь в казачий гвардейский полк». Таким образом, поставленный вопрос мог рассматриваться только как высочайший приказ, и молодой Шатилов стал лейб-казаком.

Вероисповедание не имело никакого значения. Девиз гвардии, который можно увидеть на Андреевском ордене: ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ!

В гвардии служили православные, католики, протестанты, мусульмане, евреи, буддисты. И можно из этого подчеркнуть, что для офицеров, как и для нижних чинов, гвардия становилась какой-то сплочённой полковой семьёй.

Во многих полках, кстати, служили несколько поколений одного рода. Например, мой отец выбрал лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк именно потому, что в нём служили дальние родственники: генерал Димитрий Лопухин и его сын Георгий, убитый под Каушеном.

Эти гвардейские традиции способствовали созданию элитных частей. Но это совершенно не значит, что армейские полки были хуже подготовлены.

Всё же существовала ревность между армией и гвардией.

Попытки армейцев создавать репутацию, что гвардия умеет только красиво выступать, маршировать на парадах, иногда приводила к тому, что на войне в гвардии встречалось стремление не нужно рисковать жизнью, только чтобы показать лицо гвардии.

Это частично объясняет потери, особенно в начале войны.

Например, пехотный лейб-гвардии Гренадерский полк в конце 1914 года был почти полностью уничтожен. Оставался только один батальон, то есть рота.

Естественно, что после первых сражений, когда началась позиционная война, кавалерия в значительной мере перестала действовать как таковая, и многие кавалерийские части стали пополнять пехотные силы в окопах.

Самое первое крупное сражение, в котором приняла участие гвардейская кавалерия, состоялось в первые дни войны, 19 августа (6-го по старому стилю), в местечке Каушен в Восточной Пруссии (Калининградская область).

В Каушенском бою, который состоялся ещё до победоносного Гумбиненского сражения, была задействована вторая и потом первая гвардейские дивизии. Всем известно, что в сражении отличился будущий генерал Пётр Врангель.

Успех битвы под Каушеном показал высокий дух и, главное, подготовку гвардейской конницы, большая часть которой в первый раз встречалась с огнём.

Об этом можно прочесть много свидетельств как в российских, так и немецких описаниях.

В шестом томе истории лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка, ротмистр А. Скрябин, которого я помню, участник в сражении под Каушеном, пишет, что «победа доставалась только благодаря выдающемуся воинскому духу частей, блестящей храбрости и упорству, выказанных офицерами и всем составом частей, и отличной их подготовки мирного времени».

Но генерал Головин пишет другое. «Хотя под Каушеном потери конницы и были довольно значительны, тем не менее, бой показателен тем, что может достичь конница при любом наступлении, даже лобовом, но справедливо отметить, что только доблесть и хорошая подготовка способствовали успеху боя, тогда как выявилась неспособность начальства».

Известно, что командующий второй кавалерийской дивизией генерал Хан Нахичеванский оставался в стороне во время Каушенского боя. Он не уловил возможность эксплуатировать результат

Каушена, чтобы вообще опрокинуть немецкие силы. А генерал Ренкампф, по-видимому, чтобы тоже оправдать свою пассивность, считал бой под Каушеном ненужной операцией.

Тут надо особенно обратить внимание на то, что, несмотря на слабость высшего начальства, военный дух строевого офицера и нижних чинов привёл к двум существенным результатам.

Первое, боевые успехи под Каушеном хоть и не имели стратегического значения для хода войны, всё же, безусловно, подняли дух русской армии, что потом сказалося при успешном Гумбиненском сражении.

Второе, сражение под Каушеном, одно из первых сражений Великой войны, как на многих других фронтах, привело немецкое командование к решению перебросить части с Западного фронта на Восточный. А это решение имело роковые последствия для Германии и её союзников. Подтвердилось то, что план Шлифена окончательно не может быть применён, и что Германии придётся воевать на двух фронтах.

Это позволило французскому Генералу Жоффри приостановить отступление и одержать историческую победу на Марне. Тогда как, если бы этого не состоялось, немцам было бы уже почти возможно взять Париж. До конца жизни Жоффри относился с глубоким уважением к Великому Князю Николаю Николаевичу и называл его «Le Brave Homme» («замечательный человек»).

Анализируя дальше события, можно сказать, что решение германцев перебросить силы на восточный фронт было ошибкой генерала фон Мольтке. На самом деле, переведённые им части не успели принять участие ни в Каушене, ни в Гумбинене, ни даже в Таненберге, где немцы сумели исправить свои первоначальные неудачи. Так что, если бы фон Мольтке оставил бы свои части на западе, сражение на Марне могло бы и не состояться, или иметь совсем другие последствия.

Можно с убеждением сказать, что поведение гвардии в самом начале войны повлияло хотя бы психологически на роковое решение немецкого начальства, так как её репутация опиралась на эту элитную традицию, о которой я говорил, и которая подтвердилась на деле.

Закончу своё сообщение свидетельством о том, что я имел в молодости счастье застать многих офицеров, которые, как и мой отец, служили в императорской гвардии во время Первой мировой войны. Помню и тех, кто принимал участие в сражении под Каушеном и в таких сражениях дальнейшего хода войны, как например, Луцкий прорыв (который потом назывался Брусиловским).

Они все признавали, что военная подготовка строевых частей была на самом высоком уровне. Строевое офицерство и унтер-офицерство было опытное и вначале пользовалось уважением со стороны нижних чинов.

Потери кадровых офицеров в начале войны компенсировались производством в офицеры многих добровольцев, которые поступали, как и мой отец, на ускоренные офицерские курсы в военных училищах. Военный опыт они приобретали на войне, и отзывы кадровых офицеров о них были в основном скорее положительные.

Зато, как я и говорил, высшее командование чаще всего было недостаточно подготовлено. Оно недостаточно использовало уроки Балканской войны 1877 года и опыт Русско-японской войны. Можно сказать, что военные реформы, начатые ещё при Д. А. Милютине, не были доведены до конца. Поражения при Таненберге, как и в Мазурских болотах, являются показателем слабости или нерешительности высшего командования.

Неиспользованная возможность на юго-западном фронте во время Брусиловского прорыва говорит о том же самом.

Вот что ещё рассказывали те офицеры, которые жили в эмиграции, и которых мне посчастливилось застать в молодости.

На вопрос о том, должен ли был, по их мнению, государь Николай II взять на себя главнокомандование, они, в основном, отвечали, что если для внутренней политики это имело скорее отрицательное значение, так как отдалило государя от реальной ситуации в стране и кипящего революционного настроения в ней, то на фронтах в армии ощутимо резко улучшилась работа Генерального штаба в стратегическом ведении войны.

И ещё три интересных свидетельства. Говоря о конных сражениях, когда такие были, интересно отметить, что, сравнивая свою подготовку с подготовкой сил противника, воины, которые побывали на нескольких фронтах, говорили, что российская конница была в целом сильнее, чем немецкая, но признавали как самого опасного противника венгерскую кавалерию, к которой относились с особым уважением.

Об артиллерии: они считали, что гвардейская артиллерия, так же как и армейская, была на высоком уровне. Ей не хватало боеприпасов.

О пехоте: пехота, подготовленная до войны, понесла самые большие потери с самого начала, и когда начали поступать следующие призывные солдаты, они уже не обладали военным духом старших поколений. Новые силы, поступающие на фронт, часто уже были заражены революционной пропагандой, и в пехоте боль-

ше всего начало наблюдаться дезертирство и появление ненависти к офицерскому составу, чего не было в начале.

Ведущий. Чтобы закрыть этот тематический блок, я передаю слово Петрову Андрею Евгеньевичу, ответственному секретарю Российского исторического общества, который будет говорить о 100-лети Первой мировой войны, возвращении национальной памяти.

Петров А. Е. Я хотел бы обратить внимание на несколько интересных вещей. В выступлениях в первой части нашего форума прозвучала мысль о том, что Первая мировая война была забытой войной в России. И прозвучал второй очень важный тезис, который, я считаю, должен быть поддержан: эта война в России и, надеюсь, в мире больше никогда не останется забытой.

Мы вместе обсуждаем, какие уроки из этого следует извлечь и как осмыслить причины, которые привели к тому ужасу, который мы видели здесь на экранах.

В России очень интенсивно возрождалась память о Первой мировой войне. Из личной памяти, из семейной памяти воспоминания, связанные с предками, которые участвовали, отличились или погибли на той войне, до конца не уходили никогда. Хотя в Советском Союзе сложилась особая стратегия семейной истории: матери и бабушки старались по возможности не рассказывать детям и внукам о том, что где-то в шкафу припрятан Георгиевский Крест, не хотели показывать письма, из которых, например, следовало, что дед – офицер царской армии. Поэтому, конечно, свидетельства той войны оказались во многом забыты.

Тем не менее, уже в 90-х годах прошлого века память о войне стала стихийно возрождаться. Разрозненные группы энтузиастов начали поиски документов Первой мировой в архивах, в библиотеках, начались исследования братских кладбищ в республиках бывшего Советского Союза, в Москве, Санкт-Петербурге, Минске, Киеве. Начали возрождаться движения военно-исторической реконструкции.

Когда на рубеже 2011–2012 годов появилась необходимость образования национального Оргкомитета по подготовке к столетию Первой мировой войны, мы его создали, но не ожидали, насколько широкий отклик получит эта государственная инициатива.

Был установлен памятный день. Завтра – второй раз в истории на государственном уровне, с участием Президента Российской Федерации, официальных лиц, будет отмечаться этот траурный день – День памяти павших в Первой мировой войне.

Оргкомитет возглавил Сергей Евгеньевич Нарышкин. С первого дня работы мы увидели, что работа Оргкомитета сопровождается большой общественной инициативой. Мы даже создали

общественный совет, который помогает Оргкомитету аккумулировать многочисленные инициативы.

Именно от наших граждан, от инициативной группы пришла идея собрать здесь сегодня потомков участников Первой мировой войны. Отмечу, что их число в нашей стране гораздо больше, чем число тех, кто собрался в этих стенах.

Стали появляться тематические проекты. В плане национального Оргкомитета нашло отражение 70 основных мероприятий. Проведение данного форума, например, тоже входит в план Оргкомитета. Около 60 разных ведомств, организаций, институтов, академий наук, университетов являются соисполнителями этих проектов.

Важно подчеркнуть, что многие мероприятия нашего национального Оргкомитета рассчитаны на долгие годы. Но и к сегодняшнему дню сделано немало: с большей частью наших достижений вы можете ознакомиться в ходе нашего форума. Вы увидели новые книги, совершенно уникальные издания, такие как хрестоматия русской классики, русской литературы с произведениями о Первой мировой войне. Впервые вышедшая в России энциклопедия, подготовленная на высоком полиграфическом уровне издательством «Росспэн» (главный редактор «Росспэн» историк Андрей Константинович Сорокин, директор Российского государственного архива социально-политической истории, участвует в работе форума), издание «Герои Великой войны», которое вводит, по сути, в научный оборот такой уникальный источник, как материалы Трофейной комиссии. Это уникальная библиотека, которая теперь будет доступна всем.

Итак, многие проекты рассчитаны на два-три-четыре года и более. И это часто отмечается на заседаниях Оргкомитета. Наша задача – не сдать объект к какому-то сроку, как это обычно делается, например, в строительстве, наша задача – запустить долгосрочные проекты, которые будут жить ещё долго после того, как мы отметили столетие Первой мировой войны. Уже сейчас можно сказать, что многое в этом отношении получается.

Как вы видите, мы организуем международные конференции, встречи.

Конечно, потрясают открытия, которые нам удалось сделать в архивном фонде. В Тобольске Тюменской области, в спецхране обнаружилась картотека Бюро потерь Первой мировой войны. Нам стала понятна структура учёта раненых, пленных, погибших. Картотека требует, конечно, скрупулёзной оцифровки, создания базы данных. Это пример проекта на годы. Мы нашли карточки нескольких депутатов дореволюционной Государственной Думы, ушедших добровольцами на фронт, их детей. Нашли карточку

поэта К. К. Случевского. Замечу, что картотеку никто специально не прятал, её увезли в этот спецхран, потому что она просто не была востребована. В 50–60-е годы не было обращений к этой картотеке. Формально она была открыта, не засекречена, ничего рассекречивать не пришлось, но, тем не менее, материал был не доступен. По оценкам специалистов выясняется, что объём архивных источников, которые позволят оценить размер и масштаб потерь России в этой войне, не сопоставим с архивным массивом, на основании которого мы можем давать оценки о потерях Советского Союза и его народов во Второй мировой войне. Но надеюсь, через несколько лет мы сможем назвать более-менее точную или очень близкую к точной цифру потерь наших предков в Первой мировой войне.

Российское историческое общество призвало граждан присылать хранящиеся в домашних архивах фотографии, письма, открытки с фронта. Проект получил массу откликов, мы уже собрали архив из сотен фотографий, он был представлен на форуме: в фойе и в Зале полководцев вы могли видеть экран, на котором представлены эти фотографии. Они требуют серьёзной научной обработки, и это тоже работа на будущее.

О большом количестве документальных фильмов, целых сериалов, созданных при нашей поддержке, я говорить не буду, о значении этого направления в кинематографе уже сказал Игорь Угольников.

Я хотел бы обратить ваше внимание на несколько мероприятий, которые прошли или совсем скоро пройдут. 14 июля, в день, когда во Франции как национальный праздник отмечают годовщину взятия Бастилии, прошёл парад, пожалуй, впервые объединивший участников Первой мировой войны из разных стран. Этот парад символизировал, в том числе и стремление к миру. Участники – группы молодых людей – выпускали «голубей мира». Наши французские коллеги смогут рассказать об этом подробнее. И здесь, несмотря на трудные времена во внешней политике, оказалось место для единения России со своими бывшими союзниками по Первой мировой войне.

Другая акция прошла 27 июля в 13 странах, её организовали наши коллеги – итальянский Оргкомитет – по инициативе известного трубача Паоло Фрезу. Мелодия трубы «отбой», которую на той войне исполняли как последний салют погибшим, звучала и в других городах Европы, США и Латинской Америки. Международную памятную акцию, которую инициировала Италия, поддержала не только Россия, но и Великобритания, США, Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Черногория, Словения, Греция, Португалия, Коста-Рика, Куба. Мелодию сыграли в символи-

ческих, значимых для памяти Первой мировой войны местах. В России «отбой» исполнили на московском братском кладбище на Соколе.

Накануне этой акции мы узнали о том, что в фондах рукописного отдела Исторического музея нашлась инвентарная книга всех похороненных на этом братском кладбище. Разными способами, через метрические книги, через воспоминания, через архивы, энтузиасты пытались восстанавливать имена 18 тысяч похороненных в Москве героев Первой мировой войны. А оказалось, что в фондах сохранился документ, который надо было просто издать. Наша память возвращается.

Завтра состоится открытие памятника Героям Первой мировой войны здесь, на Поклонной горе. Многие из вас этот памятник уже видели. И завтра, вместе с нашим Президентом, я думаю, мы поучаствуем в этой значимой церемонии. В России стали появляться памятники очень хорошие, трогательные памятники – в Калининграде, в других городах. И открытие памятника в Москве, наверное, будет венчать церемонию открытия целого ряда таких монументов.

4 августа открылась очень интересная, насыщенная материалами выставка. Наши коллеги откроют ещё целый ряд выставок – в Манеже, в Государственном Историческом музее, в Эрмитаже. Я знаю, что есть планы подготовить выставки, в том числе по истории русской гвардии. Но выставки заканчиваются, остаётся каталог. 4 августа в Царском Селе, в помещении Ратных Палат будет открыт музей Первой мировой войны. Это тоже очень важный, знаковый момент для России.

Подводя итог, скажу, что уверен – эта война в России больше никогда не будет забыта.

Ведущий. Продолжаем нашу работу, я предоставляю слово господину Эймери Де Монтескью, сенатору верхней палаты парламента Франции, который выступит с докладом «Россия и Европейский союз – общее будущее».

Эймери Де Монтескью Фезенсак д'Артаньян. Дамы и господа, нам известна большая роль России во Второй мировой войне, но мало кто знает решающую роль России в Первой мировой войне. В своих мемуарах маршал Жоффри выражал благодарность России за огромную услугу, оказанную во время битвы на Марне. Он был убеждён, что без вмешательства России исход этой битвы для Франции был бы ещё более драматическим.

Русские солдаты показали исключительное мужество и солидарность, которые не должны быть забыты. Следует поддерживать

традиции нашей дружбы и поддерживать стратегическое партнёрство между нашими странами, между Россией и Евросоюзом.

Россия всегда была на стороне Европы, как в моменты мира, так и в моменты войны. Россия является частью интеллектуального и художественного симбиоза, о котором мы не должны забывать.

Идентичность истории и культуры России и Европы тесно связаны. Но во имя чего Европа стала позиционироваться как образец, который должен быть обязательно принят в России? Европейцы и россияне прошли через общие испытания в течение веков, это естественные партнёры, но каждая страна имеет свою специфику.

Политические связи между этими партнёрами были напряжёнными. К несчастью, в последнее время они ухудшились. Антирусская кампания в европейских СМИ подпитывает эту ситуацию, создаёт негативную атмосферу в общественном мнении по отношению к России.

Но между тем Россия перевернула страницу сталинского режима уже много лет назад, когда на XX съезде КПСС 1956 года Никита Хрущёв говорил о неприемлемых аспектах сталинизма. Европа должна, наконец, понять, что Россия является сегодня другой страной. Евросоюз стремится усилить свою экономическую управляемость и свою политическую солидарность, поддерживая свой рост и увеличивая количество рабочих мест. И отравлять отношения с Россией контрпродуктивно и противоречит его целям. Между этими двумя образованиями существует огромный потенциал экономического сотрудничества. Их общие интересы стирают их различия.

Евросоюз – первый экономический партнёр России и самый главный источник прямых инвестиций в экономику. Сама Франция насчитывает 1200 российских предприятий, работающих на её территории.

Россия является важнейшим партнёром Евросоюза в области энергетической безопасности и важнейшим источником природных ресурсов.

Аргументы в пользу стратегического партнёрства между Россией и Евросоюзом очевидны. Сейчас следует действовать так, чтобы создать крепкий и долгий мир, невзирая на политическую напряжённость и плохо информированное общественное мнение.

Одним из таких действий стало бы возобновление дискуссий по визам. После распада СССР в 1991 году реальный барьер железного занавеса был заменён виртуальным барьером, построенным Западом. Решение об отмене виз позволит облегчить сотрудничество с большим количеством областей и усилит идентификацию России как европейской нации. Кроме того, это будет способствовать туризму в России, что сделает связь ещё более тесной.

Другая мера – усилить сотрудничество научное, техническое, культурное, в области образования, путём создания стипендий, программ академического обмена для преподавателей и студентов, программ совместных научных исследований, совместного преподавания.

Так же, как и Европа, Россия обучает учёных и математиков высочайшего уровня. Так, Россия разработала и реализовала компьютерную программу искусственного интеллекта, который впервые за всю историю успешно прошёл Тест Тьюринга, когда компьютер смог выдать себя за человеческое существо.

Развитие долгосрочного сотрудничества между Россией и Евросоюзом в области энергетики является очень важным. С точки зрения России, это существенно сокращает внутренний спрос на энергию, повышает экономическую эффективность, облегчает работу газовой промышленности. С точки зрения Европы, это освободит большие количества российского газа, которые в дальнейшем могут быть проданы на европейском рынке.

Энергетическая безопасность требует изменения формата сотрудничества между Евросоюзом и Россией, формата, предусматривающего отношения поставщика и потребителя, и усиления сотрудничества в области развития технологий. В ином случае, Россия может сделать выбор в пользу Китая, Кореи или Японии.

В области безопасности государства и личной безопасности людей невозможно бороться с терроризмом Аль-Каиды, искажающей мусульманскую религию, как в Европе, так и во всём мире, без помощи России.

Президент В. В. Путин прямо заметил, что российские мусульмане, которые составляют 15% населения России, рассматриваются как полноправные граждане. Нельзя отождествлять международный терроризм с какой-то религией, культурой, традицией.

Евросоюз и Россия должны делать всё возможное для предотвращения того, чтобы миллионы мусульман, мирно живущих на их территории, стали бы жертвой исламистского радикализма. Обе стороны должны разделять цели по восстановлению мира на Среднем Востоке. Я подчёркиваю этот момент.

Великий президент, признанный всеми, генерал Шарль де Голль, был прав, когда говорил об объединённой Европе от Атлантики до Урала. Удивительно, что этот человек, родившийся в XIX веке, воспитанный в католической консервативной среде, получивший националистическое военное образование, смотрел на Россию, имея более либеральное, открытое видение России, по сравнению с современными политиками.

Этот президент считал, что французская дипломатия должна была, прежде всего, отстаивать свою суверенность, свои ценности и свою экономику. Он никогда бы не потерпел того, чтобы неевропейская страна, какой бы политической мощью она ни обладала, разрушала бы дружбу между Европой и Россией.

Вдохновляясь автономной и мудрой внешней политикой генерала де Голля, я хотел бы подойти к проблеме санкций, применённых в отношении России и некоторых её граждан.

Россия должна была одна пострадать от санкций, на которых настаивали американцы. Российский генерал Леонид Решетников подчёркивал, что экономические санкции США против России неэффективны, потому что экономические отношения между Москвой и Вашингтоном не являются значительными в отличие от коммерческих торговых обменов между Россией и Евросоюзом, которые весьма развиты.

75% международных прямых инвестиций в Россию – это инвестиции стран Евросоюза. Россия – третий коммерческий партнёр Евросоюза. В 2013 году Франция экспортировала в Россию товаров более чем на 7 миллиардов евро, оборот Евросоюза достиг 120 миллиардов. В 2012 году товарообмен между Евросоюзом и Россией достиг 300 миллиардов евро против 40 миллиардов долларов торгового оборота между США и Россией.

Итак, кого же наказывают эти санкции? Вы знаете ответ, для меня этот ответ очевиден. Эти санкции абсурдны и наказывают главным образом европейцев.

Президент В. В. Путин 5 марта 2000 года заявил, что когда-нибудь станет возможно России войти в НАТО. Я ответил бы на это – почему бы и нет. Россия должна рассматриваться как партнёр, а не как угроза.

Следует пересмотреть политические стандарты, которые применяются в отношении к внешнеполитической деятельности США, считающих для себя нормальным вмешиваться во внутренние дела государств в Африке, в Латинской Америке. И почему Россия должна мириться с установкой ПВО в Чехии или в Польше, чего требует сенатор Джон Маккейн?

Дамы и господа, во имя истории, во имя культуры, во имя наших общих экономических интересов, во имя той крови, которая была пролита за свободу, пришло время, чтобы договориться о формировании общей стратегии, которая была бы направлена на усиление нашего сотрудничества во многих областях, чтобы осуществить и реализовать братство наших народов.

Да здравствует дружба между Францией и Россией!

Ведущий. Большое спасибо. Я рад сообщить участникам нашего форума, что к нам присоединился один из организаторов

этого форума министр культуры Российской Федерации, председатель Российского военно-исторического общества Владимир Ростиславович Мединский. Он через какое-то время перед нами выступит, а мы пойдём дальше по программе, и я приглашаю на трибуну Ивана Дмитриевича Солтановского, директора департамента общеевропейского сотрудничества МИД России. Доклад на тему «Российско-европейское сотрудничество и проблемы в свете итогов Первой мировой войны».

Солтановский И. Д. Уважаемые коллеги, участники форума! Прежде всего, хочу сказать, что я был впечатлен выступлением предыдущего оратора из Франции. Очень много мыслей, которые переключаются с нашими оценками. Это в значительной степени избавляет меня от конкретики по некоторым вопросам нашего взаимодействия с Европой. Европа действительно сегодня проходит тест на самостоятельность.

26 июня 1914 года в Сараево прозвучали два выстрела, в результате которых была запущена цепь событий, кардинально изменивших судьбы Сербии, Балкан, Европы и мира. Жизнь разделилась тогда на «до» и «после» Сараево.

Локальная, на первый взгляд, акция сразу приобрела форму острого регионального, а затем и общеевропейского, и мирового конфликта, Grande Guerre. Закончилась Belle Époque. Начался XX век, век небывалого прогресса и невиданных потрясений. Наружу вырвался джинн тотального разрушения устоев. И он вызвал такие глобальные сдвиги, что их последствия мы ощущаем спустя целый век.

Именно поэтому сегодня на этой конференции, на нашем форуме крайне важны объективные оценки, применимые к сегодняшнему дню, выводы и уроки событий того времени, когда произошла первая глобальная катастрофа человечества.

Не преуменьшая потерь других стран и народов, отмечу, что особенно высокую цену пришлось заплатить нашей стране, которая на разных этапах Первой мировой войны отвлекала на себя от 42 % до 45 % совокупных сил блока Австро-Венгрии и Германии, которой приходилось не раз разрываться между союзническим долгом и реализацией собственных стратегических задач.

К 20-м годам прошлого века политическая карта Европы оказалась полностью перекроенной. На месте древних монархий появились молодые республики. Под лозунгом всемирной революции набрало силу коммунистическое движение, центром которого стала молодая и пассионарная советская Россия.

Одновременно с этими процессами на другом полюсе шло форсированное укрепление национал-социализма. Традиционные политические партии оказались зажаты между двумя полюсами

политического молота. Ожесточённые классовые бои стали неотъемлемой частью европейского послевоенного ландшафта. С точки зрения архитектуры международных отношений, война привела к созданию, по крайней мере, трёх основных систем.

Версальской системы, целью которой была попытка на волне искреннего стремления народов к вечному миру и благоденствию создать и закрепить под эгидой Лиги Наций выданную Вашингтону, Лондону и Парижу схему мира, систему протектората и репараций, взыскиваемых с побеждённых.

Под эгидой Москвы начала формироваться система Коминтерна, которая опиралась на зарождавшиеся компартии в развитых странах и националистические движения стран Востока.

Наконец, так называемый лагерь побеждённых во главе с Германией. Для него наиболее существенным было восстановить утраченные права и позиции на мировой арене, осуществить реванш. Уже через два десятилетия после 1918 года за унижение Берлина пришлось расплачиваться не только членам Антанты, но и всему человечеству.

Главными недостатками Версаля, с точки зрения сегодняшнего дня, мне представляется головокружение у победителей от мнимых достижений, переоценка своих успехов, нежелание принять тот факт, что степень их влияния в довоенном мире безвозвратно потеряна. Непонимание ими того, что миллионы человеческих жизней, обезлюдевшие, сожжённые регионы, катастрофическое ухудшение экономического положения – слишком высокая цена за победу. И, наконец, попытки изначально исключить Россию из европейской игры. На агитпропных географических картах ряда стран того времени Россия часто изображена либо в виде грозно оскалившегося медведя, либо тупого мужика в шапке-ушанке, который топчет страны Европы или угрожает им.

Известные попытки представить нашу страну как отсталое, недостойное считаться европейским государством, изолировать Россию, логически обращает нас к событиям сегодняшнего дня. Не может не вызывать откровенного отторжения стремление русофобских кругов на Западе на волне украинского кризиса подвести под свою политику некую ценностно-идеологическую основу сдерживания России.

Мнимая отсталость нашей страны ничуть не мешала нашим союзникам в Первую мировую войну требовать от россиян пушечного мяса, даже в то время, когда с военно-политической и экономической точки зрения это вело к огромным потерям и обескровливало Россию.

Так и сейчас, несмотря на беспрецедентную политику очернительства, шантажа и санкций, о которой здесь тоже говорилось,

от России продолжают ожидать сохранения активной вовлеченности в регулирование тех международных проблем, где ресурсы и возможности Запада ограничены, а именно: иранская ядерная программа, ближневосточное регулирование, Сирия, борьба с терроризмом, распространение ОМУ и так далее.

Нынешний кризис на Украине, безусловно, встряхнул международную ситуацию, его воздействие на отношения с европейскими партнёрами будет ощущаться ещё достаточно долго. В то же время, я убеждён, что повторение холодной войны не отвечает интересам ни одной из сторон, в том числе в силу необходимости совместного противодействия глобальным вызовам, которые, конечно, не исчезли после начала украинского кризиса.

Ясно и то, что к прежней неискренней в отношении к России, наполненной двойными стандартами модели отношений, возврата не будет. Хотелось бы надеяться, что нынешний кризис, выражаясь словами министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова, станет своего рода «освежающей грозой», которая позволит перевести наши отношения с западными партнёрами на более здоровую и честную основу.

В нынешней непростой обстановке, конечно, важно вернуться к позитивной повестке дня, к тому, что нас сближает, а не разделяет.

Почти 40 лет назад в Хельсинки, и мы будем отмечать эту дату в будущем году, мы совместно определили, что Европа и её безопасность имеют расширенную конфигурацию от Ванкувера до Владивостока.

Здесь совершенно правильно вспоминали идеи генерала де Голля, они очень актуальны в наше время, о том, что диалог и сотрудничество является методом совместной работы по поддержанию стабильности, повышению уровня европейской безопасности, что безопасность имеет всеобъемлющий характер с измерениями: военно-политическим, экономическим, социальным и гуманитарным.

Сегодня очень важно напомнить вновь об этих базовых принципах существования и договорённостях, закреплённых в Хельсинском Заключительном акте и других документах, принятых впоследствии ОБСЕ на всех основных ветвях её деятельности.

На глазах у нас складывается многополярная система мира, складывается сложно. Но, тем не менее, это уже объективный факт. Смешно не признавать, что кроме Европейского существует ещё и другой Евразийский экономический союз. У них есть свои, не всегда пересекающиеся, интересы.

С этой точки зрения заслуживает самого пристального внимания предложение Президента Российской Федерации В. В. Путина о зоне свободной торговли между формируемым Евразийским союзом и ЕС.

Очень актуальной остаётся инициатива закрепления в международном праве принципа неделимости евро-атлантической безопасности. Ясно, что политика некоторых партнёров по укреплению только своей безопасности за счёт других несёт в себе весьма серьёзный конфликтный потенциал. И в этом контексте должно быть, конечно, прекращено ползучее расширение НАТО на Восток с вовлечением в Альянс непосредственно граничащих с Россией государств. Первая мировая война наглядно показала, к чему ведёт подобное блоковое мышление.

Другой важнейший принцип, который должен быть воплощён на деле – отказ от применения силы при урегулировании конфликтов, причём, в том числе и внутри страны. Недопустимо также грубое вмешательство в дела других стран.

Существенным подспорьем для строительства Большой Европы должно стать создание общеевропейского правового и гуманитарного пространства. И здесь ведущую роль мог бы сыграть Совет Европы. С помощью своих уникальных механизмов, продвигающих права человека, демократию и верховенство права, Совет Европы призван стать гуманитарной опорой равной и неделимой безопасности в Европе.

Важной для взаимодействия с европейскими странами, конечно, является совместная борьба с фальсификацией истории. Нужно придерживаться беспристрастного, честного, неполитизированного отношения к общему историческому наследию. Следует решительно пресекать любые проявления неонацизма, ксенофобии, нетерпимости, вне зависимости от политической конъюнктуры.

Возвращаясь к теме уроков Первой мировой войны, я хотел бы остановиться на некоторых выводах, которые зачастую звучат в исследованиях российских и западных историков.

Первое, необходимо всячески избегать изоляции. Уроки Великой войны доказывают, что попытки изолировать Россию, отодвинуть её на обочину европейской политики неизменно приводили в действия процессы, развитие которых в конечном итоге оборачивались катастрофой.

Второй урок касается соблюдения норм международного права, как применительно к законам и обычаям ведения войны, так и в подходах к конфликтным ситуациям. В 1914 году были проигнорированы все положения Гагской конвенции, гуманизовавших методы и средства ведения военных действий.

Одним из ужасных символов той войны стало применение горчичного газа под Ипром, который получил название «иприт». Ещё много раз в XX веке химическое оружие было использовано. К великому сожалению, подобное происходит и сегодня. Запрещённые фосфорные боеприпасы неоднократно использовались

киевскими силовиками против мирного населения во внутреннем конфликте на Украине.

И, наконец, к вопросу о теме участия в военных союзах, которые ограничивают принятие самостоятельных решений. Очевидно, что союзнические обязательства в немалой степени привели к тому, что в конфликт 1914 года были вовлечены одновременно несколько государств, и война приобрела мировой характер. Некоторые историки считают, что Россия была в наименьшей степени заинтересована в участии в войне, но вынужденно вступила в неё, прежде всего, из союзнических обязательств. Последствия, как известно, стали катастрофическими.

Подытоживая, подчеркну, что Россия даже в самые сложные времена предлагала партнёрам объединительную повестку дня, это актуально и сегодня.

Надеюсь, что нынешний представительный форум будет способствовать переводу европейской повестки в разумный прагматизм.

Ведущий. Я с удовольствием предоставляю слово Владимиру Ростиславовичу Мединскому, министру культуры Российской Федерации, председателю Российского военно-исторического общества, заместителю председателя Организационного комитета по подготовке мероприятий, связанных со 100-летием начала Первой мировой войны.

Мединский В. Р. Дорогие друзья!

У меня подготовлено существенное научное выступление, но я, с вашего позволения, к концу этой сессии ограничусь лишь некоторыми личными впечатлениями о происходящих событиях и о тех уроках, которые дают нам повод отмечать столетний юбилей начала войны.

Недавно Министерство культуры Украины запретило к показу на территории Украины фильм, где говорится о событиях 1918–1919 годов. Это экранизация классического произведения под названием «Белая гвардия», написанного киевлянином М. А. Булгаковым. В этом фильме усмотрели оскорбление украинской государственности. Это связано с тем, что киевлянин М. А. Булгаков с большой долей иронии относился к украинским националистам периода окончания Первой мировой войны и начала Гражданской войны в России.

Вместе с этим запретили ещё несколько фильмов, например, романтическую комедию «Кухня в Париже» – я обращаюсь к нашим французским друзьям – в которой практически всё действие происходит в Париже, в одном из французских ресторанов, где предполагается встреча Президента Франции и Президента России, и вокруг этого строится масса комедийных моментов. Но это,

видимо, нехорошо – показывать на экране Президента России и Президента Франции в дружеской обстановке, поэтому этот фильм тоже запретили на Украине.

Это очень печально, потому что, на самом деле, это и есть нагнетание напряжённости, провокация разрывов сотрудничества во всех сферах, крайне далёких от политики: в сфере культуры, в сфере кинематографа, в сфере книгоиздания.

Вы не поверите, но Правительство Украины обсуждает вопрос об ограничении, либо полном запрете ввоза на территорию Украины российской книжной продукции, которая составляет сейчас 75–80% рынка, что вполне естественно, вне зависимости от номенклатуры. Вы знаете, я раз 15 перепроверил это сообщение, когда прочитал об этом в информационных агентствах, потому что просто не мог поверить своим глазам. Видимо, следующим шагом будет не ограничение ввоза, а сжигание книг на площадях, а то вдруг принесут не те ценности...

Именно разрыв межкультурных связей, по сути, это то, что происходило в самый канун Первой мировой войны, когда началась предвоенная истерия. Посмотрите внимательно газеты той эпохи. Первая половина 1914 года – в прессе постоянное апеллирование к чувству ущемлённой национальной гордости, какая-то одна нация якобы обидела другую, это идея постоянно раскручивалась, процветала шпиономания.

Нам это сейчас кажется смешным, но на самом деле все стокгольмские шведские спецслужбы и военная разведка того времени занималась поиском русских шпионов в Стокгольме. Предполагалось, что русские массово забросили целый батальон шпионов под видом точильщиков ножей. Наверное, историки знают эту юмористическую историю.

Каким-то образом группа точильщиков ножей, видимо, из крестьян северной губернии России, оказалась на заработках в Швеции. Где-то там они точили ножи, носили большие бороды, по-шведски не говорили. Во всём этом усмотрели провокацию Генерального штаба русской армии и писали, что под армяком каждого такого точильщика сверкают золотые погоны офицера Генштаба, и что с ними надо внимательно разобраться. Всё это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Сегодня мы видим, что в Прибалтике на традиционный, проходящий уже много лет неподалёку от столицы Латвии, международный песенный фестиваль «Новая волна» запрещают въезд российским артистам. Запрещают въезд тем российским артистам, которые посмели выступить в Крыму в этом году, запрещают безо всяких объяснений. Я уже не говорю о том, что фестиваль орга-

низуется российскими продюсерами и, собственно, наши граждане являются главными инвесторами этого фестиваля. И, казалось бы, любой другой курортный городок с радостью бы выхватил у Юрмалы право проведения этого фестиваля, потому что это инвестиции, потому что это туристы, потому что это заполненные гостиницы, кипящая жизнь. Но нет, даже вопреки очевидным экономическим интересам, делается всё, чтобы это остановить.

Поэтому, мне кажется, что, вспоминая сегодня историю, надо сделать всё возможное, чтобы постараться опровергнуть поговорку о том, что история ничему не учит или учит только тому, что никто никогда не извлекает из неё уроков.

Нам надо извлекать уроки, нам надо понимать, насколько опасно разыгрывать национальную карту, насколько опасно заниматься агрессивной пропагандой, насколько опасно правящим элитам переоценивать собственные экономические и военные возможности, как делали, кстати, все правящие элиты великих держав накануне Первой мировой войны. Каждый из них считал, что он-то сейчас находится в расцвете, поэтому надо нанести удар сейчас, пока противник, Германия или, наоборот, Россия, не поднялись.

Подобного рода переоценка ведёт к миллионам жертв. Мы сейчас говорим, что Россия оказалась в стане побеждённых, но мне кажется, что ни одна европейская страна в этой войне не победила. Можно сказать, что победили США, с некоторой долей пренебрежения к тем десяткам тысяч американских парней, которые погибли в Европе, либо умерли в Европе от испанки. Вы знаете, что количество умерших от испанки американцев оказалось даже больше количества погибших на полях сражений. Я думаю, что их матерям и отцам было всё равно. Для них они всё равно пали на Первой мировой войне.

Кто победил? Заложили колоссальную мину под весь миропорядок. И, по большому счёту, я отношусь к той категории историков, которые считают, что Вторая мировая война на самом деле вторая серия Первой мировой. Это не иная война, это просто продолжение попыток решить военным образом неразрешённые конфликты.

Вот об этом надо думать сегодня, когда мы смотрим новости, и когда мы, может быть, в душе поощряем агрессивность тех или иных политиков, бравирующих санкциями.

Меня удивляет история с санкциями. К слову сказать, это вообще не относится к культуре, но я вспомнил, когда передо мной выступал мой учитель, А.В. Торкунов, ректор МГИМО, как на лекциях в МГИМО говорили, что санкции – это нелибе-

ральный инструмент. Это использование экономических инструментов в нанесении прямого экономического ущерба, в том числе собственным гражданам, собственным компаниям и бизнесу, ради решения политических задач правящей элиты. Я вообще не понимаю, где наши либеральные СМИ, почему они не возмущаются по поводу того, что США и Европа сейчас за счёт собственных граждан и собственного бизнеса решают странные политические задачи. Это совсем нелиберальный, сталинский подход.

Ну и в заключение я хочу поделиться одним приятным воспоминанием. Буквально несколько недель назад мне посчастливилось присутствовать во Франции на военном параде, посвящённом Дню взятия Бастилии, возглавляя российскую делегацию. Было чертовски приятно видеть, что там были знаменные группы всех стран-участниц Первой мировой войны, ну или большинства стран.

Было очень приятно видеть, как первой – в центре, естественно, стояла знаменная группа Франции, следующей стояла знаменная группа Британии, а третьей в этом ряду стояла знаменная группа Российской Армии под российском флагом.

Было очень приятно слышать, что входили эти знаменные группы на площадь Согласия под «Марсельезу», а выходили под «Прощание славянки», под аплодисменты собравшихся на трибуне, услышавших знаменитый русский военный марш.

Мне было очень приятно побывать в Шампани в одном из фортов, который героически защищали французы в годы Первой мировой войны. Недалеко от Реймса открыли замечательный музей Первой мировой войны. Там есть экспозиция, посвящённая российским солдатам, воевавшим в составе русского экспедиционного корпуса. Когда мы беседовали об истории тех событий, происходивших сто лет назад, с мэром Реймса, я спросил, сколько там было всего фортов. Он мне показал на карте, сколько их было, какая была мощная оборонительная система. К сожалению, германцы её преодолели. Тогда я спросил, все ли форты были взяты, и он сказал, что не все. Не взяли один форт, который простоял всю войну, который французы защищали вместе с русскими, две трети гарнизона были русские. Его обошли германцы.

Мне кажется, что это очень символично. Мы должны быть вместе, по одну сторону баррикад, в одном форте, все европейцы, французы, немцы, сербы, поляки, русские, украинцы. Мы должны быть вместе, и вместе защищать наши ценности, нашу культуру, нашу историю. А всё, о чём мы сейчас вспоминаем, должно послужить великим уроком того, что никогда нельзя оказываться по разные стороны окопа.

Ведущий. Владимир Ростиславович сказал, что всё это должно быть уроком французам, русским, полякам – много наций прозвучало в этом перечне – и в том числе была названа Сербия. Я рад, что с нами здесь сегодня чрезвычайный и полномочный посол Республики Сербия в Российской Федерации, доктор исторических наук Славенко Терзич, которому я и предоставляю слово. Доклад на тему «Балканская политика Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны (и её современные варианты)».

Славенко Терзич. Из предыдущего выступления видно, насколько важно, когда министр культуры является ещё и историком, насколько он глубоко понимает международные процессы. У меня тоже подготовлен научный доклад, но так как времени нет, я буду говорить тезисно.

Возникает много вопросов вокруг начала Первой мировой войны. Особенно касающихся Сербии и сербов.

Первое: откуда пришла идея наказать Сербию, появилась ли она в Сараево или ещё раньше? Это мой главный тезис, и я продолжаю мысль министра В. Р. Мединского о том, насколько опасна агрессивная пропаганда. Это видно на примере австро-венгерской пропаганды на Балканах.

Второй вопрос: было ли покушение в Сараево реальной причиной Первой мировой войны, откуда взялся Франц Фердинанд в Сараево в 1914 году в День святого сербского праздника Видовдан? Было ли возможно избежать этой войны или нет?

Мой первый тезис заключается в том, что решение Берлинского конгресса 1878 года лежит прямо или косвенно в основе Первой мировой войны.

Ещё в мае 1878 года до Берлинского конгресса австро-венгерский министр иностранных дел Дьюла Андраши выдвинул главную идею долгосрочной совместной политики Австро-Венгрии и Великобритании. Это была идея воспрепятствования расширению российского влияния и предотвращения славянизации Балкан, которая сопровождалась славянской ассимиляцией.

Вена считала, что Австро-Венгрия добьётся доминирования на Дунае и Адриатическом море, если сумеет построить три ключевых столпа своей балканской стратегии.

Первый – создание системы маленьких враждующих между собой государств, так называемая система государств-сателлитов, лишение их возможности противостоять Габсбургской монархии. Это, мне кажется, сейчас на Балканах существует.

Второй – предотвращение даже ценой войны появления какого-то большого славянского государства на Балканах.

Третий – уменьшение всеми средствами сферы российского влияния в Юго-Восточной Европе.

Политические проекты, которые Австро-Венгрия стремилась реализовать после оккупации Боснии и Герцеговины, после Берлинского конгресса, вызвали огромное недовольство, прежде всего, православной Сербии и части населения мусульманского и католического вероисповедания.

Из обширного политического проекта режима Боснии и Герцеговины я упомяну лишь некоторые его части, которые оказались самыми долгосрочными, которые являются своеобразной политической лабораторией с опасным пропагандистским арсеналом.

Первый проект – это проект создания искусственной боснийской нации. Была создана боснийская идеология и так называемый боснийский патриотизм.

Второе. Было спровоцировано противостояние мусульман и католиков и православных сербов с целью подавления сербского национального движения. Добавлю, что в этот момент 44 процента населения Боснии и Герцеговины составляли православные сербы.

В-третьих, подчёркивалась якобы исключительная цивилизационная миссия Австро-Венгрии в оккупированных краях, с акцентом на преемственность римского наследия и римского духа. Подчёркивалось мнимое превосходство западного духа над восточным духом, то есть Рима над Византией. Византийская цивилизация представлялась как нечто чуждое европейской цивилизации.

Четвёртое: европейскую общественность постоянно убеждали, что существует опасность «панславизма», особенно «русского панславизма» и опасность Сербии, как великого сербского революционного гнезда, представляющего «русский панславизм».

Происходило воспрепятствование стремлениям Сербии объединиться, воспрепятствование созданию Балканского Союза.

Насильственно изменялась этническая религиозная структура Боснии и Герцеговины заселением иностранного, прежде всего, немецкого населения.

Углублялось недоверие между славянскими и неславянскими народами на Балканах: греков, албанцев и румын натравливали на балканских славян. Подогревалось соперничество и вражда между Сербией и Болгарией, Сербией и Черногорией.

Шло формирование албанского национального движения, которым, как считалось, можно было воспользоваться как деструктивной силой на южно-славянских просторах. Албанцы должны были препятствовать объединению южных и восточных славян.

Политическому инжинирингу Австро-Венгрии сопротивлялись, прежде всего, сербы. Существовала часть молодёжи и среди других народов, которая была ориентирована на югославские движения. Организация «Млада Босна», членом которой был Гаврило

Принцип, собирала таких молодых людей, которые были готовы всеми возможными способами противостоять агрессивной политике Габсбургской монархии.

Суровые методы, которыми Австро-Венгрия пользовалась во время Первой мировой войны по отношению к Сербии и сербам, основывались на её десятилетней политической и пропагандистской деятельности на Балканах.

Эта политическая программа известна по работам немецкого идеолога Фридриха Науманна «Срединная Европа» и «Болгария и Срединная Европа». Науманн, как и его предшественники, ещё раз подчёркивает необходимость создания государств-сателлитов или марионеток на Балканах, только Сербия на этот раз не заслужила права получить даже статус сателлита. И поэтому проводится мысль, что соседи Сербии из-за её узурпаторской роли должны постоянно держать её под контролем.

Из такой идеологии и произошла практика создания концентрационных лагерей для сербов в Первой мировой войне Австро-Венгрией, Германией, Болгарией и Турцией. Это были первые концентрационные лагеря в современной истории Европы.

Вилинбахов Г. В., председатель Геральдического совета при Президенте Российской Федерации, заместитель директора Государственного Эрмитажа.

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Тема моего доклада «Деятельность трофейной комиссии: люди и вещи».

Наш форум, посвящённый войне, подходит к концу. В конце войны одним из важнейших является собирание трофеев и рассказы о своих победах. Трофеи всегда были важной частью идеологии войны. Их довольно быстро стали отделять от того, что называли военной добычей. И в качестве наиболее почётных и важных трофеев выделяли знамёна и артиллерийские орудия.

Существовали специальные церемонии, когда трофеи привозились в столицы и представлялись как результат побед. Особым способом отмечали морские победы, когда входили в порт военные корабли, и флаги, снятые с кораблей поверженного противника, свешивали с кормы, они полоскались по воде. Были специальные церемонии для несения трофейных знамён.

Это было во всех странах, это было в разные времена, и поэтому такой термин, как «трофейная комиссия», который появился в России в начале XX века, никого не удивил. Но следует отметить, что когда мы говорим о трофейной комиссии, то её полное название несколько иное. Это комиссия по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамён.

Комиссия эта появилась в 1912 году, за несколько лет до начала Великой войны. Её появлению мы в значительной степени обязаны Петру Ивановичу Белавенцу, капитану 1-ранга, а идея создания такой комиссии появилась, как часто появляются какие-то гениальные вещи, случайно.

В те годы в России шли очень активные споры и обсуждения вопросов, связанных с государственной символикой России. П. И. Белавенцу, который был в составе комиссии, обсуждавшей эти вопросы пришла замечательная идея: для того, чтобы рассмотреть историю российского герба на старых печатях, нужно эти старые печати искать на документах, к которым они прикладывались. Тогда эти документы направлялись дипломатической почтой. У него была командировка в Вену, Берлин, Париж, Лондон, Амстердам, Копенгаген и, наконец, Стокгольм, где, работая в архивах, он выявлял грамоты русских князей и русских царей и зарисовывал печати, которые были на них. Это огромный материал, который послужил впоследствии основой для многих научных исследований, связанных с историей Государственного герба России.

Когда П. И. Белавенец находился в Стокгольме, в прессе шли очень активные споры в отношении того, какова должна быть судьба трофеев, взятых на протяжении всех войн, которые вела Швеция. Естественно, что П. И. Белавенец заинтересовался теми знамёнами, которые были в Швеции, его интересовали, прежде всего, русские, знамёна XVII – начала XVIII века, которые были малоизвестны в России, потому что они были взяты противником во время войны и сведения о них не попали ни в какие публикации.

Выяснилось, что в Швеции ещё с XVII века существует традиция: все трофеи, которые привозят в Стокгольм, зарисовывать. В шведских архивах хранится огромная коллекция акварельных рисунков всех трофеев, которые попали в Швецию.

Изучив эту коллекцию, П. И. Белавенец выявил все русские знамёна, перерисовал на кальку или, как тогда её называли, японскую бумагу и, по возвращении в Петербург, перевёл на ватман, раскрасил. Были изданы его работы, посвящённые русским знамёнам, где все эти знамёна были запечатлены.

П. И. Белавенец не был бы самим собой, а также сыном знаменитого морского деятеля, организатора Компасной обсерватории, если бы у него не начала работать дальше мысль. Он обратился к государю с предложением о создании специальной комиссии, которая и должна фиксировать все прошлые трофеи и старинные знамёна.

Им была разработана совершенно уникальная технология, методика фиксации этих знамён. Каждое знамя должно было фо-

тографироваться, затем с негатива должен был делаться лёгкий отпечаток на ватман, покрытый эмульсией, который после этого раскрашивался акварелью.

Таким образом, за два года до начала Первой мировой войны была сделана огромная работа по фиксации старых русских и трофейных знамён, которые хранились в арсеналах, музеях, Казанском соборе, Троицком соборе, Спасо-Преображенском соборе, Храме Славы Тбилиси, в Оружейной палате и во многих других местах.

Это позволило сохранить для истории в качестве документа все эти материалы. В ходе, прежде всего, Гражданской войны, потом и революционных событий многие оригиналы погибли. Упомяну, что огромное количество подлинных знамён погибли в 1918 году в Ярославле во время подавления восстания. Это знамёна, которые были вывезены из Артиллерийского исторического музея на всякий случай. Но оказалось, что эта эвакуация была неудачной, потому что склады, где они хранились, сгорели.

Рисунки и фотографии, которые были сделаны П. И. Белавенцом, сохранили эти вещи для истории и для нас. Эта большая коллекция хранится частично в Артиллерийском музее, частично в Эрмитаже. Вы видите фотографию членов этой комиссии, её возглавлял известный военный историк полковник Петин, Белавенец был его заместителем, туда входил ещё целый ряд людей, которые занимались этой работой.

Когда началась Первая мировая война, естественно, комиссия расширила свою работу. Тогда она начала заниматься сбором и фиксацией тех трофеев, которые русская армия брала на фронте у германской, австрийской армии, на турецком фронте.

Перед вами один из образцов рисунков – знамя одного из германских полков, фузилерного 34-го Померанского полка. Это шейный знак знамёнщика того полка. Ещё одно знамя германского военного союза города Альтенбург. Это военный кайзер-флаг австрийской крепости Перемышль. Австрийские знамёна, которые были взяты в начале войны в 1914 году. Знаменная лента одного из австрийских полков, на которой написаны имена 17 женщин, видимо, жён офицеров полка. Ещё одна знаменная лента, которая была взята одним из армейских полков русской армии.

Основная часть знамён, которые сейчас я вам показываю, это знамёна военных частей, которые тоже были взяты в 1914–1915 годах и, наконец, турецкие знамёна, взятые под Эрзурумом, при взятии крепостей, крепости Ардахан и так далее.

Трофеи, которые собирала русская армия, были собраны вместе в 1915 году, и в Петрограде была проведена большая выстав-

ка, которая называлась «Великая война. Наши трофеи». Выставка проходила с 24 июня по 8 сентября 1915 года, к ней был выпущен ряд открыток с изображением трофеев.

Вы видите одну из таких открыток с германским знаменем и оборот открытки, где сказано, что и выставка, и эти открытки изданы с высочайшего соизволения Императорским обществом ревнителей истории. Это же общество уже потом, в 1917 году, подготовило издание книги, посвящённой русским трофеям. Тогда же выпускались двойные открытки с изображением австрийских знамён и описанием того, где и кем эти знамёна были взяты.

Работа трофейной комиссии была сосредоточена не только на сборе и фиксации информации о взятых знамёнах, она собирала и материалы, связанные с другими трофеями, которые привозились в Петербург. Огромная работа была комиссией сделана для фиксации портретов героев войны.

4 сентября будет представляться замечательное издание «Герои Великой войны», которое было подготовлено с помощью Российского исторического общества и моими коллегами из Государственного исторического музея, я их поздравляю с этой замечательной работой.

Это сотни фотографий Георгиевских кавалеров, которых члены трофейной комиссии фотографировали. Есть негативы, есть фотографии, рисунки, которые с них делались, издавались плакаты, велась огромная работа.

В рамках программ, которые осуществляет Российское историческое общество, рассказ о работе трофейной комиссии, я думаю, будет очень полезен, потому что очень часто о тех или иных наших победах не знают потому, что мы стесняемся показывать наши трофеи.

Трофеи надо показывать.

Давид Тертри, исследователь Национального института восточных языков и цивилизаций (INALCO), Париж.

Тема моего доклада – «Великая война через призму геополитики: от Маккиндера до Евразийства».

Геополитические теории, которые стали так популярны в постсоветской России, теории Х. Дж. Маккиндера и Евразийства, тесно связаны с Первой мировой войной. Примечательно, что некоторые основные положения данных теорий очень схожи, хотя они появились в двух совершенно разных средах: британский истеблишмент, с одной стороны, русская эмиграция, с другой.

Маккиндер написал свою основную работу «Географическая ось истории» в 1904 году. Эта статья имела огромное влияние на

англо-саксонскую геополитическую мысль. В сущности, в работах от Н. Д. Спикмэна с теорией «Римленда» до З. Бжезинского с его книгой «Великая шахматная доска» мы имеем лишь толкование идей Маккиндера, адаптированных к современной конъюнктуре.

Маккиндер выложил свои известные тезисы о существовании Хартленда именно в тот период, когда окончательно сформировалось два лагеря, которые будут сражаться во время Первой мировой войны. Маккиндер, как член британской элиты, участвует в дебатах вокруг главного вопроса того времени: какая страна является главным соперником Великобритании в мировом господстве. И Маккиндер отмечает, что две страны опасны для Великобритании – это Германия и Российская империя. Но Германия, хотя она представляет определённую опасность, не является главным соперником Великобритании. Главным соперником является Россия, которая занимает центральное геополитическое положение на Евро-Азиатском континенте, находящимся в свою очередь в центре мировой системы континентов. Именно она способна в будущем бросить вызов морским державам. Но есть ещё куда более масштабная опасность. Это потенциальный союз между Россией и Германией.

Цитирую Маккиндера: «Нарушение баланса сил в пользу осевого государства (то есть России), выражающееся в его экспансии на пограничные территории Евразии, позволяет использовать необъятные континентальные ресурсы для постройки флота. Благодаря этому, скоро перед нашим взором явится Мировая Империя. Это может случиться, если Германия захочет присоединиться к России в качестве союзника».

Из этого положения следуют два вывода для Великобритании и морских держав.

Первый: нельзя допустить союза России с Германией.

И второй: при возможности нужно втянуть Россию в европейское противостояние, чтобы нейтрализовать обе державы.

Эти два пункта до сих пор актуальны, они впервые воплотились во время Первой мировой войны и в непосредственно предшествовавший ей период.

Действительно, когда в 1905 году возникает опасность сближения Российской и Германской империй, Великобритания активизируется и предлагает России заключить конвенцию, чтобы разделить сферы влияния на южном фланге Евразии. Это было необходимо, чтобы удержать Россию во франко-английском лагере, хотя о союзе между Петербургом и Лондоном речь никогда не шла, тому доказательство поведение Великобритании во время Первой мировой войны и во время революции.

В конце Первой мировой войны Маккиндер написал книгу под названием «Демократические идеалы и реальность». Он написал эту книгу с целью повлиять на Версальский переговорный процесс.

Он тогда изложил свою известную формулировку: «Правящий Восточной Европой начальствует над Хартлендом; правящий Хартлендом начальствует над Мировым Островом; правящий Мировым Островом начальствует над миром».

Подчёркивая важность контроля над Восточной Европой, Маккиндер хотел поддержать идею о создании буферной зоны между Германией и Россией. А уже в конце 1919 года лорд Дж. Н. Керзон назначает Маккиндера британским Верховным комиссаром на юге России и посылает его в Восточную Европу для того, чтобы сообщать о состоянии антибольшевистских сил, возглавляемых генералом А. И. Деникиным. Маккиндер тогда имел возможность проверить на деле верность своих теорий.

Эта миссия позволила Маккиндеру также давать свои рекомендации британскому правительству. Из его миссии и последующих рекомендаций становится понятно, что британская поддержка А. И. Деникину не имела цели окончательной победы Белого движения, а лишь максимального ослабления Российской державы и, при возможности, создания новых независимых государств на Украине и в Закавказье.

В начале XX века Британия и её союзники оказались не в силах реализовать давние замыслы, но они их никогда не забывают.

С победой большевиков продолжается Белое движение – уже в эмиграции. Именно в этой среде возникают русские евразийцы, которые изложили и развивали идеи, схожие с тезисами Маккиндера, хотя и совершенно с другой целью.

Как и евразийцы, Маккиндер говорит о наследии Чингисхана. Цитирую то, что он писал в 1904 году: «Россия заменяет Монгольскую Империю, её давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившие из одного центра набеги степняков». Такие слова мог бы написать Николай Сергеевич Трубецкой.

А евразийцы, как и Маккиндер, подчёркивают центральность Российской державы.

П. Н. Савицкий пишет: «Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай называться Срединным государством. И чем дальше будет идти время, тем больше будут выпячиваться эти основания. Европа для России есть не более, чем полуостров старого материка, лежащий к западу от её границ. Сама Россия на этом ма-

терике занимает основное пространство, его торс. Россия-Евразия есть центр Старого Света».

Конечно, работы Н. С. Трубецкого и П. Н. Савицкого не ограничиваются одной геополитикой. Они ставят целью переосмыслить весь спектр мировоззрения русской общественности и государственности. Однако возникает вопрос: почему схожие геополитические тезисы появляются у британского исследователя, политика ещё до Первой мировой войны, а среди русской интеллигенции они чётко выражены только после её окончания.

Первое объяснение самое простое, хотя, насколько мне известно, доказательств пока нет: это прямое влияние работ Маккиндера на будущих евразийцев.

Тогда разница с современным евразийством была лишь в том, что первые евразийцы не считали нужным ссылаться на Маккиндера, тем более, что он сам практически не оглашает свои источники. Известно, например, что идеи Маккиндера имели огромное влияние на немецкого геополитика Хаусхоффера, который как раз выступал за союз между Германией и Советской Россией, чтобы победить англо-саксонские державы.

Но есть важный момент в жизни будущего лидера евразийского движения Петра Савицкого, который может поддержать тезис о влиянии Маккиндера на первых евразийцев. В 1919 году Пётр Савицкий был заместителем министра иностранных дел в правительстве А. И. Деникина. И вполне возможно, что он тогда имел прямой контакт с британским посланником и познакомился с его работами.

Однако, даже если это так, то это вовсе не означает, что связь между англо-саксонской и русской геополитикой односторонняя. При анализе текстов Маккиндера явно видны идеи, которые выражены в новой «Всеобщей географии», написанной французским географом и анархистом Элизе Реклю в конце XIX века. «Всеобщая география», особенно книги посвящённые России, были написаны Э. Реклю в тесном сотрудничестве с Львом Мечниковым и Петром Кропоткиным. Так что вполне возможно, что в основе теории Маккиндера лежат идеи, исходящие из русской геополитической традиции, которая существовала намного раньше появления самого термина «геополитика».

И лишь потрясения Первой мировой войны и революции вынудили русских мыслителей чётко выразить евразийские тезисы, которые так или иначе уже существовали у русских предшественников.

Дискуссионная панель «Первая мировая война. Пролог, история и современность»

Модераторы:

Юрий Александрович Петров, директор Института российской истории РАН,

Тьерри Мариани, сопresident Ассоциации «Франко-российский диалог», депутат Национального Собрания Франции.

Выступления участников

Евгений Юрьевич Сергеев,
президент Российской ассоциации историков
Первой мировой войны, главный научный
сотрудник Института всеобщей истории РАН,
профессор, доктор исторических наук

Первая мировая как социально-политический феномен

Уважаемые коллеги, прежде всего, позвольте выразить благодарность за возможность выступать с этой трибуны, принять участие в форуме, может быть, внести уточнения по поводу деятельности нашей Ассоциации. Здесь говорилось о том, что как-то спонтанно стали возникать организации, которые начали заниматься изучением Первой мировой войны. Это не совсем так. В 1992 году была создана Ассоциация историков Первой мировой войны и с тех пор, более 20 лет, мы активно действуем и вносим свою лепту в то, чтобы эта столетняя годовщина была достойно отмечена как в нашей стране, так и в других странах. Это с одной стороны. А с другой, чтобы эта война превратилась из забытой в ту, которая нашла бы своё место в исторической памяти современной России, современных поколений. И те мероприятия, которые длинным перечнем здесь перечислял Андрей Евгеньевич Петров, не в последнюю очередь благодаря инициативе Ассоциации были внесены в этот план. В частности, с нашей подачи была включена картотека потерь. Это всё – заслуга Ассоциации, которая насчитывает более ста ведущих историков России от Калининграда до Владивостока.

Теперь несколько слов о той теме, которая заявлена так: «Первая мировая война как социально-политический феномен». Учитывая значимость и масштаб этой войны, данную проблему можно обсуждать достаточно долго. Вообще, можно собрать конференцию, посвящённую этому только вопросу. Я остановлюсь на трёх ключевых моментах, связанных с оценкой Первой мировой войны как социально-политического феномена.

Прежде всего, можно начать с рассмотрения парадоксальной, на первый взгляд, характеристики Первой мировой войны как общеевропейской гражданской войны. По свидетельству современников, международные отношения в рассматриваемый период испытали воздействие двух противоположных тенденций: одна отражалась в стремлении части властных элит урегулировать накопившиеся социальные противоречия с помощью политических реформ внутри страны и с поиском компромисса с государственными соперниками вне её пределов. Другая основа проекта передела мира неизбежно ускорила гонку вооружений, милитаризация общества и привела к разрешению социальных проблем за счёт внешней экспансии. Поэтому борьба этих двух тенденций в конце XIX – начале XX века и определяла развитие той парадигмы международных отношений, которая в дальнейшем получила название Венский миропорядок, основанной Венским конгрессом 1914–1915 годов, и, несмотря на все последующие события, продолжавшей существовать вплоть до начала Первой мировой войны.

К сожалению, по ряду причин, которые выходят за рамки короткого выступления, верх одержала вторая, агрессивная тенденция международных отношений, что привело к невиданному ранее в истории цивилизации противоборству не только государств, не только империй, но и различных социальных слоёв общества.

Кстати, хочу обратить внимание, что в войне участвовали не четыре, а пять империй. Почему-то забывают о Японской империи, которая, конечно, не принимала такого активного участия как европейские империи, но она тоже была вовлечена в войну и потом участвовала в мирных переговорах в Париже. И, конечно, результат был печальный: четыре империи действительно рухнули, Японская империя сохранилась, но карта мира была существенно перекроена. Разумеется, можно только предполагать, как развивались бы события, если бы их участники, а зачастую и инициаторы могли бы заглянуть на несколько лет вперёд. Они бы ужаснулись последствиям: масштабам бедствий, вызванных Первой мировой войной, миллионам погибших и искалеченных людей. Об этом здесь уже говорилось.

Вторая особенность войны как социально-политического феномена связана с тем, что она была тотальной, и это была первая тотальная война в истории человечества. Её тотальность была вызвана не только технически выросшими возможностями, доведёнными до максимума в боевых действиях, но и географическим охватом в трёх физических средах. Произошло превращение стран-участниц глобального конфликта в единый военный лагерь.

Всё это вызвало ранее невиданные явления: использование женщин и подростков, массовую миграцию крестьян из деревни

в города, привлечение иностранной рабочей силы, в том числе и военнопленных. Как тяжёлые следствия, вызванные военными действиями, которые начали появляться после первых месяцев войны, а после войны ещё более усилились, – возрастание количества неполных семей, распространение беспризорности, появление на улицах городов и деревень десятков тысяч инвалидов. Миллионы людей были выбиты из колеи повседневности, испытывали постоянный страх при встрече с бездушной машиной массового уничтожения.

Эта машина действовала в их понимании где-то далеко от них, во имя чего и каких идеалов шла война – этого многие не понимали. Русский философ Л. М. Лопатин в конце 1915 года писал: «Современный мир переживает огромную историческую катастрофу. Настолько ужасную, настолько кровавую, настолько чреватую самыми неожиданными перспективами, что перед ней немеет мысль и кружится голова». Это мнение современника, человека глубокого мышления, давшего такое истолкование происходящих событий.

Ещё одна особенность Первой мировой войны – это её крайне антигуманный характер. Пожалуй, впервые, как и с тотальностью, мы можем констатировать тот факт, что Первая мировая война приняла масштабы и формы, выходящие за пределы человеческого понимания. Конечно, особенно на прифронтовой полосе и оккупированных территориях, к очевидным проявлениям антигуманизма относились и газовые атаки.

Здесь сделаю ремарку, может быть, не все знают, но первая газовая атака была не под Ипром. Первая газовая атака была проведена немцами против русской армии в Польше, в небольшой деревне под Варшавой. Но атака была хлором, а поскольку был февраль 1915 года, то эта атака была неудачной: хлор опустился, и последствий серьёзных не было. Газовые атаки, применение разрывных пуль, расстрелы и пытки военнопленных в лагерях, насилие по отношению к мирному населению на захваченных территориях, уничтожение ценностей культуры и искусства... По справедливому замечанию исследователей, война стимулировала разнообразные формы асоциального поведения, в том числе проявление геноцида в отношении «нетитульных» народов. Мы впервые сталкиваемся с такой формой геноцида и такого масштаба именно в Первую мировую войну. Достаточно упомянуть обширные репрессии австрийцев и немцев против русинов в Галиции, жестокие преследования армян и греков в Османской Империи, преследование австрийскими властями сербов на территории оккупированной Сербии. Всё это свидетельствует о том, что геноцид приобрёл именно такие масштабные формы.

Документы эпохи говорят о шоке, пережитом современниками этой войны, словно оказавшимися во времена средневекового варварства. А ведь ещё накануне первого залпа орудий общественные деятели, политики, публицисты выражали уверенность в том, что массовая жестокость в отношении ни в чём не повинных людей, уничтожение музеев, библиотек, храмов, содержание сотен тысяч людей в нечеловеческих условиях принципиально невозможны в просвещённой Европе в начале XX века. Эти антигуманные способы войны сказались даже на политике нейтральных стран, таких как Швеция, Испания, Швейцария, Нидерланды и других. Они оказались наводнены беженцами, оказались в ситуации, когда вынуждены были оказывать гуманитарную помощь пострадавшим. Были нарушены торговые связи. То есть не только воюющие страны, но и нейтралы оказались вовлечены в этот кровавый водоворот.

Заканчивая, можно подвести итоги обзора восприятия Первой мировой как социально-политического феномена. С одной стороны, длительное вооружённое противостояние великих держав имело позитивный момент: модернизация всех общественных институтов, ликвидация аристократического миропорядка, новый этатизм, то есть ротация властных элит, развитие представительной демократии. Всё это мы можем наблюдать после Первой мировой войны.

По мнению русского философа Н. А. Бердяева, Первая мировая война открыла окно для продвижения культуры, цивилизаций не только в страны Западной Европы, но и в страны Восточной Европы, Азии, Африки и прекратила восприятие мира исключительно как европоцентристского.

Но с другой стороны, она породила самые жестокие политические режимы в истории человечества, поставив факт его существования под угрозу. Окончание боевых действий не привело к длительному миру по ряду причин. Созданная Версальско-Вашингтонская система оказалась хрупкой и недолговечной.

Наша Ассоциация совместно с Институтом всеобщей истории РАН организует большую конференцию по теме «Первая мировая война: пролог XX века» 8 сентября. К началу этой конференции будет приурочено издание уникального энциклопедического словаря «Первая мировая война». Это будет первый в историографии словарь, где присутствуют не только Россия в Первой мировой войне, но и статьи по всем аспектам Первой мировой войны – политическим, военным и другим. Все фронты будут отражены. Она уже печатается, и если вы придёте на презентацию, а она будет проходить 8 сентября в Институте всеобщей истории, то мы с удовольствием подарим вам этот словарь.

***Вардан Эрнестович Багдасарян,**
доктор исторических наук, декан факультета
политологии, истории права Московского
государственного областного университета*

Первая мировая война и проблема глобального социального проектирования

Логика моего выступления пойдёт в развитии тех вопросов, которые прозвучали на пленарном заседании, вопросов о том, что войны проектируются. Основанием для анализа этой темы послужил ряд историографических обстоятельств. В частности, совсем недавно была презентована книга профессора Гарвардского университета Шона Макмикина под названием «Русские корни Первой мировой войны». Было позиционировано, что общественность получит совершенно новый взгляд на Первую мировую войну и на мировую историю, что главным виновником развязывания Первой мировой войны является Россия.

Профессор Кембриджского Университета сэр Ричард Эванс говорит, что виновник всего этого – Сербия, но сербская вина стала возможной только потому, что за ней стояла империалистическая Россия. Он не единственный в своём роде, кто выступает с такими взглядами. Но важно то, что сэр Ричард Эванс выступил с книгой, где доказывает, что Советский Союз развязал Вторую мировую войну. Получается следующая картина: империалистичность России развязала Первую мировую войну, империалистичность Советского Союза развязала Вторую мировую войну, а Путин сегодня развязывает Третью мировую войну. Поэтому необходимо разобраться в вопросе: кто действительно развязывает войны?

Есть два взгляда на историю, которые полемичны по отношению друг к другу.

Первый подход – история как совокупность случайностей, масса обстоятельств. В частности, если говорить о Первой мировой войне, есть очень популярная работа Кристофера Кларка «Лунатики». В книге говорится, что Первую мировую войну никто не хотел, это – масса случайностей, но вся эта совокупность привела к тому, что война состоялась.

Есть второй взгляд на историю. История – как проект. Он заключается в том, что исторический процесс управляем. Есть субъект проектирования, есть цель проектирования, и проектирование возможно при наличии средств. Тогда взгляд на Первую мировую войну другой. Первая мировая война замысливалась этим проектором или проекторами, то есть это была организация соответствующего замысла.

С этой точки зрения, есть ли какой-нибудь материал, дающий основания для подобных предположений? Я попытаюсь посмотреть на эту проблему с четырёх ракурсов: экономического, финансового, геополитического и политико-идеологического.

Экономический аспект. Сошлюсь на другого уважаемого профессора Маргарет Макмиллан, которая говорит о том, что причина Первой мировой войны, как и других войн, заключалась в пересменке мирового лидера. Когда возникает пересменка мирового экономического лидера, стоит ждать военного потрясения. Современный Китай – это Германия 100-летней давности, современные Соединённые Штаты Америки – это Британия 100-летней давности. Посмотрим. Действительно, данные экономики на данных рядах хорошо видны, и в XIX веке это хорошо проявляется, когда происходила на мировой арене пересменка европейского лидера и это коррелировалось войнами. Мы это наблюдаем и в XX веке. В Европе Германия в преддверии Первой мировой войны обходит Великобританию – одна пересменка, в глобальном плане США обходят Британскую Империю с её колониями, – другая пересменка, та же самая ситуация при Второй мировой войне, когда Германия возвращает себе экономическое первенство в Европе, и США обходят Объединённую Европу тоже в экономическом плане.

Вот эти перестановки, вспоминая модель Валленштейна, приводят к тому, что начинается борьба за передел мира. Что мы наблюдаем сегодня: Китай обходит Соединённые Штаты Америки. И мы видим в экономическом плане военную напряжённость, которая проецируется от данных составляющих.

Можно рассмотреть в другом экономическом плане. Прозвучала сегодня старая античная формула: «Ищи кому выгодно». Экономические итоги окончания Первой мировой войны: мы видим, что есть одна крупная держава из крупных геоэкономических игроков, которая приобрела крупную долю в мировом производстве. Одна держава приобрела, её доля заметно увеличивается, доля других геоэкономических игроков существенно падает. Поэтому выгода и бенефициар в Первой мировой войне обнаруживаются достаточно чётко.

Финансовое измерение. Много говорилось о том, что войны соотносятся с большими кризисами. Первая мировая война соотносится с начавшимся в 1914 году кризисом в США. И Вторая мировая война известна волнами кризиса. Но помимо этого есть ещё переустройство мировой финансовой системы. И Первая мировая война, и создававшаяся в 1913 году, до начала войны, ФРС, и послевоенная попытка создать режим плавающих управляемых валют, по сути, аналог модели, которая существует сегодня – это всё было.

Соотнесение мировых войн, Вторая мировая война, распад Советского Союза соотносится с такими же попытками создать систему глобального финансового управления.

Ещё одна интересная закономерность. На данном слайде приводится государственный долг Соединённых Штатов Америки по отношению к ВВП. Мы видим, что на пиках, когда государственный долг США поднимается, он соотносится с определёнными военными конфликтами. США в результате мировой войны из должника превращается в ведущего кредитора. Здесь приводятся данные по странам мира, кто и сколько был должен Соединённым Штатам Америки. Репарации, которые платила Германия, как следует из письма финансового министра США министру финансов Великобритании, шли для погашения долга перед США.

Здесь приводится известное исследование швейцарских учёных, прозвучавшее несколько лет назад. Они подсчитали связи существующих корпораций по отношению друг к другу. И обнаружили определённый центр кристаллизации. Там было несколько тысяч корпораций и по отношению к сегодняшнему дню можно сделать вывод, что мир экономически управляем. По этой методологии мы подсчитали связи, которые существовали в 1914 году между корпорациями. Пока эта работа не завершена, но я не удержался, чтобы не презентовать. Складывается два центра кристаллизации. И не эти ли связи привели к тому столкновению, которое произошло на фронтах?

Геополитический разрез. Начало XX века было временем всеобщего увлечения геополитикой. Кайзер читал А. Т. Мэхэна и другие лидеры знакомились с другими геополитическими книгами. Сегодня справедливо говорили, что основной разрез – это либо столкновение Континентализма и Атлантизма, либо Срединной земли с Мировым Островом. Что касается Атлантизма, мы видим, как англо-саксонский мир расширяется к 1914 году. Что касается Континентализма, то по всем геополитическим концептам следовало, тут можно процитировать Гомера Ли: «Роковой день, закат богов может настать для мировой англоязычной империи в тот день, когда Германия, Россия и Япония станут союзниками друг друга». Это говорил не только он, но и многие.

Что происходит в начале XX века? Сначала русско-японская война, и никакого альянса с Японией в итоге не возникает. А дальше столкновение России с Германией. Вот та континентальная ось, которая могла бы состояться, но не состоялась. А сегодня не то же самое? Не является ли целью попыток поссорить Россию и Европу разрушение выстроенных геоэкономических связей?

Политико-идеологическое преломление. Стоит сказать о проекте секулярной республики. Ведь монархическая идея была ещё доминирующей в начале XX века. В начале XX века секулярных республик было только две, после Первой мировой войны – половина стран Европы, после Второй мировой войны – большинство государств Европы.

Есть исследование, попытка подсчёта количества демократических стран по шкале Polity IV. Мы здесь видим закономерность в том, что количество демократических государств, в том значении, которое мы понимаем сегодня, складывающемся в американской системе, в западноцентричной системе, после мировых войн, а также после распада Советского Союза – резко увеличивается. Идеологическая составляющая войны здесь тоже очевидна. Если вспомнить тезисы Вильсона о правах нации на самоопределение, то процесс был запущен. Около 50 стран в начале XX века, а сегодня их более 200, и происходит дальнейшее дробление, и неизвестно куда приведёт этот процесс. В результате большие геополитические пространства распадаются.

И последнее. Как можно выйти из этой ситуации. Та система мироустройства, которая сложилась, как мы видим, как показывали на пленарном заседании в выступлениях, провоцирует эти войны. Сама система этого колониального подчинения, сама система мирового бенефициариата связана с угрозой войн.

Но история Первой мировой войны даёт урок и в этом отношении. Ведь Россия не просто вышла из войны, а попыталась сформулировать новую ценностную парадигму, выйти из этой империалистической системы.

По рядам Мэддисона посчитано: есть отношение уровня доходов на душу населения к ВВП 10 процентов более богатых стран мира и 10 процентов самых бедных стран мира, и видно, что с начала формирования капиталистической системы разрыв между богатыми и бедными всё больше увеличивался. С начала эпохи колониализма он был всё более нарастающим, и единственный период за эту историю, когда разрыв не увеличивался, а сокращался, – это период существования Союза Советских Социалистических Республик, когда была выдвинута ценностная альтернатива. Вот тот урок, что был сделан на выходе из Первой мировой войны. И сегодня очевидно, что после распада СССР этот разрыв в геометрической прогрессии пошёл. Поэтому мы говорим о том, что мир нуждается в ценностной альтернативе.

*Валерий Васильевич Журавлёв,
профессор, руководитель Центра документальных
публикаций Российского государственного
архива социально-политической истории*

Когда война рождает революцию

Наш модератор Юрий Александрович Петров в своём докладе уже поставил вопрос – кто виноват в начале Первой мировой войны? Эта постановка, на мой взгляд, требует продолжения, и мне уже приходилось на одном из форумов выступать на эту тему, поэтому прошу извинения у тех, кто меня уже слышал, я буду несколько повторяться.

Итак, кто виноват? Но виноват уже не в том, что война стала для России возможной и неизбежной, а в том, что война переросла в давно назревавшие события революционного свержения царского режима, в потрясения планетарного, цивилизационного масштаба, завершившиеся Гражданской войной, а затем кардинально повлиявшие на последующее развитие истории XX века?

Конечно, реальные виновники этого стали уже лишь персонажами далёкого, отдалённого от нас на целое столетие исторического прошлого. И хотя суд истории не имеет срока давности, историкам не дано никаких прав вершить его. Но никто не может отнять у исследователей прошлого права на то, чтобы, опираясь на данные последующего исторического опыта, взглянуть на это прошлое с позиции существа и возможностей как состоявшихся, так и несостоявшихся альтернатив социально-политического процесса в их соотношении взаимовлияния.

Первое, что лично мне представляется несомненным, это то, что всякая власть, и в особенности власть авторитарная, несёт первостепенную ответственность за всё, что случилось и не случилось в пору её господства, за непосредственные и отдалённые последствия, как своих действий, так и своего бездействия. В свете этого вопрос об ответственности за случившееся в период правления последнего российского императора и персонифицированного в его лице политического режима становится неизбежным. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что лично Николай II и целиком ориентированная на него партия власти на протяжении почти четверти своего безраздельного господства, действуя и бездействуя в нерасторжимой связке, сделали возможным и неизбежным то, что мы сегодня называем Великой Революцией 1917 года, и сделали это в большей мере, чем сделали все революционные и оппозиционные партии вместе взятые.

Не смог или не захотел император установить конструктивные отношения со своими союзниками, монархистами и консерваторами, игнорируя их пожелания и предложения относительно мер, направленных на укрепление режима, что фактически отбросило активных и равнодушных монархических политиков относительно положения оппозиции справа.

Разочаровалось в императоре и российское православное духовенство, исторически служившее идеологической опорой самодержавия. Русская православная церковь в лице её иерархов и абсолютного большинства рядовых священнослужителей встала на сторону Временного правительства в первые же дни его существования, фактически дав благословение на весь последующий ход событий.

Вина и беда революционных партий социалистического толка заключалась в том, что, обладая реальными возможностями, они не реализовали, в силу, прежде всего, субъективной несовместимости, иную, демократическую альтернативу развития событий на основе многопартийности.

Исторический опыт, накопленный страной и миром на протяжении XX века, заставляет менять акценты в видении ряда событий прошлого.

Сегодня очевидно, что своей кульминации, с точки зрения судьбы демократической альтернативы в России и стратегических перспектив российской модернизации, политические процессы достигли не в октябре, а в ноябре 1917 года. Этим событием стали выборы в Учредительное собрание 12 ноября, осуществлённые на основе самой эффективной и демократичной по тем временам пропорциональной системы, сочетавшей выдвижение кандидатов от территориальных округов, 68 тыловых и 7 фронтовых, голосованием по партийным спискам. Выборы эти вовлекли в избирательный процесс почти 50 миллионов человек, впервые включая и женщин. Это в условиях военного времени.

За месяцы, прошедшие с февральских событий, Россия по крылатой оценке современника событий писателя К. Г. Паустовского, «выговорила то, о чём молчала целые столетия». И не только выговорила, а так или иначе определилась в сложной парадигме отдельных социальных сил со своими политическими предпочтениями, в ткани которых парадоксальным образом сочетались сиюминутный социальный расчёт и национализм с размытыми и утопическими представлениями и надеждами относительно будущего российской цивилизации.

Именно цивилизации, я это подчёркиваю, ибо в 1917 году страна подошла к исторической развилке, точке бифуркации, именно

в цивилизационном масштабе и значении. Вопрос состоял лишь в том, в каких социальных и политических формах этот назревший исторический запрос эпохи найдёт своё реальное воплощение.

О чём свидетельствовали представления и надежды ведущих на тот момент социальных сил российского общества? Нравится ли это сегодня кому-то или нет, но к осени 1917 года путь России к радикальному социальному эксперименту цивилизационного масштаба был объективно и субъективно неизбежным. Страна была обречена на этот эксперимент. Более 39 миллионов россиян, более 80 процентов, принявших участие в голосовании, в совокупности своей однозначно высказались за демократическое, как они его понимали, на базе многопартийности будущее страны в русле понимаемого различными слоями принципа социальной справедливости.

Разогнав в ночь с 5 на 6 января 1918 года Учредительное собрание, большевики внесли свою решающую лепту в погребение этого намечавшегося процесса.

Кроме всего прочего, большевики оказались в полном одиночестве, когда пришлось решать вопрос о формах и способах выхода из войны, взвалив ответственность за национальное унижение страны в форме сепаратного мира с Германией исключительно на свои плечи. И это не могло не способствовать обострению обстановки на пути страны к Гражданской войне. За всё приходилось платить сполна.

Отвергнув идею коалиции с другими революционными партиями и создания однородного социалистического правительства, большевики предоставили своим политическим противникам важную дополнительную услугу, избавив их от необходимости примерять на себя саван постыдного Брестского мира и размышлять над реальностью других альтернатив решения вопроса.

Итак, находясь в преддверии, а затем и в эпицентре революционного взрыва, российское общество оказалось поражённым тяжелейшим недугом, который я бы лично определил как синдром полного разобщения и взаимной конфронтации всех его ведущих социально-политических сил. Недуг этот вызревал постепенно, в течение нескольких десятилетий, дав серьёзные обострения ещё в 1905 и 1907 году.

Но синдром – это такая комбинация симптомов неблагополучия, которая вызревает постепенно. Но раз упрочившись, он уже не покидает пределов организма, в том числе и социального организма, без серьёзного, в лучшем случае терапевтического, а в худшем случае хирургического вмешательства.

В России, в силу специфики национальной ментальности и свойств социального нетерпения, порождённого российским

типом модернизации в форме догоняющего развития, терапия обновительных реформ традиционно пасует перед хирургией революционного, а в итоге разрушительного вмешательства в исторический процесс, под знаком которого Россия как встретила, так и проводила XX век.

Нации необходимо ещё многому научиться в плане обретения культуры, достижения прогресса исключительно эволюционными методами. И это главный урок для настоящего и будущего, который мы должны усвоить в том числе и на опыте Первой мировой войны и сопутствующих ей роковых событий, изменивших лицо страны и мира.

*Андрей Константинович Сорокин,
директор Российского государственного архива
социально-политической истории,
кандидат исторических наук*

Мирные переговоры с Украиной. Советская Россия, Украина, Германия на пространстве Брестского мира

Уважаемые коллеги, прежде всего, хотелось бы поздравить организаторов с успехом и представительным составом этой конференции. Остаётся только сожалеть, что у нас немного времени для дискуссии.

Со многими позициями, которые сегодня прозвучали, хочется и необходимо дискутировать. В частности, мне трудно согласиться с тем, что события 1917–1918 годов в России были фатальны. Я считаю, что ни субъективно, ни объективно революционные события 1917 года не были предопределены. Россия прошла через целый ряд развилок, но, к сожалению, у меня нет основания и возможностей дискутировать на эту тему и развивать систему аргументации. Я боюсь не успеть с тем докладом, с которым я пришёл сюда.

Великая война 1914–1918 годов породила великие потрясения на всём европейском пространстве. На исходе войны и вскоре после её завершения основы европейского миропорядка были потрясены серией мощных социальных революций, результатом которых стало создание на месте континентальных империй целого ряда национальных государств. Мощным катализатором этих процессов стали революционные события 1917–1918 годов в России, в результате которых к власти пришли большевики, провозгласившие право нации на самоопределение, вплоть до создания самостоятельных государств и положившие на некоторое время этот принцип в основание своей практической политики.

Предложением большевиков тут же воспользовались многочисленные многонациональные окраины бывшей Российской империи. Здесь интенсивно шёл процесс создания национальных государств, протекавший в крайней форме вооружённого противоборства самопровозглашенных государств. В основе его лежала проблема национально-территориального размежевания. Наибольшего масштаба эта проблема приобрела в отношениях между Советским Союзом, Украиной и Польшей.

На Украине после Февральской революции возникает самопровозглашенная Центральная Рада, заявившая претензии на всю полноту власти. В течение всего 1917 года Рада была лояльна по отношению к Временному правительству и помышляла лишь об автономии в составе будущей федеративной Российской республики. Робкий курс на независимость был взят только после разрушения большевиками хрупкой легитимности Временного правительства в октябре 1917 года. Тогда в своём третьем универсале Рада провозгласила Украинскую народную республику с определённой территорией и федеративными связями с Россией.

Ещё больше на этот процесс повлиял разгон большевиками Учредительного Собрания в начале января 1918 года. Именно Учредительное Собрание по замыслу и ожиданию всех политических сил российского общества было призвано конституировать новую государственность России. Легитимность конституанты признавали и сами большевики, приняв участие в выборах. Решение разогнать Учредительное Собрание было принято большевиками лишь тогда, когда стало ясно, что эти выборы они проиграли. Решение о разгоне стало ещё одной судьбоносной развилкой российской истории, после которой сползание к тотальному гражданскому противостоянию стало неизбежно.

Именно в начале января 1918 года своим четвёртым универсалом Рада провозглашает независимость Украинской Республики. Территория Украины была определена в одностороннем порядке, и это следует подчеркнуть, в составе 9 губерний: Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской, Таврии – Крыма, то есть включая территорию Новороссийской губернии Российской империи.

Курс на независимость представлялся им понятным и мотивированным, а более уверенная по своей программе Центральная Рада отмежевалась от леворадикальных политических сил, пришедших к власти в центре, в результате вооружённого переворота. К тому же новая власть сама провозгласила право всех наций на самоопределение, вплоть до создания независимых государств. Вопросы вызывает лишь одностороннее определение своей территории.

В конце марта 1918 года в Киеве начали мирные переговоры, началу которых предшествовало подписание соглашения Советской Россией сепаратного Брест-Литовского мирного договора с кайзеровской Германией и со странами Четверного союза.

Месяцем ранее, в феврале, и об этом мало известно, было подписано аналогичное соглашение со странами Четверного союза и Центральной Радой. В одной из украинских исторических работ содержится утверждение, что объявить о независимости представителям Рады на Брест-Литовских переговорах рекомендовал член германской делегации, начальник штаба восточного фронта, генерал Гофман, недовольный неуступчивой позицией советской делегации. Об этом же также пишет в своих мемуарах генерал А. И. Деникин.

В соответствии с этими договорами, германские и австро-венгерские войска оккупировали бывшие территории Российской империи, причём Советская Россия обязывалась заключить договор с Киевской Радой.

Надо сказать, что той же цели международной легитимации через участие в мирных переговорах попыталась добиться и Украинская Советская Республика, созданная украинскими большевиками в конце 1917 года. Однако момент для украинских большевиков, лояльных большевистскому центру Советской России, был уже упущен. Даже несмотря на то, что большевистские войска 8 февраля заняли Киев и свергли Центральную Раду, именно с её представителями 9 февраля германские представители и подписали мирный договор. Вслед за тем последовали военные действия в поддержку избранного партнёра.

Уже 2 марта представитель Украинской Республики Голубович отправил телеграмму кайзеру по поводу радости освобождения страны победоносными германскими войсками. Впрочем, радость длилась недолго. Поскольку центр политической субъектности на Украине переместился за её рубежи, то в конце апреля именно за рубежом, в Берлине, было принято о смене неблагоприятного, социалистического, заметим, по составу, политического режима, в результате которого Рада была разогнана немецким военным подразделением, и к власти пришёл гетман Скоропадский.

В конце мая в Киеве происходят мирные переговоры между украинскими и советскими делегациями. Опираясь на немецкие штыки, правительство Скоропадского вступило в переговоры с Советской Россией о взаимном признании и заключении перемирия. Именно эти переговоры обозначили на длительный исторический период ключевые проблемы национально-государственных отношений на постимперском пространстве.

Главным пунктом разногласий стали территориальные споры. Украинская сторона настаивала на том, что демаркационная линия, отделившая германские оккупационные войска от территории Советской России, и есть государственная граница. Легитимация украинской государственности с самого начала оказалась обусловлена наличием не только политической, но и военной поддержки со стороны внешних сил. Советская сторона настаивала на том, что демаркационная линия не может решать вопрос о границах. Данный вопрос должен стать предметом серьёзных обдуманных переговоров.

На переговорах украинская делегация предъявила претензии также на часть Воронежской, Курской и других смежных губерний, общим количеством 14 уездов, областей Всевеликого войска Донского с населением 3 миллиона человек, занятых на тот момент германскими войсками, и ряд других территорий. В письме В. И. Ленину от 3 июня глава советской делегации Роман Раковский упоминает о претензиях на часть Сибири. Исключение составляла Одесса, за которой Рада ещё в декабре 1917 года признала право считаться вольным городом.

Советская делегация готовилась отстаивать право на самоопределение народов на основе опросов всех жителей, населяющих области, на которые простирались претензии Украины. Более того, Раковский 5 августа перешёл в наступление, заявив, что этнографический принцип как презумпция воли населения принимается в качестве исходной точки.

Сообщая в Москву новость об одержанной победе, что «удалось отстоять не только северные уезды», он рассказал об аргументах, которым украинская сторона ничего не смогла противопоставить. «Мы категорически потребовали проведения этнографической границы и по всему Черноморскому побережью вплоть до Бессарабии, ибо наука считает бережные уезды тоже как приграничные». Переводя на понятный язык, Советская Россия обернула против Украины взятый ею на вооружение этнографический, или точнее этнонациональный принцип территориального размежевания. Опираясь на германские штыки, Украина в соприкосновении с восточным соседом потребовала передачу спорных пограничных территорий, мотивируя это тем, что на этих территориях проживают этнические украинцы. В ответ Раковский дал понять, что в причерноморских территориях, в Новороссии, права на которые Украина заявила в одностороннем порядке, проживают этнические русские. Угрозы начать этнонациональные изыскания на территории, где украинцы не составляли заведомого большинства, на некоторое время отрезвило украинскую делегацию и застави-

до умерить аппетиты в претензиях на южно-русские территории. Советские позиции на переговорах, однако, только ухудшались, поскольку на территории бывшей Российской империи возникали протогосударства, претендующие на самостоятельность: в Крыму, на Дону, на Кубани и далее почти везде, где в переговоры вступали германские оккупационные власти и Украина.

Парад суверенитетов почти лишает Советскую Россию возможности совершать переговоры о территориальном размежевании. Именно в результате этих процессов обозначилась проблема Крыма. Шаткость положения Советской России, создание в Крыму собственного правительства, оккупация Крыма в апреле германскими войсками дали возможность Украине претендовать и на Крым, сохранение которого за Советской Россией являлось основой существования Черноморского флота и выхода к Чёрному морю. Вот директива из Москвы, которой должна была придерживаться советская делегация. В июне накал страстей вокруг Крыма достигает апогея, а в сентябре советская делегация в Киеве уже ожидает скорого прибытия крымских делегатов для слияния Крыма с Украиной. Раковский в это время сообщал Чичерину: «Объявлено о предстоящем слиянии Крыма с Украиной, оглашение после приезда гетмана из Берлина».

Протогосударства, упомянутые выше, возникали только на антисоветских началах. В начале 1918 года в Харькове большевиками на областном съезде Советов создаётся Донецкая Республика, известная также как Донецко-Криворожская, контролировавшая юго-восток нынешней Украины и часть Ростовской области.

Под влиянием В. И. Ленина, 15 марта 1918 года на заседании ЦК принимается решение о том, что на созванном Украинском II Съезде Советов необходимо создать одно правительство для всей Украины, ликвидировав таким образом Донецко-Криворожскую Республику.

19 марта на этом Съезде принимается решение о вхождении Донецко-Криворожской Республики в состав Украинской Советской Республики, созданной совместными усилиями советских и украинских большевиков ещё в декабре 1917 после фактического отказа Рады удовлетворить ультиматум ленинского Совнаркома. Окончательно вопрос закрывается полностью после оккупации Харькова немецкими войсками в апреле.

Вопрос межгосударственного регулирования, так остро вставший в момент конституирования новых государств, утратил свою актуальность, но лишь на некоторое время, поскольку вслед за капитуляцией Германии, ноябрьской революцией 1918 года, последовала денонсация Советской Россией Брестского договора, паде-

ние в Киеве режима Скоропадского, приход к власти Директории, установление личной власти Симона Петлюры и развязывание полномасштабной гражданской войны на всей территории бывшей Российской империи.

В ходе этой гражданской войны большевики вслед за немцами встали на путь умиротворения украинского национализма, в том числе и посредством отдачи под юрисдикцию Киева территории, населённой этническими не украинцами.

Игорь Борисович Орлов,
*профессор кафедры политического поведения
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
доктор исторических наук*

Первая мировая война в контексте мировых экономических кризисов

Я попытаюсь не встать на зыбкую почву теории заговора. Я не понимаю, что это за теория. Заговор – лишь инструментарий интересов различных групп, стран, сил и так далее. Для меня войны, информационная блокада, как я понимаю разный вес этих всех событий, экономических, финансовых кризисов – это составная часть инструментария кризисного управления.

Раз есть инструментарий кризисного управления, возникает вопрос: кто это осуществляет, через какие институты это происходит, и каковы цели и результаты этого управления? Кроме того, для меня Первая мировая война является составной частью пяти переделов мира, третьей по счёту.

И если мы видим, как нарастает кризисная ситуация в экономике, как международные кризисы, охватывающие несколько стран, переходят в кризисы мировые, то должны понимать, что на самом деле это не мировые кризисы, здесь просто достаточно широкий круг развитых для своего времени стран, отсюда и название мирового кризиса или более широкого международного кризиса. И одновременно меняется характер войн, которые осуществляют этот передел.

Столетняя война, Наполеоновские войны, Первая мировая война, Вторая мировая война и современная ситуация, которая некоторыми специалистами в области информационных войн и в области военных стратегий называется «латентной Третьей мировой войной», когда осуществляются технологии как управ-

ляемого хаоса, как например, цветные революции, или технологии неуправляемого хаоса, то, что мы видим в Сирии и на территории Украины.

В данном случае речь идёт о понятиях одного плана. Возникает вопрос о том, можно ли уловить какую-то взаимосвязь между проблемой передела мира, борьбой за ресурсы, финансовыми, экономическими кризисами и самими войнами и военными конфликтами.

В данном случае рассмотрено 250 войн и военных конфликтов различного плана, которые структурированы и соотнесены с фазами международных и мировых кризисов. И мы можем видеть с вами, что первая картинка – это синхронизм по началу кризисов, то есть когда начинаются конфликты: до кризиса, во время или после кризиса. А вторая картинка, если их совместить, была бы ещё более презентабельной, это продолжающиеся кризисы, которые начались ещё за год до военных конфликтов, они тянутся по времени. Вы видите, что если рассматривать военные кризисы хоть по началу, хоть по продолжению, всё равно получается очень интересная картинка. И отсюда следует вывод, что не войны являются причинами кризиса. Статистика свидетельствует о том, что в подавляющей своей массе именно война является выходом из кризиса, решением проблемы кризиса, переходом кризиса из одной фазы в другую.

Если говорить более понятным языком, она закрепляет экономический передел мира военными средствами. Там, где ситуация уже реально произошла, её нужно теперь закрепить силовыми методами.

Более того, если внимательно посмотреть на механизмы мировых кризисов (а некоторые исследователи говорят, что именно в рамках Федеральной резервной системы США родилась идея Первой мировой войны как более глобального варианта передела мира) по отношению с предыдущими форматами войн, то здесь наблюдаются две интересные вещи. Во-первых, Первая мировая война совпадает с крупным международным финансовым кризисом 1914 года, а во-вторых, США выходит из рецессии. Рецессия не очень большая, у США были и более продолжительные, но в 1913–1914 годах она в достаточно сильной степени ощущима. И как только начинается Первая мировая война, США в неё не вступают до 1917 года, но и из неё достаточно плавно выходят. Дальше мы скажем, какой ценой и что они приобрели.

Более того, мы видим, как мировые кризисы и подготовку к Мировой войне и собственно Мировую войну обеспечивает определённая доктринальная картина. Первое – это дипломатия канонерок, я бы назвал это регионально-экспансивной доктриной.

Мы видим с вами тот длинный список, где американцы действуют по принципу «я свою сестрёнку Лиду никому не дам в обиду, я лучше сам её поколочу». Вот здесь мы видим примерно то же самое. Разговоры о том, что Америка для американцев, а мы помним это ещё со времени доктрины Монро, на самом деле находят своё прикладное военное и политическое применение. Мы видим, как американцы активно закрепляются различными способами: в результате государственных переворотов, введением войск, провоцированием гражданских войн в южно-американском, латиноамериканском регионах.

А вот любопытна вторая картинка. Это так называемая «демократия для мира». И она не случайно в 1917 году появляется, потому что она обеспечивает вступление Соединённых Штатов в Первую мировую войну. И заметьте любопытную вещь, что главный лозунг этой доктрины это – свобода торговли, по большому счёту устранение всяких экономических барьеров. Американцы входят в Первую мировую войну с обозначением главной проблемы – нужно устранить экономические барьеры. Понятное дело, что если вы не захотите делать это добровольно, то мы вам поможем. И тут мы видим, что впервые экспансия выходит за пределы региона. Здесь участие в оккупации Рейнской области, ввод войск США на территорию Советской России и так далее. Американцы продолжают, может быть, менее активную позицию, чем в Латинской Америке, понятно, что предыдущая дипломатия канонерок уже решила многое в этом плане, но они начинают выходить под разговоры об экономической свободе за пределы региона.

Уже несколько раз прозвучали сакраментальные вопросы: кто виноват, и кому жить хорошо, и что нужно делать, чтобы всем жилось хуже или наоборот лучше.

Так вот, по поводу того, кто и что от Первой мировой получил: мы видим, что четыре крупных игрока в борьбе за передел мира, ресурсы мира, за перевод этих ресурсов из виртуальной составляющей в реальную составляющую, выходят из игры на какой-то период. Это первое. Второе, мы видим, что центр мирового капитала перемещается из Великобритании в Соединённые Штаты, конечно, в это время фунт ещё равный игрок, а до этого он был единственным игроком в мировых финансах, 80 процентов всех операций проводилось в фунтах. А здесь теперь доллар с ним сравнивается. Американцам ещё понадобится Вторая мировая война, чтобы они вышли за пределы и победили, наконец, окончательно фунт.

Но они тогда уже делают очень важные вещи: увеличивают почти в 1,5 раза свой золотой запас, в то время как другие страны

не знают, как будут выживать после войны, да ещё и «в долгах как в шелках». В предыдущем докладе было показано, сколько должников появилось у США. Так они ещё эти долги перевели в свой золотой запас. И происходит смена Парижской валютной системы с золота на золотодевизный стандарт. Для тех, кто не до конца понимают эту смену. Дело в том, что теперь страны в этой золотодевизной системе должны были соотносить свои валюты с девизами, обязательствами государства, переводить их в валюту США и Великобритании. И только на эти деньги они могли покупать золото. Таким образом, возникала такая двойная ситуация через девизы, обязательства. По большому счету, это первая финансовая ловушка, в которую начинает попадать мир.

Таким образом, я готов сделать вывод о том, что статистические данные, данные мемуаристики, данные анализа событий происходящего с точки зрения сопоставления обычной логики, они показывают, что, несомненно, существует связь между мировыми и международными кризисами и войнами, военными операциями. И на этом пути Первая мировая война стала первым масштабным проектом соединения двух механизмов: военных механизмов управления миром и переделом мира, и механизмов экономико-финансовых. Что мы тоже увидели по изменению валютной системы, по золотым запасам и так далее.

Я сейчас, опять же не становясь на почву теории заговора, не готов искать конкретных виновников – Ротшильда, Рокфеллера, или кто там за этим стоит, масоны, не масоны. Дело не в этом. Дело в том, что материалы, которые приводились выше, так или иначе, подталкивают к выводу о том, что эти процессы взаимосвязаны, управляемы и являются общей концепцией кризисной концепции мира. Поэтому ещё раз говорю, что теория управляемого хаоса начала давать сбой только в последние 2–3 года и когда оказалось, что она не очень эффективна, ей на смену пришла теория неуправляемого хаоса.

Если так дальше будет развиваться, то мы реально стоим перед угрозой, может быть не масштабной Третьей мировой войны, но в её проявлении в рассыпанном сетевом виде. Сейчас мы привыкли к тому, что в мире всё спокойно. На самом деле в мире происходят десятки военных конфликтов различной интенсивности. И более того – могу сказать, что начиная с 2010 года, количество кризисов увеличивается. Они более мелкие, но их становится всё больше, они уплотняются. И это уплотнение влечёт опасность перерастания в масштабные конфликты. Особенно на фоне того, что говорили предыдущие докладчики.

*Наталья Викторовна Суржикова,
старший научный сотрудник, руководитель
Группы истории повседневности Института истории
и археологии Уральского отделения РАН,
кандидат исторических наук*

**Российский плен и российское беженство 1914–1918 гг.
как факторы трансформаций пространственных
и социальных границ**

Мой доклад будет посвящён проблеме, а точнее, частному случаю той проблемы, которая здесь уже неоднократно освещалась. Это проблема влияния войны на социальную географию. И говорить я буду о российском плене и российском беженстве. Явлениях, с которыми до Первой мировой войны Россия была практически не знакома, знакома, может быть, в весьма ограниченном количестве.

Первая мировая война породила беспрецедентные перемещения населения. В частности, для России это 7 миллионов беженцев и порядка 2 миллионов пленных иностранцев.

В литературе плен и беженство традиционно трактуются как серьёзное испытание для довоенных институтов и систем медицинского, продовольственного, жилищного, административного и прочего плана. Но, на мой взгляд, влияние таких двух институтов и явлений как плен и беженство, значительно глубже. И если говорить о России того периода, то совершенно очевидно, что и пленные, и беженцы значительно повлияли на взаимоотношения территорий, с одной стороны, и с другой стороны, эти же самые пленные и беженцы оказались серьёзной угрозой для социального обычая.

Если говорить о первой из обозначенных проблем, о том, каким образом эти беспрецедентные переселения населения своего и чужого повлияли на представление о географии, то, конечно, можно было бы ограничиться констатацией того факта, что в сознании среднестатистических россиян появились доселе неизвестные топонимы. Но это лишь одна сторона вопроса. Если мы посмотрим на ту риторику, на ту метафорику, на ту аллитерацию, которая имела место быть при описании плена и беженства, то мы увидим, что они описывались канонотивно, совершенно однозначно. Когда, допустим, видный кадетский деятель Николай Щепкин описывал перемещение беженцев, он констатировал, что эти миграции сравнимы с набегами татар. И в его фразе улавливается сравнение перемещений беженцев с татарскими ордами. И это мы можем увидеть при просмотре массы источников, прежде всего периодики, где беженство и плен будут характеризоваться как наводнение, поток, лавина, волна, то есть бедствие.

И если каким-то образом попытаться транскрибировать, расшифровать эти образы, то, совершенно очевидно, что население принимающих территорий, так называемых внутренних районов, испытывало некий страх перед пленными и беженцами. Целый ряд губернаторов в августе 1915 года заявили о нежелании видеть на своих территориях пленных иностранцев, и это было до пика кризиса беженства.

Это происходило отнюдь не потому, что не хватало помещений или ещё чего-то. Происходило это потому, что эти перемещения представляли серьёзное неудобство в плане того, что люди были поставлены перед проблемой притеснения. То место, которое они занимали на определённой территории, теперь должны были разделить с кем-то ещё.

Помимо того, что пленные и беженцы превратили движения и передвижения в универсальный феномен, сами мигранты дискредитировали идею определённости места и каких-то географических границ. По сути, плен и беженство обозначили проблему принадлежности месту и определения места человека. Именно поэтому они воспринимались как некое бедствие, как наводнение и потоп.

Если продолжать разговор о месте, это место нужно было найти, нужно было втиснуть миллионы мигрантов не только на определённые территории, нужно было найти им нишу в социальных порядках, и эта проблема оказалась ещё более сложной.

По сути, Российское государство и общество оказались не готовы к решению этой проблемы. Если посмотреть на то, кто же являлся пленными и беженцами в России, каков их социальный статус, роль, место, то мы увидим, что это люди без дома, имущества, профессии, дохода, семьи. Если в рамках беженства – это женщины без мужчин, а в рамках плена – это мужчины без женщин, то всё это ничто иное, как социальная аномалия.

Эти все признаки так или иначе использовались как маркёры социальной стратификации, но в случае с беженцами и пленными они в годы Первой мировой войны отказали. Потому что ни те, ни другие носителями этих признаков не то чтобы совсем не являлись, но, так или иначе, потеряли целый ряд своих отличий, которые могли казаться им до войны непреложными. Многие потеряли семьи, имущество, многие оказались в ситуации депрофессионализации.

Таким образом, создалась следующая ситуация. Социальный статус призван стабилизировать, систематизировать социальные связи и человеческие взаимодействия групп людей, но эти связи оказались нарушены и никаким образом статус беженца или плен-

ного не позволял предсказать поведенческие модели, их индивидуальные или коллективные выборы. Они вносили в систему социальных взаимодействий некую неопределённость.

Поэтому, описывая социальный статус групп перемещённого населения, своего и чужого, говорить стоит не о социальной аномалии, социальной мутации, даже не о диффузной форме социальнойности, тем более не о нисходящей социальной мобильности. Мне кажется, что при характеристике социального статуса этих людей больше всего подойдёт понятие лиминальности, ситуации социального лифта, который застрял между положением этих людей. Эти люди оказались в ситуации, что они уже не те, кто были вчера, но ещё неизвестно, кем они станут завтра.

Примечательно, что эта ситуация изначально предполагалась как краткосрочная. И пленные, и беженцы ожидали, что данная ситуация и их положение изменятся в скором времени, но этого, как известно, не случилось. Эта проблема позволила очень многим институтам и группам эксплуатировать неопределённость беженского статуса или статуса военнопленных. В результате они стали разменной монетой во всяких ведомственных, межкорпоративных и прочих играх.

Помимо того, это привело к тому, что беженство и плен позволили впервые в России сформировать группу людей, которых стало возможно принудительно мобилизовать на какие-нибудь сельскохозяйственные, промышленные работы и так далее.

Одно из важных социальных последствий, на мой взгляд, российского плена и беженства, это то, что, по сути, формируется идея возможности широкого активного применения принудительного труда.

Эта трудовая мобилизация, если с беженцами присутствовала в качестве идеи, то с пленными она была реализована. Не случайно наши западные коллеги очень часто упоминают теорию прототипа, говоря, что лагеря военнопленных в России – это прототип ГУЛАГа и чуть ли не нацистских лагерей.

На самом деле всё было несколько сложнее, но вместе с тем, я бы в какой-то степени с ними согласилась, говоря о том, что неопределённость социального статуса этих людей позволяла лепить из них всё что угодно, делать с ними всё что угодно, мобилизовывать их для решения тех или иных задач.

Это один момент, другой – это то, что, по сути, мобилизовывать беженцев и пленных изначально никто особенно не стремился, потому что изначально по отношению к беженцам и пленным начинает осуществляться этно-дифференцирующая политика, выстраивание реальных, нереальных, воображаемых различий

по каким-то признакам, которые изначально нами до сих пор воспринимаются как врождённые. Тем самым и плен, и беженство способствовали тому, что на языке крайнего прогресса называется конвенционализацией этничности или превращением этнического признака в признак социального неравенства, различия и так далее.

Эта политическая линия будет продолжена в последующие годы. Она найдёт отражение и в политике белых правительств на востоке России, и, на мой взгляд, вполне применима к сталинскому советскому социальному проекту.

С этим можно спорить, тем более что время не позволяет проиллюстрировать всё, что я говорю, примерами. В любом случае, плен и беженство драматизировали социальную ситуацию в стране и способствовали системной перестройке социальной иерархии.

*Валентина Борисовна Жиромская,
ведущий научный сотрудник, руководитель
Центра изучения истории территории
и народонаселения России института российской
истории РАН, профессор Российского
государственного гуманитарного университета,
доктор исторических наук*

Влияние Первой мировой войны на процесс демографической модернизации в России

Благодарю за предоставленную возможность выступить на столь представительном форуме. Моё выступление тематически связано с предшествующими докладами.

Демографические проблемы сейчас относятся к остроактуальным в очень многих государствах, наверное, во всех государствах мира, высокую актуальность имеют они и в России. Для этого стоит обратить внимание на особенность демографической ситуации в России и осуществление демографической модернизации.

Процесс демографической модернизации очень длителен, сложен, включает в себя массу этапов, подэтапов, переходные периоды, постпереходные ситуации, кризисы, дестабилизации.

Один из наиболее важных и крупных этапов демографической модернизации – это так называемый демографический переход к современному типу воспроизводства населения.

Демографический переход начался в странах Западной Европы. Впервые он начался именно во Франции значительно раньше, чем в России, в конце XVII–XVIII веках.

В России признаки демографического перехода, первая его фаза – это устойчивое снижение смертности, на тот момент надеялись, что оно будет устойчивым, и признаки увеличения продолжительности жизни проявляются достаточно отчётливо в конце XIX века и в начале XX века.

Именно в это время можно говорить о том, что в России начинается первая фаза демографического перехода, и об этом свидетельствуют конкретные данные. В частности, снижение смертности за первое десятилетие XX века, естественно, до Первой мировой войны, составило от 37 процентов до 35 процентов, а это очень существенное снижение. Соответственно, на фоне высокой рождаемости, а разница по регионам составляла более 45–47 процентов, мы имели значительный рост населения. По некоторым оценкам, он достиг в последнее десятилетие XIX – первое десятилетие XX века порядка 50 миллионов. Оценки здесь существуют довольно разные, тем более быстрый рост населения фиксировался.

Население было молодым, почти 2/3 составляли лица молодого возраста, до 30 лет. Значителен был рост детей и подростков. О демографическом старении в России вопрос в этот момент ещё не стоял. Общество имело сбалансированную возрастную структуру. Так, по переписи 1897 года, мужчины составляли 49,8 процента, и 50,2 процента составляли женщины, это очень сбалансированная структура, в том числе в молодых репродуктивных возрастах, ранняя брачность.

Но естественное движение демократической модернизации было прервано очень серьёзным испытанием. На протяжении XX века такие перерывы осуществлялись периодически, связаны они были с социально-политическими катаклизмами и, прежде всего, с масштабными войнами.

Первым таким катаклизмом стала Первая мировая война. Она породила глубокий демографический кризис, который вполне заслуживает определения «демографическая катастрофа».

Воздействие войны было многофакторным. Я назову основные направления этого воздействия на демографию: значительные людские потери, здесь уже упоминалось о 3 миллионах погибших на полях сражений, следует сказать, что существуют ещё санитарные потери, потери мирного населения. Подсчёты тут ещё не закончились. Прежде всего это касается мирного населения, но и потери военных составляют, как было уже сказано в предыдущем докладе, по данным картотеки порядка 7 миллионов человек. По самой грубой оценке потери мирного населения, данные ещё

2000–2001 годов, превысили 5 миллионов. С тех пор эта цифра только увеличивается. Связано это было с очень резкой повышенной смертностью, гибелью людей.

Следующее направление – это направление, по которому нанесён ущерб здоровью всего населения России, который имел очень длительные последствия. Здесь говорили о применении оружия массового поражения – это особенность Первой мировой войны, которая оставила очень глубокий след на здоровье населения. Здесь говорилось о не очень удачной газовой атаке. Но знаете, может быть на первый момент хлор подействовал на солдат очень слабо, но это не значит, что он не отравил почву и водоёмы и не оказал пагубное воздействие на мирных людей этой территории в последующие годы.

Нужно сказать, что мирное население страдало не только от последствий боевых действий, от пожаров, артиллерийских обстрелов. В это время активно распространяются инфекционные болезни, испанка, тиф. Но я хотела бы обратить внимание на вспышку туберкулёза.

К сожалению, на 1918 год точных данных нет, но на 1919 и 1920 годы они существуют. В городах дети и подростки в возрасте до 14 лет на 70 процентов были больны разными формами туберкулёза, взрослое население также страдало от разных форм лёгочных заболеваний, в том числе разных видов пневмонии, астм. Связано это было, в том числе, не только с плохим питанием, это, разумеется, один из факторов, но, прежде всего, с очень большим загрязнением атмосферы вследствие массовых выбросов продуктов горения, газов, действия артиллерии, большого загрязнения, как воздушной атмосферы. А для кишечно-желудочного тракта очень пагубным было загрязнение водоёмов, кроме того, недостаточное питание и использование продуктов, не годных в пищу, вследствие хозяйственного и экономического кризиса. Именно это привело к вспышке желудочных заболеваний, которые проявлялись ещё на протяжении более десятка лет у людей, которые пережили эти годы. Не говоря уже о воздействии на нервную систему, которое также оставило неизгладимый след на здоровье целого поколения.

Война также приносит значительные климатические изменения. Этот вопрос только недавно начал исследоваться. Особенно Мировые войны приводят к изменениям климата. Не просто экологические катастрофы. Изменение климата связано с действиями авиации, артиллерии, смещением воздушных масс, выбросами

токсичных продуктов. Во всяком случае, отмечается резкое снижение, на несколько порядков, температур. Через короткое время такое же резкое, на несколько порядков, повышение. Тяжёлые засухи или, наоборот, оледенения, в этих случаях промерзают даже родники и источники воды. И проливные ливни тоже не свойственные данному климату.

Всё это также подействовало в целом на население. Но, в принципе, климатические изменения ещё требуют своего исследования, наш центр его только начал, но уже к ряду результатов пришли.

В результате этих фронтовых потерь у нас нарушилось соотношение полов в пользу женщин в ряде возрастных групп, прежде всего репродуктивных. Особенно в Первую мировую войну пострадала группа 1892–1896 годов рождения. Уже не равное соотношение, мужчин меньше на 7 процентов в репродуктивных группах. Это немалое изменение, учитывая традиционно высокую брачность. Поэтому первым последствием было нарушение стабильности брака, дестабилизация брака, нарушение семейно-брачных традиций, что способствовало изменению ролевых функций женщины в семье, форсированное вовлечение женщины в силовую и внесиловую функции. У нас это пропагандировалось как позитивное явление и имело немало негативных последствий.

Затем война замедлила психологическое формирование семейных ценностей, в частности, произошла ориентация на более поздние браки и снижение числа детей, что свойственно западно-европейской модели.

Война увеличила число неполных семей, породила сиротство, оставила большое количество женщин вне брака, и у нас возникло печальное явление – демографическая яма: резкое уменьшение численности возрастов военных лет рождения. Впоследствии на эти демографические ямы наложилась ещё и яма, связанная с голодом 1932 года, Гражданской войной, Второй мировой войной.

Таким образом, Первая мировая война оставила очень тяжёлый след в демографическом развитии России. Она обусловила прерывность естественного течения демографического модернизационного процесса. Из этого проистекает особенность нашего демографического перехода – прерывный характер. И первый тяжёлый прерыв был нанесён последствиями Первой мировой войны 1914–1918 годов.

*Ирина Николаевна Новикова,
декан факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета,
профессор, доктор исторических наук*

Великая война и милитаризация национальных движений

Уважаемые коллеги, сегодня в нескольких сообщениях уже речь шла о том, что Первая мировая война резко обострила национальные проблемы в империях.

Моё сообщение будет посвящено частному случаю, частному аспекту – проблеме милитаризации национальных движений. Именно в годы Первой мировой войны произошла серьёзная радикализация целого ряда национальных движений, которые даже не мечтали до этого о собственной государственности.

Радикализация нередко сопровождалась и милитаризацией, когда склонные к экстремизму националисты формировали собственные воинские соединения, а некоторые национальные движения открыто встали на путь государственной измены, то есть получали поддержку, в том числе и военную, от военных противников империй, в состав которых они входили.

С другой стороны, некоторые практики, которые использовались великими державами в период Первой мировой войны, активно применяются и сейчас, например, реализация по линии официальной дипломатии сценариев активного вмешательства во внутренние дела страны пребывания. В этом смысле, феномен внешнего фактора, череды цветных революций, Арабской весны и других не является чем-то новым, ведь в годы Первой мировой войны, – мы в качестве примера рассмотрим деятельность германского МИДа, – германский МИД проводил так называемую политику революционизирования (этот термин официально использовался в переписке немецкими дипломатами, государственными деятелями), поддерживал деструктивные силы радикальных революционеров, сепаратистов в странах Антанты, в том числе и в России.

В арабском мире немцы пытались поднять под знаменем джихада мусульман, проживавших в английских и французских колониях. Россия вообще считалась, по мнению германских экспертов, самым хрупким государством Антанты, искусственным образованием, представлявшим собой конгломерат несовместимых между собой рас и народов, которых лишь жестокий царский деспотизм удерживал вместе.

И действительно, военно-политическая элита Германии с первых дней войны активно использовала национальные противоречия российского общества, Российской империи. Например, уже на третий день войны, 3 августа 1914 года, помощник статс-секретаря по иностранным делам Артур Циммерман рекомендовал немецкому послу в Константинополе начать работу с целью подъема населения Кавказа против Российской империи. 5 августа глава германского МИД Готлиб фон Ягов сообщал о том, что немецкие войска несут в своих сумках прокламации об освобождении Польши. На следующий день, 6 августа, рейхсканцлер Бетман Гольвег дал поручение немецкой дипломатической миссии в Стокгольме вступить в контакт с влиятельными политическими деятелями Финляндии, пообещав финнам в случае сотрудничества с Берлином создание автономной буферной Республики Финляндии.

Показательным примером является создание на немецкой территории при прямой поддержке Германии финляндского егерского батальона, который, по замыслам организаторов, должен был поднять восстание в Финляндии против Российской империи и стать ядром национально-освободительной армии Финляндии.

Действительно, с началом Первой мировой войны финляндское национальное движение оказалось расколотым, но большинство населения поддерживало политику лояльности по отношению к империи, и в первые августовские дни появились первые добровольцы-финны, которые решили сражаться за Российскую империю. С другой стороны, в национальном движении имелось и радикальное крыло, которое руководствовалось принципом: враг России – друг Финляндии. Это движение ориентировалось на Германию и если бы не поддержка Германии, то оно бы осталось маргинальным, осталось бы в исторических воспоминаниях, не более того, потому что его влияние среди населения Финляндии в 1914–1916 годах было минимальным.

Но Германия поддержала так называемый «Финляндский эксперимент» – это официальное название из немецких документов – идею создания финляндского егерского батальона. И уже в конце января 1915 года в Берлине было принято решение об открытии под Гамбургом курсов подготовки для двухсот финляндских добровольцев. Позднее курсы военной подготовки были преобразованы в финский легион, получивший название: 27-го прусского королевского егерского батальона.

Перед отправкой на фронт кайзер Вильгельм лично принял парад этого батальона, чтобы лишний раз продемонстрировать пример другим национальным движениям России, как нужно

действовать. И подготовленные в Германии финские военные впоследствии сражались против России на северо-западном участке восточного фронта, в районе Рижского залива. Кроме того, финские егеря использовались как разведчики и диверсанты. Например, в январе 1917 года на севере Норвегии при обыске арестованных финских егерей были обнаружены стеклянные ампулы, содержащие споры сибирской язвы, аккуратно спрятанные в кусочках сахара. Германия руками финских егерей была готова применить бактериологическое оружие на севере Европы, но речь шла, прежде всего, о том, чтобы заразить болезнями лошадей и оленей, которые использовались для союзнических перевозок и транзита грузов с территории Швеции и Норвегии через Финляндию в Россию.

Но после провозглашения Финляндией независимости большинство финских егерей вернулись на родину и приняли участие в Гражданской войне на стороне белых. Гитлер уже во Второй мировой войне периодически напоминал финским лидерам о священном братстве по оружию, вспоминая традиции егерского движения. Конечно, если бы Первая мировая война закончилась бы иначе, то от изменников Родины, подобных Юзефу Пилсудскому или будущему генералу Пааво Талвела, не осталось бы ничего, кроме исторической ссылки, но в 1918 году они вернулись победителями и стали национальными героями.

Подводя итог, следует заметить, что в годы Первой мировой войны все великие державы, так или иначе, стали разыгрывать национальную карту против военных противников, а отдельные империи не ограничились моральной и материальной поддержкой центробежных сил и пошли дальше, принимая самое деятельное участие в милитаризации некоторых национальных движений. Австро-Венгрия разыгрывала польскую карту против России, содействуя формированию польских легионов Юзефа Пилсудского. Россия поддерживала братьев-славян, создавая Чехословацкий корпус. Германия, считавшая Россию слабым звеном Антанты, создавала финские егерские батальоны.

В сущности, речь шла о государственной поддержке сепаратизма в лагере своих военных противников. Обрели ли в результате этого империи эффективное оружие против своих врагов? Стали ли они сильнее от подобной политики? Вряд ли. Они выпустили из бутылки джинна, который в конечном итоге бумерангом ударил по ним самим, да так, что от некогда могущественных империй остались одни развалины.

Олег Евгеньевич Алтеев,
*научный сотрудник Научно-исследовательского
института военной истории Военной академии
Генерального штаба Вооружённых Сил
Российской Федерации*

Развитие русского плана вторжения в Восточную Пруссию в конце XIX – начале XX века

Уважаемые коллеги, моё небольшое выступление посвящено плану вторжения в Восточную Пруссию, который был крайне неудачно реализован в 1914 году и провалился в ходе печально известной Восточно-прусской операции.

Стратегический план России отводил второстепенную роль подготовке к боевым действиям в Восточной Пруссии, так как военное ведомство империи искало пути к победе на другом театре войны – в Галиции. Тем не менее, особое географическое положение этой провинции, нависавшей над русской Польшей, вынуждало высшее военное руководство России готовиться к серьёзной борьбе за неё.

Начало подготовки к вооружённому столкновению с Германией и Австро-Венгрией было положено в обширной стратегической записке управляющего делами Военно-учёного комитета Главного штаба России – генерал-майора Николая Николаевича Обручева. Она называлась «Соображение об обороне России» и была разработана в начале 1873 года. В ней он предложил ряд мероприятий, направленных на улучшение скорости мобилизации и сосредоточения русской армии, сильно отстававшей по этим показателям от потенциальных противников.

На основании этой записки Обручев, возглавивший Главный штаб, подготовил в 1880, 1883, 1887 и 1890 годах первые 4 плана развёртывания Вооружённых Сил России в случае войны на западной границе. Последний план войны с небольшими изменениями действовал до 1903 года. Составлению этой записки предшествовали аналитические работы в штабах военных округов, в ходе которых в 1872 году штаб Варшавского округа подготовил стратегический обзор Варшавского военного округа под руководством его начальника, генерал-адъютанта А. Ф. Минквица. Впервые излагался план вторжения на территорию Германии сразу в трёх направлениях: с линии Немана в Восточную Пруссию, и из Польши на Торн и Познань.

Однако в Петербурге не разделяли этих наступательных планов. Главная идея стратегии Обручева заключалась в обороне против одного из противников и наступлении против другого. Предпочтение в выборе объекта для атаки отдавалось Австро-Венгрии.

Кроме того, главной целью Вооружённых Сил России Обручев считал захват Босфора.

На восточно-прусской границе Обручев планировал ограничиться обороной, опираясь на крепость польского треугольника, Ново-Георгиевск, Зегрж и Варшаву, а также на укрепления на Нарве. Единственной возможной наступательной акцией против Германии Главный штаб считал проведение кавалерийского рейда на территорию Восточной Пруссии с целью срыва мобилизации и сосредоточения сухопутных вооружённых сил противников.

Тем не менее, в Варшаве осуществлялась разработка альтернативных проектов наступательной операции под руководством начальника штаба этого округа – генерал-лейтенанта Пузыревского, разрабатывались подробные планы вторжения в пределах второго рейха.

Необходимо отметить, что концепция наступательной операции на восточной границе Германии, подготовленной под руководством А. К. Пузыревского, серьёзно отличалась от плана, который был реализован в 1914 году. Так, при Пузыревском штаб Варшавского округа намеревался вести наступательные действия с оборонительной линии Нарева к низовьям Вислы, и Восточная Пруссия не рассматривалась в качестве объекта для наступления, так как войска Варшавского округа не должны были отвлекаться от выполнения главной задачи – двигаться на Берлин. В 1914 же году главной целью концентрической операции 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта, напротив, являлся захват Восточной Пруссии.

После окончания Русско-японской войны 1904–1905 годов русское стратегическое планирование претерпело кардинальное изменение. Поражение на Дальнем Востоке вынудило высшее военное руководство России отказаться от стройной системы обороны западной границы, разработанной Обручевым. В новом плане войны 1906–1907 годов по «мобилизационному расписанию № 18 восстановленному» речи о наступлении в пределы Восточной Пруссии не шло.

В 1910 году вектор русского военного планирования вновь изменился к подготовке военных действий, и с этого момента разработка плана вторжения на территорию Германии впервые выходит на первый план. Это объясняется восстановлением военной мощи после Русско-японской войны.

26 июня 1910 года был принят новый оборонительный план развёртывания по «мобилизационному расписанию 1910 года», который встретил ожесточённую критику со стороны военных округов. Ещё в период его подготовки, 23 января 1910 года, начальник

штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенант Н. А. Клюев представил Главному управлению Генерального штаба (далее ГУГШ) «Соображение о наступательных действиях из района 2-й армии в войне с Германией и Австрией», где предложил отказаться от оборонительного образа действий и начать готовиться к наступлению против Германии.

Также в записке он детально разработал план концентрического вторжения в пределы Восточной Пруссии силами 1-й, 2-й армий и части корпусов 4-й и 5-й, которые предполагалось развернуть на левом фланге 2-й армии.

Клюев протестировал предложенный им план в ходе двух больших стратегических военных игр со старшими войсковыми начальниками округов в 1910–1911 годах, в ходе которых была подтверждена его выполнимость. Эта разработка легла в основу плана вторжения в Восточную Пруссию, осуществлённого в 1914 году.

К декабрю 1910 года в полном соответствии с идеями Клюева в ГУГШ составили дополнительный план перевозок корпусов 4-й и 5-й армий на восточно-прусскую границу. Для их испытания в конце года руководство ГУГШ организовало широкомасштабную стратегическую игру с командующими войсками европейских военных округов, но занятия эти не состоялись по причине интриг главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, великого князя Николая Николаевича.

Дополнительные маршруты перевозки корпусов Московского и Казанского военных округов, подготовленные ГУГШ, меняли первоначальную концепцию «мобилизационного расписания 1910 года», так как отвечали другой задаче – сокращению вооружённых сил Германской империи.

В начале 1912 года состоялся очередной пересмотр военного плана Российской империи. В период с 18 по 28 февраля в Москве проведено совещание начальников окружных штабов, ознаменованное торжеством антиавстрийских тенденций в Генеральном штабе империи. В итоге, на этом совещании были разработаны «Высочайшие указания командующим войсками на случай войны с Тройственным союзом», в которых излагались ближайшие задачи и состав армий на западной границе. Документ был утверждён Николаем II 1 мая 1912 года. Он содержал два плана развёртывания – основной «А», предусматривающий нанесение главного удара по Австро-Венгрии, и дополнительный «Г», который предусматривал нанесения главного удара по Германии. Вариант «А» предусматривал наступление не только в пределы Австро-Венгрии, но и вторжение в Восточную Пруссию. Русское командование вве-

ло в действие этот план в 1914 году – план «Г» модифицированно-го в конце 1910 года проекта развёртывания по «мобилизационно-му расписанию 1910 года».

На основании решений московского совещания Клюев разработал окончательный план вторжения в Восточную Пруссию, изложенный им в «Оперативных соображениях о действиях группы армии в пределах Северо-Западного фронта» от 21 августа 1912 года. В них излагался осторожный план концентрического наступления 1-й и 2-й армий в обход Мазурских озёр.

Основное внимание Клюев уделил координации действий армий Северо-Западного фронта против германской Восточной армии. Он указывал на необходимость согласованного движения обеих армий фронта для того, чтобы они вошли в соприкосновение с противником одновременно. Это должно было помешать германцам сосредоточить все силы против одной из них и нанести ей изолированное поражение. Клюев настаивал на том, чтобы 2-я армия выступила от линии Остроленка – Цеханов на 3–4 дня позже, нежели 1-я армия. Это позволяло выйти 2-й армии на линию Иоганнисбург – Ортельсбург – Сольдау, а 1-й – на линию Ангербург – Инстербург, где ожидалось развёртывание германских войск, одновременно. Требование Клюева уделять повышенное внимание организации тесного взаимодействия между армиями оказалось пророческим, так как именно из-за его отсутствия германцам удалось нанести изолированное поражение 1-й и 2-й армиям в августе-сентябре 1914 года.

План, изложенный в записке Клюева 21 августа 1912 года, был введён в действие в начале Первой мировой войны, но из-за грубых ошибок фронтового и армейского командования провалился. Переоценивая наступательные возможности русской армии, военное руководство империи пошло на распыление сил между двумя стратегическими направлениями, вследствие чего ему не удалось добиться решающего численного превосходства над 8-й германской армией в Восточной Пруссии. Ошибки, заложенные в русский план войны, следует считать одной из основных причин неудач русских войск в августе 1914 года. Однако здесь необходимо подчеркнуть, что сотрудники ГУГШ разработали компромиссный план войны 1912 года, исходя из общегосударственных интересов России, указывавших на необходимость разгрома Германии, тогда как военная стратегия требовала от русского командования вывести из войны в первую очередь Австро-Венгрию.

*Владимир Владимирович Василик,
доцент исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета, кандидат философских наук*

Сотрудничество России с Сербией и Черногорией в Первую мировую войну (по документам РГИА)

Дамы и господа! Уважаемые коллеги!

Во-первых, благодарю за возможность выступить на столь представительном собрании и насколько хватит сил представить кафедру истории славянских и балканских стран СПбГУ. Ваш покорный слуга занимается изданием документов по российско-черногорским отношениям, хранящимся в Российском Государственном историческом архиве, и подготовил ряд документов к изданию.

Российско-черногорские отношения всегда отличались большой глубиной и теплотой. Россия признавала Черногорию государством даже тогда, когда все другие великие державы её не признавали.

В 2011 году был отмечен значимый юбилей – 300-летие российско-черногорских отношений, когда митрополит Даниил откликнулся на призыв Петра Великого встать совместно против Османской империи и многим для этого пожертвовал.

Официально Россия признала Черногорию как государство в 1881 году и установила дипломатические отношения. Несколько ранее были установлены полномасштабные дипломатические отношения и с Сербией в рамках Берлинского конгресса. В Цетине было открыто посольство. А в 1903 году в Черногорию была направлена русская военная миссия во главе с полковником Потаповым, который участвовал в создании местных Вооружённых сил. Начало этому процессу было положено в 1895 году.

Дело в том, что в Российском государственном историческом архиве – в 565 фонде, опись первая, дело 288, хранится любопытный документ, где говорится о создании учебной батареи и учебного батальона с русскими инструкторами. Притом, что черногорцы не очень стремились учиться, всё-таки русские научили их многому.

Следует отметить, что осознание германской угрозы присутствовало у князя, а затем и короля Николы I давно. Ещё в 1902 году он посылает письмо императору Николаю II, копия которого также хранится в РГИА. В нём он предупреждает об агрессивных устремлениях Вильгельма II, который, по его словам, соединяет

качества Папы и Александра Македонского, а также во всём стремится первенствовать.

В 1910 году между Россией и Черногорией заключается военная конвенция, которая обеспечила защиту Черногории от агрессора. Время действия этой конвенции, к сожалению, в 1912 году было прервано в силу слишком самостоятельной позиции Черногории, но в 1914 году она была возобновлена, и в результате неё Черногории была оказана значительная военная помощь и инструкторами, и материальная. Далее вы увидите размеры этой помощи.

Итак, в мае 1914 года заключается военная конвенция оборонительного характера и с Сербией, и с начала войны все договорённости начинают действовать. В частности, для защиты коммуникации Сербии на Дунае был послан отряд из 400 моряков, который способствовал безопасной проводке судов с оружием, обмундированием и продовольствием. Когда над Сербией осенью 1915 года нависла реальная опасность уничтожения, она подверглась ударам с трёх сторон, с двух сторон – германских и австро-венгерских войск, с третьей – Болгарии, то Сербия попросила у России помощи. Россия готова была выделить два корпуса для удара через Румынию, но помешал румынский нейтралитет и малодушная позиция румынского правительства.

Тем не менее, русские войска всё же сражались за Сербию. Сегодня упоминалась история 1-й и 3-й русских бригад во Франции, но нельзя забывать, что 2-я и 4-я русские бригады экспедиционного корпуса героически сражались на Салоникском фронте с осени 1916 года и участвовали в Монастирской операции. Уже в октябре 2-я бригада потеряла 1400 человек убитыми и ранеными, но 19 ноября 1916 года русско-французская дивизия, в которой была 2-я бригада, взяла Монастир.

А вот статистика 4-й бригады. Она прибыла в составе 8,5 тысячи человек, к 1 января 1917 года было убито 10 офицеров и 700 солдат, ранено 30 офицеров и 1600 солдат, в госпиталях находилось 31 офицер и 3251 солдат.

Вот материальные жертвы, на которые Россия пошла, поддерживая Черногорию и Сербию. Помимо военной субсидии, Черногории были предоставлены краткосрочные кредиты, которые составили к декабрю 1914 года 7 миллионов рублей. Размер финансовой помощи увеличился, она стала оказываться и Сербии, которая вступила с Черногорией в союз.

По свидетельству военного министра В.А. Сухомлинова, и Сербия, и Черногория получили в начале войны 75 миллионов рублей. Кроме того, были поступления и из отдельных ведомств, например, военное министерство заплатило почти полмиллиона

рублей за пошив для сербских и черногорских войск нескольких десятков тысяч комплектов обмундирования. Совет министров оплатил 200 тысяч комплектов тёплой одежды для сербских и черногорских войск на сумму 6 миллионов рублей. Более того, Россия выступала посредником в финансовых делах. В 1914 году она выхлопотала у Франции кредит на 500 тысяч франков на закупку военных материалов.

Но хуже было с поставками из России в Сербию и Черногорию оружия и боеприпасов. Дело в том, что, насколько вы знаете, русская армия сама испытывала оружейный и снарядный голод. Были трудности и в транспортировке. Первое время единственный путь был по реке Дунай, поэтому морское министерство сформировало экспедицию особого назначения во главе с контр-адмиралом М. М. Весёлкиным. В общей сложности эта экспедиция осуществляла 33 рейса в Сербию, поставила 15 миллионов винтовочных патронов, 18 тысяч артиллерийских снарядов, 30 тысяч винтовок.

Черногория остро нуждалась в хлебе. И Россия к апрелю 1915 года отправила в Черногорию и Сербию миллион пудов пшеничной муки и миллион пудов кукурузы.

Широкое участие приняла общественность и, прежде всего, славянские общества, историей их деятельности занимался коллега А. А. Поповкин, написавший великолепную диссертацию. Особую роль сыграли Петербургское и Московское славянские общества.

В Черногории действовали русские медицинские отряды, русские полевые госпитали, в которых служили русские врачи и студенты-медики. Подробная их деятельность рассматривалась коллегой Галиной Ильиничной Шевцовой, в частности, в её книге: «Россия и Сербия: из российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. Гуманитарный аспект». Этими же сюжетами также занимается коллега А. А. Зубарев из Севастополя.

Следует отметить деятельность российского дипломата Григория Николаевича Трубецкого и княгини Трубецкой по организации русских госпиталей, а также и вдовы российского посланника Н. Г. Гартвига.

С историей этих госпиталей связано множество славных и замечательных имён, в частности, имя начальника эпидемиологического госпиталя Николая Спасского, который не ушёл со своего поста под угрозой болгарского плена, в который он, в конечном счёте, попал. Можно назвать целый ряд имён других людей, о которых уже, к сожалению, нет времени рассказывать. Это люди, которые рисковали заразиться или погибнуть от вражеской пули, это десятки славных имён.

Чему это нас учит? Это нас учит тому, что Россия не предавала своих друзей. Как сказал император Николай II: «Я бы мог уклониться от защиты Сербии, но тогда бы я чувствовал себя последним подлецом». И с глубокой благодарностью святитель Николай Сербский (Велимирович) вспомнил императора Николая II, говоря, что если бы император Николай II не вступился бы за сербов, то он правил бы до сих пор в своём Петербурге, но предпочёл взойти на Голгофу вместе со своей семьёй и со своей страной.

В свете украинских событий стоит вспомнить наших страдающих донецких братьев, которые действительно являются жертвой самой настоящей агрессии со стороны собственного государства, на самом деле – квазигосударства. И стоит им оказывать всемерную помощь.

*Александр Андреевич Зубарев,
директор народного медицинского музея
Севастопольского морского госпиталя
Черноморского флота*

Санитарные манёвры Черноморского флота накануне Первой мировой войны и опыт их использования в боевых действиях Российского императорского флота (1914–1916 годы)

Во-первых, передаю привет из русского Севастополя и хочу пожелать счастья, здоровья и сказать о нашей великой радости: крымские и севастопольские историки теперь официально входят в сонм российских историков! Надеемся, что наше сотрудничество будет расти день ото дня, и не только мы будем выступать в Москве, но и вы будете выступать в нашем родном Севастополе.

Великий русский учёный и врач, академик Николай Иванович Пирогов в период первой обороны Севастополя выдвинул свою концепцию войны: «Война – это травматическая эпидемия» и заложил основы медицинской сортировки при массовом поступлении раненых с поля боя.

В начале XX века труды великого учёного-гуманиста были незаслуженно забыты. Поражение в русско-японской войне выявило много негативных моментов в деятельности Российского императорского флота, в том числе и недостатки в организации его медицинского обеспечения. Печальные уроки войны были подвергнуты обстоятельному изучению в многочисленных статьях, докладах и диссертациях морских врачей.

Опыт русско-японской войны убедительно показал, что организация медицинского обеспечения имеет большое значение для сохранения боеспособности флота. Начальник медико-санитарной службы Черноморского флота Яков Кефели писал в своей диссертации: «Минувшая война выдвинулась с яркостью несоответствия организации санитарной службой на флоте. У нас были блестящие госпитали, чудные операционные на судах, солидные аптеки, опытные врачи, но всё это на практике слишком немного дало флоту во время войны». В его фундаментальном труде рассматривались вопросы морской медицинской сортировки эвакуации. Он неоднократно защищал идею о необходимости взаимодействия кораблей и военно-морских портов, связи между ними. Например, он писал об этом в составленном им боевом авральном расписании для медицинской службы портов и в планах проведения санитарных манёвров, излагая своё особое мнение мобилизационной подготовки медицинской службы флота, Яков Кефели в рапорте главному медицинскому инспектору флота также отмечал необходимость крайне согласованных действий медицинской службы кораблей и портов.

Впервые в истории Российского императорского флота санитарные манёвры были проведены в Севастополе 10 августа 1909 года. Основной задачей манёвров являлась практическая проверка пригодности путевых ярлыков для раненых при организации медицинской эвакуации. Был разработан следующий план: манёвр будет произведён на линейных кораблях «Пантелеймон», «Ростислав», «Три святителя», крейсере «Память Меркурия», транспорте «Пруд», канонерской лодке «Кубань», миноносцах «Лейтенант Пуцин» и «Живой». Замысел: по легенде манёвров Черноморская эскадра в море рано утром вступает в бой с неприятелем. Бой тянется два часа. В результате на трёх линейных кораблях, одном крейсере, одной лодке и двух миноносцах 800 человек раненых и убитых; после боя эскадра направляется в Севастополь; в пути начальник эскадры, выяснив число пострадавших на судах, даёт об этом знать командиру Севастопольского порта. Севастопольский порт, в частности его санитарная служба, получив это извещение, готовится избавить эскадру от раненых и убитых и разместить раненых в лечебных заведениях. В Севастопольском порту на тот момент имеется морской госпиталь и стоящее на рейде госпитальное судно «Пруд». Медицинский инспектор порта по соглашению с флагманским доктором распределяет 300 раненых для госпитального судна «Пруд» и 500 для морского берегового госпиталя. Для перевозки раненых в береговой госпиталь был составлен санитарный караван на 500 человек раненых

из 4 больших портовых барж, оборудованных для этой цели, и двух баркасов, буксируемых судовым катером. В береговом морском госпитале для переноски раненых сформирована бригада носильщиков из госпитальной прислуги и 30 человек из черноморского флотского экипажа при фельдфебеле.

Главным доктором Севастопольского морского госпиталя был отдан приказ, где подробно разбирался порядок производства манёвров на территории госпиталя и были распределены роли участников: врачей, фельдшеров, команды и чинов командной службы. В ходе санитарных манёвров также изучались многочисленные вопросы: организация медицинской деятельности на кораблях в бою, осуществление морской медицинской сортировки, эвакуация и медицинское обеспечение военно-морских портов.

Разработанные комиссии русских морских врачей, испытанные в ходе санитарных манёвров Черноморского флота, были приняты к международной классификации.

Рано утром в 6 часов 30 минут 20 октября 1916 года в Севастопольской бухте прогремели мощные взрывы. Столб пламени и дыма взметнулся на высоту около 300 метров – терпел крушение линейный корабль «Императрица Мария», первый из трёх черноморских дредноутов, вступивших в строй в ходе Первой мировой войны.

Экипаж на тот момент состоял из 1220 человек, в том числе 39 офицеров. Множество матросов и унтер-офицеров, находившихся в носовой части корабля, были убиты, тяжело ранены, обожжены и сброшены силой взрыва за борт. На корабле погибли инженер-механик мичман Игнатьев, два кондуктора и 225 матросов. Более 600 человек нуждались в медицинской помощи, из них 85 человек были тяжело ранены. Вот здесь и пригодился опыт санитарных манёвров, проведённых на Черноморском флоте накануне Первой мировой войны. С «Императрицы Марии» в госпиталь поступило 624 человека, из них ни один не умер. Эвакуация была проведена вовремя, срочно оказана помощь. Поэтому были спасены сотни моряков.

Можно привести множество подобных примеров практического применения опыта санитарных манёвров во время боевых действий на театрах Первой мировой войны, но учитывая строгие временные рамки нашего сообщения, остановимся только на этом эпизоде.

Итак, на протяжении столетия с начала Первой мировой войны, опыт, приобретённый военными и военно-морскими врачами по оказанию медицинской помощи, помог спасти десятки, а может и сотни тысяч жизней во время конфликтов. И сегодня этот опыт не потерял свою актуальность в ходе современных войн и конфликтов.

*Славиша Павлович,
писатель, автор романа о Первой мировой
войне «Завет», редактор журнала
«Vodič za život» («Путеводитель по жизни»)*

Важнейшие сражения в Сербии и участие союзников на сербском фронте в 1914–1915 годах

Уважаемое собрание, мне оказана большая честь участвовать в такой значимой конференции. Прежде всего, я хочу поблагодарить организаторов не только за приглашение, но и за сам факт, что состоялась подобная конференция, на которой выступают видные знатоки истории, писатели и политическая культурная элита. Такие встречи позволяют лучше понять историю, уроки её использовать в настоящем, чтобы в будущем избежать ошибок прошлого.

Прежде чем говорить о Первой мировой войне, чтобы объяснить, почему мой народ так страстно желал защитить свою страну, а я стремлюсь изучать и описывать этот период, разрешите мне в двух словах рассказать вам о Сербии. Тогда станет понятнее, почему Первая мировая война оставила неизгладимый след в жизни её народа. Я принадлежу к народу, чью историю писали кровью её лучших сыновей.

Сербия всегда была границей, местом, где сталкивались восточное православие и западное католичество, позже христианская Европа и Османская империя. А затем она стала невинной жертвой в компромиссе великих держав, которых Сербия всегда уважала в надежде, что и они будут уважать её право на самостоятельность. Здесь веками строились мосты между Западом и Востоком, их разрушали и вновь воздвигали порой по несколько раз за один век, и дороже всего, как строительство, так и разрушение, обходилось Сербии. Когда великие державы, наконец, признали Королевство Сербию, страна начала развиваться и приступила к строительству моста, который окончательно бы связал Восток и Запад. На этот раз Сербия строила и собственную культуру, навёрстывая всё, что было упущено за вековой период, пока свои труды создавали Вольтер, Шекспир, Гёте и Гоголь.

Когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии 28 июля 1914 года, обвиняя её как в Сараевском убийстве, так и в неисполнении ультиматума, который осудила вся остальная Европа, стало понятно, что маленькая страна – лишь полустанок в давно запланированном походе, и мост, который она построила, должен быть разрушен. Доказательством самого существования этого моста стала поддержка России, которая немедленно бросилась на помощь Сербии. Позже на её защиту встали и Франция с Велико-

британией. Как и до этого, в маленькой стране встретились Восток и Запад, чтобы защитить не только права и свободы одного народа, но и мост, который их соединял.

Благодаря поддержке России, как и других великих держав, Сербия, хоть и была ослаблена предыдущими войнами, страдала от нехватки вооружения, вступила и в эту войну, будучи убеждённой, что выступает на стороне справедливости. Ведь бои велись исключительно на её территории.

В первом же сражении, когда Австро-Венгрия была заранее убеждена в победе, сербские войска на горе Цер нанесли ей поражение, одолев куда более многочисленную и лучше вооружённую армию. Однако Австро-Венгрия, отступая, оставила за собой огромное количество жертв среди мирного населения: женщин, стариков и детей. Это запечатлели военные фотографии, а ключевым доказательством является директива 9-го Австро-Венгерского корпуса: «Любая человечность по отношению к такому народу наносит нам ущерб. Строжайшему наказанию подвергнутся те, кто окажет им милость».

Сегодняшние попытки ревизии истории, нацеленные на то, чтобы обвинить Сербию в начале Первой мировой войны, автоматически направлены и на Россию, как на страну, которая первая её поддержала, вот почему так важно подчеркнуть участие в войне союзных сил, также выступивших в поддержку Сербии.

Итак, в последующих сражениях, которые велись в Сербии в 1914 году, участвовали русские, британские и французские солдаты, которые сыграли важнейшую роль в обороне Белграда.

Уже в 1915 году немецкие войска во главе с генералом Маккензеном напали на Сербию. В обороне Белграда на этот раз участвовало гораздо больше русских, британских и французских солдат, чем в 1914 году. Хотя битва за Белград и означала падение Сербии, немецкий генерал воздвиг памятник защитникам Белграда, восхитившись тем, как они сражались – до последнего человека.

Я хочу также напомнить, что Первая мировая война стала крупнейшей демографической катастрофой в истории Сербии. Каждый третий мужчина погиб, Сербия потеряла более четверти населения. Потери были бы ещё страшнее, если бы российский император Николай II не направил бы союзникам ультиматум, и память об этом хранит каждый серб.

Помня об участии российских войск, которые героически вступились за братскую страну, на чьей территории развернулись военные действия, помня о поддержке британских и французских частей, ревизию истории допустить нельзя.

Увы, в современном мире существует механизм мощной пропаганды, которая используется при выборе виновных по собственному усмотрению. Совсем недавно мы стали свидетелями того, как нейтральное государство, без всяких на то доказательств, обвинили в падении самолёта, которое произошло не на его территории.

Поэтому я убеждён, что задача историков заключается в том, чтобы доказательства и свидетельства были общественным достоянием, чтобы в будущем жертву не превращали в злодея и наоборот. В этом, на мой взгляд, заключается задача и сегодняшней конференции – историю должны писать не победители, а историки и правда должна быть их единственным критерием.

В конце своего выступления я бы хотел извиниться, что обращаюсь к вам не на русском. У меня пока что проблемы с акцентом, но уже в следующий раз я надеюсь выступать на русском языке.

Трубецкой А. А., исполнительный директор Ассоциации «Франко-российский диалог». Здесь поднимались научные темы, у нас обсуждались не менее важные темы – это поиск в музеях, в захоронениях на местах, где происходили бои, в Польше, Латвии, Литве и так далее. Подняли вопрос о том, как находить следы погибших, когда потомки ищут сведения о погибших родственниках.

Мне импонировала эта конференция тем, что мы очень правильно оценили важность Первой мировой войны и её уроки. Рассмотрели эти события через призму тяжёлых событий, которые мы переживаем в настоящее время. Хочу напомнить, что, обсуждая причины войны, мы, наверное, даже мало говорили о том, что немецкий генералитет давно уговаривал кайзера, пока Россия не окрепла срочно начинать войну. Это одна из крупнейших причин Первой мировой.

Хочу напомнить, что Владимир Иванович Якунин закончил выступление цитатой, что такие тяжёлые катастрофы могут существовать, пока мы не будем поручать решать вопрос о войне тем, кто отдаёт свою кровь и умирает. Пока за них решают вопрос, проблемы могут продолжать возникать.

Также хотелось бы напомнить о том, что сказал господин Тьерри Мариани: «чтобы хорошо уметь выиграть войну, надо уметь выиграть мир».

Петров Ю. А. Наша дискуссия охватывала разные аспекты, глобалистские схемы мирового развития в связи с экономическими кризисами, с концентрацией связей в деловом мире, с интересными, хотя, на мой взгляд, не бесспорными, политологическими схемами.

Это говорит о том, что Первая мировая война является таким начальным шагом XX столетия, который будет и в дальнейшем привлекать к себе внимание даже без юбилеев.

Были обозначены интересные темы: революция и война, – в какой они находятся взаимосвязности. Была ли Россия «беременна революцией», и война ли послужила толчком к ускорению этого или можно было избежать фатального сценария. Эти темы до сих пор на повестке дня. Очень интересные данные были о российских беженцах, пленных в России, о демографических сдвигах в российском обществе под влиянием войны. О том, как война подтолкнула этнические конфликты, как великие державы, сами того не желая, разыгрывали этническую карту между собой, не видя, что в этом таится смертельная опасность. Военно-дипломатические аспекты, военные аспекты – здесь Мировая война предстала довольно всеобъемлюще.

Думаю, многие в этом зале станут авторами новых трудов, посвящённых Первой мировой войне, которые стоит подготовить к столетию её окончания. Мы с вами только в начале пути, через 4 года исполнится 100 лет окончания войны. Я думаю, что сегодняшний форум – это хороший посыл на дополнительные исследования, результаты которых, я думаю, мы увидим через несколько лет.

Мы завершаем работу форума.

Итогом нашей работы должно быть принятие меморандума.

Меморандум Международного научно-общественного форума «Великая война. Уроки истории» Москва, 31 июля 2014 года

Опираясь на осмысление уроков Первой мировой войны и осознавая угрозу новой военной эскалации в современном мире, участники форума обращаются с призывом ко всем людям доброй воли об оказании противодействия тенденциям, ведущим человечество к новым катастрофам. Особо мы обращаемся к политикам, государственным деятелям разных стран мира, от которых напрямую зависят решения о вступлении народов в войну или о заключении мира. Трагедия столетней давности показывает, как безответственные перед судьбой человечества политические шаги делают войну неотвратимой.

Как сто лет назад, так и теперь наблюдается стремительный рост ксенофобии, конструируются образы этнического врага. «Горячие точки» конфликтов идентичностей, равно как и столетием ранее, покрыли карту мира. Любой из них может детонировать глобальную катастрофу.

Раскрытие протистественной природы войны не должно затемнять подвига, проявленного солдатами, офицерами, генера-

лами, гражданским населением. Ошибочным следует признать подход, при котором из определения империалистического характера Первой мировой войны следовала девальвация и забвение героизма её участников.

У каждого из участников войны было своё Отечество, которое он защищал, и каждая из стран должна хранить память о своих героях. Важно констатировать, что патриотизм относится сам по себе к высшим ценностям человечества вне зависимости от того, является ли он патриотизмом российским, французским или немецким. Забвение в отношении героев истории разных стран и народов должно быть преодолено. Необходимость снятия печати забвения, а зачастую и необходимость реабилитации существует в отношении многих героев Первой мировой войны.

Сохранение исторической памяти, обеспечение преемственности столетней истории 1914–2014 годов предполагает проведение широкой просветительской работы, открытие мемориалов и памятников, создание художественных, в том числе кинематографических работ, осуществление научных исследований, посвящённых Великой войне. Особое внимание следует уделить вопросам истории Первой мировой войны в образовательных, в том числе школьных программах. Поэтому другим важным адресатом нашего обращения является сообщество историков, всех – от профессионалов до любителей, интересующихся прошлым. Современные вызовы возлагают на них миссию донести уроки Первой мировой войны до современного человечества, предостеречь от повторения военного сценария.

Участники форума отдадут дань памяти всем жертвам войн в истории человечества, включая жертвы Первой мировой войны. С особым прискорбием мы констатируем, что из-за военных конфликтов современности список жертв продолжает пополняться.

Международным пактом о гражданских и политических правах (1966 г.) устанавливается «запрет пропаганды войны и выступлений в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющих собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию». Декларация о праве народов на мир (1984 г.) обязывает все государства-члены ООН проводить политику по обеспечению права народов на мирную жизнь и устранение самой угрозы войны.

Поэтому мы призываем придать реальную силу принятым на уровне Организации Объединённых Наций постановлениям, направленным на противодействие военной эскалации, и надеемся, что международное сообщество будет предельно требовательно в реализации указанных решений ООН.

Раздел II. Россия в Первой мировой войне

В. В. Шелохаев,

*доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института
российской истории РАН*

Первая мировая война в оценках российской либеральной интеллектуальной элиты

К Первой мировой войне было приковано внимание выдающихся русских философов, учёных и политиков, разделявших либеральные мировоззренческие ценности и предлагавших вниманию общественного мнения своё видение настоящего и послевоенного мироустройства, места и роли в нём России. Обращаясь к анализу кризисного состояния, в котором в результате начавшейся войны оказалась европейская культура, философы либеральной ориентации делали акцент на необходимости «каждому народу осознать себя и своё положение в мире не только материально, но и духовно». По мнению Н. А. Бердяева, война должна рассматриваться как «духовный феномен» и оцениваться как «факт духовной действительности». Суть проблемы Бердяев видел в том, что Европа уже давно «превратилась в огнедышащий вулкан, прикрытый поверхностным и обманным покровом мирной буржуазной жизни. Европейский мир был лживый, иллюзорный мир, за ним скрывалась исступлённая вражда и ненависть, отвратительная корысть. Мир охранялся милитаризмом, который, как вампир, сосал кровь народов». Именно глубинные противоречия европейской жизни обусловили, по его мнению, «странный парадокс: европейский мир означал царство милитаризма, и лишь война могла быть освобождением от его невыносимого ига»¹.

Носительницей милитаризма на европейском континенте, по мнению Бердяева, являлась Германия, которая уже давно держала весь мир в напряжении, принуждала страны, не имеющие никаких воинствующих и завоевательных наклонностей, содержать огромные армии, напрягала все свои силы для защиты против угрозы германизма. «Агрессивный пангерманизм, жаждущий мирового господства, – подчёркивал он, – означает перманентное царство милитаризма, это – занесённый над миром кулак, варварская сила,

¹ Бердяев Н. А. Война и возрождение // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. Т. 3. Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению. М., 2014. С. 27–28 (в последующем сноски делаются на данный сборник).

угрожающая культуре»². Пангерманизм, подчёркивал Бердяев, представлял собой вечную угрозу для славянства, для его существования и будущего. Так как Россия, продолжал он, «великая выразительница славянской расы и славянского духа», то «всемирно историческая расовая вражда» привела к роковой распре между Германией и Россией. Этот роковой вопрос, по мнению Бердяева, мог быть решён в дихотомии: либо победу одержит «дух России», либо «дух Германии», только один из них «должен господствовать в мире». Согласно этой логике, столкновение двух духовно противоположных рас: германской (по духу завоевательной и претендующей на мировое господство), и славянской (не завоевательной, духу которой «свойственно скорее защита и бескорыстная жертва») было исторически неизбежно. Поэтому война России против Германии, подчёркивал Бердяев, есть война за мир, за освобождение от гнёта германского империализма. При этом Россия «призвана и избрана охранить не только славянство, но и весь культурный мир от германской опасности, обращённой всем народам своим варварским ликом». Победа над германским милитаризмом, считал Бердяев, приведёт к освобождению России и «от внутренней неметчины» и позволит, в конечном счёте, «создать государственность, более согласную с духом русского народа»³.

Чтобы решить эту главную «моральную задачу», которая стоит перед Россией, ей следует «проявить великую воинственность, воинскую готовность, воинскую доблесть не во имя цели воинственно-завоевательной, а во имя мира для всего мира, объединения всего славянства, во имя защиты и охраны справедливости». Такая «праведная война» позволит «разрядить злые страсти» и в результате «зло дойдёт до самоизобличения и самоотрицания». Обращая внимание на диалектический характер войны, Бердяев писал: «Война – страшное зло, но не только зло, она двойственна, как и многое на свете. В войне выковывается характер народов, крепнет мужество духа, её испытания и жертвы полагают предел изнеженности и размягчённости, буржуазной сытости и спокойствию, личному и семейному эгоизму. Но существеннее всего то, что мировая война должна показать народам невозможность войн»⁴. Считая, что война России с Германией является духовным продолжением войны 1812 года, Бердяев был убеждён в том, что она должна «привести к возрождению России и мира», «к религиозному углублению жизни, к проникновению в её таинственный смысл, к движению от поверхности вглубь». Через испытания вой-

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 30, 31.

ны окончательно созреет характер русского народа «для более свободной жизни». Одержав победу в войне, Россия «перестанет быть мачехой для тех народностей, которые в час опасности и несчастья единодушно признали её своей матерью»⁵.

Бердяев считал, что величайшая катастрофа, которой является Первая мировая война, способна «обновить и возродить русский характер», направить «русскую волю на великие дела». В отличие от русско-японской войны 1904–1905 годов, которая была чужда духу и историческим задачам русского народа, Первая мировая война, по его мнению, должна стать «войной народа, общества, а не только государства и правительства». Именно в таких войнах, подчёркивал он, «крепнет народ и общество», зреет их воля к освобождению и себя, и других от всех форм гнёта и социальной несправедливости. «Война, – писал он, – делает человека зверем и героем, варваром и могущественным, будит инстинкты самые низкие и самые высокие»⁶. Сопrotивление народов Европы против нашествия германизма показало, что «буржуазность не окончательно искоренила героический дух», «не разрушила ядра души западного человека, а коснулась только ещё его оболочек». Подчёркивая, что война – «есть явление духа, а не только столкновение вооружённых масс», Бердяев поставил кардинальной важности вопрос о формировании русского национального самосознания. Война, считал он, должна окончательно ввести Россию «в жизнь европейского человечества», ибо до этого момента «духовные силы России не стали ещё имманентны культурной жизни европейского человечества»⁷. На Западе ещё не «почувствовали, что духовные силы России могут определять и преображать духовную жизнь Запада, что Толстой и Достоевский идут на смену властителям дум Запада и для самого Запада и внутри него». В результате победоносного завершения войны, а в этом русский философ был убеждён, произойдёт, наконец, великое соединение Востока и Запада», а «творческий дух России займёт, наконец, великодержавное положение в духовном мировом концерте»⁸. Для осуществления этой своей великой миссии Россия, подчёркивал он, должна «проявить мужественный лик, изменить присущее ей соотношение между мужским и женским началом в русском народном характере», раскрыть свои духовные потенции, выявить свой «пророческий дух», взять на себя миссию освободительницы народов.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Бердяев Н. А. О дремлющих силах человека / Там же. С. 43.

⁷ Бердяев Н. А. Душа России. Там же. С. 150.

⁸ Там же. С. 151.

Большое внимание анализу духовной природы Первой мировой войне уделял С. Н. Булгаков. Так, в статье «Война и русское самосознание» им был так же сделан акцент на критике мещанской европейской жизни, ибо, по мнению автора, «мещанство есть постоянная угроза и изнанка высокой цивилизованности»⁹. Среди европейских стран, считал Булгаков, Германия являлась самой мещанской страной, заражённой идеями лжемиссианизма. Одна из духовных и моральных задач Первой мировой войны заключалась в снятии с лица Европы «плесени мещанства», в пробуждении у неё прежнего рыцарского средневекового духа. Эту задачу и должна была выполнить Россия, одержав победу в войне. «Без России, – писал Булгаков, – и сама Европа не может стать настоящей Европой, достигнуть своего предназначения». Вместе с тем он подчёркивал: «Однако это единение возможно только на основе признания глубочайшего различия между Россией и Западной Европой, прежде всего как различия между православием и иными формами христианства»¹⁰.

По мнению Булгакова, война означает «новый великий этап в истории русского самосознания». Согласно булгаковской логике, «западничество религиозно-утопическое и идолопоклонническое должно уступить своё место западничеству реально-историческому, а это значит, что должно совершиться духовное возвращение на родину, к родным святыням, к русской скинии и ковчегу завета». В результате «варварская» Россия спасёт Европу от неё самой, – духовно». Чтобы это осуществилось, Европе, по мнению Булгакова, следует «сменить духовную ориентировку» с материалистической и мещанской на религиозную. Этот процесс смены «ориентировки» и должна осуществить Россия. «Россия, – писал Булгаков, – должна явить миру Святую Русь, ибо последняя необходима для мира и судеб человеческих»¹¹. В наступающей новой исторической эпохе определяющая роль будет принадлежать славянству во главе с Россией.

Раскрытию духовного смысла войны большое внимание уделили философы И. А. Ильин и С. Л. Франк. Подчёркивая мысль о том, что война имеет духовное оправдание, Ильин писал: «Война есть деяние не только тела, но и души; не только тела и души, но и духа... Война получает значение всеобщего духовного пожара, и нет сил, которые могли бы победить такой народ»¹². Подчёркивая мысль, что война не только «духовное испытание» и «духовный

⁹ Булгаков С. Н. Война и русское самосознание (Публичная лекция). Там же. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ Там же. С. 89, 94.

¹² Ильин И. А. Духовный смысл войны. Там же. С. 188.

суд», но, прежде всего, «духовный подвиг», Ильин акцентировал внимание на том, что война ставит перед человеком во весь рост проблему личной ответственности в узком и широком смысле слова: перед собой, перед семьёй, перед обществом. По его мнению, может быть оправдана только «духовно-оборонительная», «народная» война, которая определяется творческой деятельностью народа как в самом её ходе, так и после её окончания. В этом смысле война представляет духовный подвиг и может быть этически и морально оправдана.

Считая задачу идейного оправдания войны одной из самых трудных историко-философских проблем, Франк, не соглашаясь с Булгаковым и В. Ф. Эрном, отмечал, что для её решения необходимо найти такие основания, которые «были бы обязательны для всех», а не для одной из сторон. «Мы, – писал Франк, – должны понимать эту войну не как войну против национального духа нашего противника, а как войну против злого духа, овладевшего национальным сознанием Германии, и – тем самым – как войну за восстановление таких отношений и понятий, при которых возможно свободное развитие всеевропейской культуры во всех её национальных выражениях... Война идёт не между Востоком и Западом, а между защитниками права и защитниками силы, между хранителями святынь общечеловеческого духа – в том числе и истинных вкладов в него германского гения – и его хулителями и разрушителями. Лишь в этом сознании можно обрести истинное оправдание великой европейской войны»¹³.

Отвечая на ещё А. И. Герценом поставленный вопрос: откуда в Европе взялся «Чингисхан с телеграфами?», Франк считал, что ответ на него следует искать на пути «постижения существа германского духа», а для этого надо понять: «Как народ мечтателей и мыслителей стал народом 16-дюймовых мортир? ... Ведь чудовищная техника немецкого милитаризма есть сама плод напряжённой мечты и мысли целого народа». В Германии, по мнению Франка, произошла перемена: «вместо царства духа и свободы», о которых мечтали Кант и Шиллер, конечной целью стало «военное и хозяйственное могущество». В свою очередь, эта перемена коренным образом изменила характер «мечтаний и мыслей», немцы стали практичными. Однако в этой новой форме, считал Франк, продолжают действовать «те же силы ума и духа, что и в идеальном типе прошлого». «Военное могущество немцев, – продолжал он, – не могло быть осуществлено без огромного напряжения нравственной воли нации», немцы стали безнравственными и циничными в достижении своих целей, что, однако,

¹³ Франк С. Л. О поисках смысла войны. Там же. С. 69.

не опровергает наличие нравственной энергии и воли, направленной, однако, на разрушение». Обращая внимание на немецкую организацию всей страны «как бы в единый гарнизон крепости», Франк подчёркивал, что «немецкие успехи суть «успехи категорического императива» Канта – живые образцы того, на что способна нация в самом отчаянном, опасном положении, когда она действительно хочет осуществлять то, что она считает своим долгом». Немцы, продолжал он, действуют по принципу: интересы нации «суть верховная, высшая инстанция, перед которой должен склониться всякий «закон» – нравственный и правовой». В результате все действия немцев подчинены идее целесообразности: «Единая воля, воля служения именно государственному механизму, не только фактически управляет действиями людей, но и всецело овладела их мыслями и нравственным сознанием». В результате в Германии возникло «сочетание высокой духовной культуры с духовной варварской первобытностью. Немецкая практичность и немецкая культура оказались «привитыми» к «крепкому и грубому стволу основной физико-психической энтелехии германской нации». «Государственный утилитаризм на почве практического материализма, – писал Франк, – есть самое точное определение современного немецкого умонастроения»¹⁴. Тем не менее, делает общий вывод Франк, духовный упадок в Германии налицо.

Понимание глубинных процессов, имевших место в Германии, позволяет, по мнению Франка, осмыслить задачи, которые стоят перед русским национальным самосознанием. Главная из этих задач состоит в ответе на кардинальный вопрос: «победит ли Россия в себе самой «восток Ксеркса» «востоком Христа». От этого зависит, считал Франк, «её победа над германским язычеством, и, следовательно, и сама возможность для неё достойного национального существования». «Мы должны лишь сказать: это наше нравственное возрождение должно быть нами осуществлено, и поэтому может быть осуществлено. Пока жива нация, жива и её свободная воля. Веруя в себя, мы должны верить во всемогущество нашей свободной, сознающей себя нравственной воли. Нужно только твёрдо помнить, что всякое внешнее напряжение действенной воли предполагает внутреннее её напряжение в деле самоочищения и самоукрепления, и что осуществление победоносных начал добра и правды в нашей жизни есть не дело каких-либо стихийных, нравственно-безответственных социальных или политических сил и зависит не от случайностей в ходе политической

¹⁴ Франк С.Л. О духовной сущности Германии. Там же. С. 194–195, 196, 200.

игры партий, а лежит на личной ответственности каждого из нас, как дело нашей личной совести»¹⁵.

Против толкования природы Первой мировой войны с позиций иррационализма и апокалиптизма выступил и А. С. Изгоев. «Смешно говорить, – писал он, – о крахе старой европейской цивилизации и замене её новой славянской... Смысл и величие этой борьбы в том и выражается, что культурно отсталая Россия с развёрнутым славянским знаменем идёт в ногу с культурнейшими странами старой Европы в деле освобождения мира от германского бронированного кулака. Россия не только не собирается смести западную цивилизацию и заменить её своей самобытной славянской. Россия вводит славянство и все остальные десятки своих народов в основное русло европейской культуры»¹⁶. Перед Россией, считал Изгоев, стоят две диалектически связанные проблемы: во-первых, сокрушить германский милитаризм, а, во-вторых, осуществить коренные внутренние преобразования. Выполнение этой двуединой задачи позволит двинуть далеко вперёд «демократизацию человеческой жизни, облегчить положение низших классов и, урезав верхи, поднимет к верху общественные низы».

Подвергнув критике славянофильскую и социалистическую точки зрения о гибели в Первой мировой войне западно-европейской культуры, Изгоев писал: «Возрождение наивных мечтаний простодушного утопического социализма в особенности характерно тем, что оно совпало с резким идейным кризисом единственно серьёзного, недавно казавшегося столь могущественным, социалистического движения: социал-демократического», которое проповедовало идеи интернационализма и заявляло, что «пролетариат не допустит европейской войны. Все социал-демократы стали националистами. Социалистическая идея обанкротилась». Война, подчёркивал Изгоев, выявила новые тенденции к обобществлению хозяйственной жизни, которые, однако, не подрывают основ частной собственности, которая продолжает оставаться «двигателем прогресса, возбудителем к работе и предприимчивости, собирателем человеческой энергии». Частная собственность, делает общий вывод Изгоев, как была, так и останется фундаментом современной европейской культуры. Вместе с тем это не исключает, а наоборот, предполагает, подчёркивал он, наличие второй тенденции, которая выражается в том, что «человечество идёт к строю демократическому, к хозяйству союзному, к ослаблению социальных неравенств»¹⁷.

¹⁵ Там же. С. 206.

¹⁶ Изгоев А. С. На перевале. Перед спуском. Там же. С. 33.

¹⁷ Там же. С. 35.

Отвечая на вопрос: что вносит Россия в сокровищницу мировой истории, Изгоев писал: «Мы несём с собой правду и совесть, возмущившиеся против господства в мире бронированного кулака силы над правом. Кровью своей мы дали человечеству свободу и возможность жить мирным трудом, не боясь наглого хищника, в середине Европы создавшего свой вооружённый лагерь, как в средние века феодалы-разбойники строили свои замки на перепутьях грабежа караванов. Как самая могущественная часть славянского племени русская народность становится вождём всего славянства, его духовным центром и прибежищем. А чтобы одержать решительную победу в войне, в России как никогда важно осушить полное слияние власти с обществом, с народом»¹⁸.

Примерно в том же русле развивали свои идеи о природе Первой мировой войны Г. А. Ландау, С. А. Котляревский, кн. Е. Н. Трубецкой, которые так же делали акцент на единстве общечеловеческой культуры. Так, Котляревский писал: «Победа над германизмом не есть победа над европейской культурой, а её углубление и очищение»¹⁹. Отвечая на вопрос: почему культурная Германия развязала войну, Котляревский акцентировал внимание на ряд факторов: абсолютная самодовлеющая роль государства; стремление к национальной и религиозной исключительности, социальный эгоизм, стремление к мировой гегемонии.

Идея о том, что Россия является освободительницей народов, красной нитью проходит через цикл статей кн. Трубецкого «Смысл войны». В них не только даётся теоретическое обоснование исторической миссии России в Первой мировой войне, но и содержится ряд практических задач, в частности, и такой задачи: «русский национальный и государственный интерес требует всеобщего освобождения народностей, всеобщего их раскрепощения». Подчёркивая, что выполнение этой задачи не должно противоречить единству и целостности России, кн. Трубецкой отмечал, что речь должна идти об «освобождении всех народов вообще» без «различия племени и вероисповедания»²⁰.

Сугубо рационалистический анализ природы Первой мировой войны содержится в статье П. Н. Милюкова «Происхождение войны». Выявляя глубинные причины, почему Европа превратилась в пороховой погреб, Милюков видит их «в неотвратимых столкновениях интересов различных национальных организмов», в том, что главный виновник войны Германия, поздно пришедшая «к дележу пирога», заявила о своих претензиях занять «место под

¹⁸ Там же. С. 39.

¹⁹ Котляревский С. А. Война. Там же. С. 42–43.

²⁰ Трубецкой Е. Н. Смысл войны. Там же. С. 47–63.

солнцем». Милоков дал содержательный анализ внутреннего положения Германии (рост численности населения, урбанизация, гонка вооружений, идеи мессианизма, расовое превосходство, национализм, народная психология, подготовка к войне общественного мнения), которая своей агрессивной политикой спровоцировала мировую войну. Милоков на основе анализа разного рода источников убедительно раскрыл причины Первой мировой войны, показал расстановку в ней воюющих сторон, их цели и задачи, что было крайне важно для объективного формирования общественного мнения в России²¹.

В работах барона С. А. Корфа и В. М. Гессена поставлен кардинальной важности вопрос: существует ли право войны? Выступая с резкой критикой тезиса германских идеологов «всё позволено, что содействует целям войны», Корф и Гессен убедительно доказали, что право войны является частью международного права. В логике именно такой постановки проблемы важнейшей целью войны должно было стать «утверждение на незыблемой основе господства права». Развивая эту мысль, Корф сформулировал ряд базовых положений, которые до сих пор не утратили своего познавательного значения. Прежде всего, речь шла о «создании такого типа международных отношений, которые в своей совокупности гарантировали бы новый международный правопорядок от внешних и внутренних нарушений, и не только в мирное время, но и в период военных действий. Если же международному сообществу не удалось бы предотвратить вооружённый конфликт, то международное право, подчёркивал Корф, должно было стремиться внести «принципы гуманности в способы и приёмы ведения войны путём охраны раненых и больных, военнопленных и некомбатантов, запрещением или препятствованием наиболее варварских способов истребления врага и т. д.»²².

Вскрывая несостоятельность германского государственного права, признававшего международное право «постольку, поскольку», считавшего, что государство «свободно от международных обязательств» («клочок бумаги»), Корф настаивал на создании такой системы международного надгосударственного права, которое бы ограничивало «государственное всемогущество». Структурными элементами этой системы международного права, по его мнению, могли бы стать: международные мирные конференции, институт нейтральных государств, международные суды, ограничение применения определённых видов вооружения, разработка правовых норм ведения сухопутной и морской войны. Подводя

²¹ Милоков П. Н. Происхождение войны. Там же. С. 119–150.

²² Корф С. А. Современная война и международное право. Там же. С. 212.

итог своим размышлениям, Корф советовал будущим государственным деятелям, на долю которых выпадет заключение мира, озаботиться созданием таких условий и предпосылок, которые в своей совокупности обеспечили бы эффективность международного права, ставшего непреодолимым барьером на пути развязывания новой мировой войны.

Исследовательского внимания заслуживают комплекс идей, сформулированных крупным отечественным правоведом Ф. Ф. Кокошкиным. Подчёркивая принципиальную неприемлемость, предлагаемого Германией пути организации Европы и мира, Кокошкин показывал преимущества британской организации мирового порядка, основанного на прочном политическом объединении государств, сохраняющих свою внутреннюю самостоятельность. «Внутри Британской империи, – отмечал Кокошкин, – можно наблюдать не только различные формы государственного устройства, но и различные виды сложных государств. Австралия и Канада представляют собой федерации, состоящие из штатов, и внутреннее устройство Южной Африки тоже близко подходит к федеративному. Некоторые крупные колонии, как, например, Австралия, имеют владения, подходящие под тип колониальных, и в числе таких зависимых владений есть даже одна маленькая федерация». Обращая внимание на разнообразие политического устройства в Британской империи, Кокошкин отмечал «величайшее разнообразие содержания политической жизни». «И всё это огромное и пёстрое разнообразие государственных форм, законодательств, обычаев, нравов, систем управления, – подчёркивал он, – совмещается в пределах одного сложного политического целого. И в критический момент великой международной борьбы это целое не только сохраняет, но и увеличивает свою внутреннюю сплочённость». Показывая принципиальные различия между претензией Германии организовать новый мировой порядок на основе своего политического мирозерцания, и гегемонией Англии в Британской империи, Кокошкин подчёркивал: «Германия шла от равенства к гегемонии, от германского союза и индивидуализма 1848 г. к военной олигархии. Британская империя, напротив, идёт от гегемонии к равенству»²³. Анализ диаметрально противоположных типов организации будущего мирового порядка, предложенные Германией и Англией, даёт, по мнению Кокошкина, убедительный ответ на вопрос о том выборе, который предстоит сделать народам после окончания Первой мировой войны. Германский тип организации Европы ведёт к милитаризму и войнам, британский тип – к международному миру. Британский

²³ Кокошкин Ф. Ф. Германия, Англия и судьбы Европы. Там же. С. 284.

тип представляет собой «наилучший фундамент для здания организации Европы, построенного на начале равноправия народов, иначе говоря – для здания будущей европейской конфедерации»²⁴.

Больше внимания в трудах российских интеллектуалов уделено проблеме итогов – «приза» войны, который должна получить Россия в случае её победоносного завершения. В наиболее концентрированном виде территориальные притязания либеральной оппозиции нашли своё отражение в программной статье Милюкова «Территориальные приобретения России». Их можно свести к следующему:

– присоединение к России и объединение в этнографических границах русских народностей Галиции и Угорской Руси;

– освобождение и объединение в этнографических границах Польши, предоставление ей автономии в составе Российской империи;

– приобретение в «полное обладание» Россией проливов Босфора и Дарданеллы с «достаточной частью прилегающих берегов», а также Константинополя;

– объединение в этнографических границах Армении под протекторатом России²⁵.

По мнению либеральных идеологов и политиков, решение внешнеполитических задач в результате победоносной войны позволит укрепить стратегические позиции России в мире, усилить её экономическое и политическое могущество, а также защитить интересы малых, прежде всего, славянских народов, покончить, по выражению Милюкова, «с господством сильного над слабым». Россия вместе с другими странами Антанты должна была в ходе войны осуществить свою освободительную миссию, открыв путь народам к принципиально иной международной организации Европы.

Наряду с военно-политическими вопросами Первая мировая война, считали либералы-интеллектуалы, должна была решить целый комплекс экономических проблем: освободить внутренний рынок от «германского засилья», ликвидировать германскую посредническую торговлю, пересмотреть русско-германский торговый договор. Исходя из посылки, что «всякая война не может не вызвать глубоких расстройств народного хозяйства», М. И. Туган-Барановский выделил два рода факторов, которые самым непосредственным образом влияют на состояние разных типов народнохозяйственных организмов. Во-первых, «финансирование войны требует очень крупных расходов со стороны воюющего го-

²⁴ Там же. С. 281.

²⁵ Милюков П. Н. Территориальные приобретения России. Там же. С. 256–268.

сударства – народное хозяйство соответствующей страны должно тем или иным способом покрыть эти расходы путём соответствующего вычета из народного богатства». Во-вторых, война приводит к нарушению внутреннего и международного обмена, вызывает «потрясение кредитного механизма», ведёт к «отвлечению рабочих сил страны от производственных функций», сокращает производство. По мнению Туган-Барановского, эти два фактора по-разному проявляются в странах с различными типами экономик. В странах с развитыми экономиками (Германия и Англия) издержки войны покрываются легче, чем в странах с менее развитыми экономиками, прежде всего, в аграрных странах. Однако в странах, в которых преобладает натуральный способ производства, разрушительные действия войны оказывают меньшее влияние на расстройство её денежного обмена²⁶. На основании этих теоретических посылок Туган-Барановский пришёл к следующему выводу: «Мы можем с полной уверенностью утверждать, что война не нанесла тяжёлых ударов нашему народнохозяйственному организму, который переносит тяжесть войны без расстройства своих основных жизненных функций, сохраняя всю свою жизнеспособность и составляя в этом отношении разительный контраст с тем, что мы видим в Германии»²⁷.

В свою очередь, М. И. Фридман ту же проблему рассмотрел в двух аспектах: во-первых, показал состояние государственного бюджета; во-вторых, наметил пути его пополнения в связи с отменой винной монополии. Давая сравнительный анализ формирования бюджета и его распределения в Германии и Англии, автор, выявляя процедурную «законодательную специфику» формирования и распределения бюджета в России, в том числе и финансирование войны, предлагал реализовать ряд конструктивных мер (введение подоходного налога, налога с наследств), которые в определённой степени могли бы смягчить сложную финансовую ситуацию. Вместе с тем Фридман высказался против расширения разного рода государственных монополий, сужающих «круг выгодных занятий для населения», способствующих увеличению власти «над отдельными гражданами, прибавляя к политическому господству экономическое, что может иметь вредные и политические, и экономические, и социальные последствия». По мнению автора, причина несовершенства финансовой системы России «находится не столько в субъективных условиях отсутствия таланта и доброй воли у руководителей финансового ведомства и даже не в тормозах

²⁶ Туган-Барановский М. И. Влияние войны на народное хозяйство Англии и Германии. Там же. С. 323.

²⁷ Там же. С. 326.

социально-политического характера, а гораздо глубже, – в объективном положении вещей в сфере народного хозяйства». Поэтому на первое место в качестве основной стратегической задачи экономического и финансового развития России, подчёркивал автор, должно стать «развитие производительных сил страны и поднятие народного благосостояния»²⁸.

В той же логике развивал свои мысли А. И. Шингарев, наметивший обширный план реформирования финансово-экономической системы в послевоенный период. Помимо магистральной задачи – подъёма производительных сил России, он предлагал широко привлекать иностранный капитал. Кроме того, необходимо для развития производительных сил привлечь науку, повысить уровень образования в стране, что позволило бы «выявить новые творческие силы свободного русского народа, вооружить его техническими сведениями и научным опытом». По мнению Шингарева, важным стимулятором в развитие производительных сил страны должно было стать «разумное, планомерное и закономерное разрешение земельного вопроса в интересах трудящихся земледельцев, соединённое с широкой государственной помощью повышению уровня сельского хозяйства и увеличению производительности сельскохозяйственного труда». Учитывая огромные природные ресурсы, наличие «талантливого и трудолюбивого» населения, Россия, при наличии «разумной государственной политики», преследующей «благо не отдельных классов и групп, а всего народа, может довольно быстро преодолеть военную разруху и занять лидирующие позиции в мире»²⁹.

По мнению выдающегося отечественного учёного и естествоиспытателя В. И. Вернадского, Первая мировая война по своим последствиям является явлением более широким и масштабным, чем было внесено «в человеческую жизнь 1789 годом и его грозными отголосками». По сути, война открывает собой новую эпоху «величайшей научной революции», она стимулирует развитие, прежде всего, естественных и технических наук, ориентированных на разработку новых типов вооружений, меняет всю систему организации науки, порождает новые отрасли научного знания. Вернадский отмечал, что и после окончания Первой мировой войны, и победители, и побеждённые будут продолжать направлять «свою мысль на дальнейшее развитие научных применений к военному и морскому делу». А если это так, то «новая война встретится с такими орудиями и способами разрушения, которые оставят далеко за собой бедствия военной жизни 1914–1915 годов». Что-

²⁸ Фридман М. И. Война и государственное хозяйство России. Там же. С. 350, 352.

²⁹ Шингарев А. И. Финансы России во время войны. Там же. С. 369.

бы избавить человечество этой дурной бесконечности, Вернадский считал необходимым немедленно приступить к организации «охранительной работы научной мысли». Суть этой проблемы сводилась к тому, чтобы объединить усилия научных организаций и отдельных учёных и направить их на «защитительную работу» против «разрушительных сил войны». «Несомненно, – подчёркивал Вернадский, – по мере дальнейшего роста разрушительной научной техники охранительная и защитительная сила научного творчества должна быть выдвинута на первое место для того, чтобы не довести человечество до самоистребления». По его мнению, следует попытаться «противопоставить разрушительным созданиям человеческой воли и мысли такие технические средства защиты, которые были бы неуязвимы для орудий разрушения или которые делали бы ничтожными и малочувствительными результаты разрушительной военной техники»³⁰.

Отмечая важность политических и правовых методов предупреждения и разрешения международных вооружённых конфликтов, Вернадский выделял мысль о том, что наряду с ними наука также может стать «мировой культурной силой», способствующей развитию и укреплению мирных международных отношений. Подчёркивая общечеловеческий и интернациональный характер науки, Вернадский призывал мировое учёное сообщество активно включиться в борьбу против милитаризма. Одновременно он настаивал на необходимости расширения научной организации отечественных учёных, которые должны активно включиться в решение важнейшей научной задачи: произвести учёт производительных сил России. «Мы, – писал Вернадский, – должны знать, что имеется в недрах и на поверхности нашей страны, должны уметь их технически использовать. И то и другое невозможно без самого широкого научного исследования и без большой, частью предварительной, исследовательской работы». Для этого крайне важно, чтобы государство и частный сектор экономики активно включились в финансирование науки. Намечая перспективу развития отечественной науки в послевоенный период, Вернадский писал: «После войны 1914–1915 годов мы должны привести в известность и в учёт естественные производительные силы нашей страны, т. е. первым делом должны найти средства для широкой организации научных исследований нашей природы и для создания сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов, которые дадут опору росту нашей творческой силы в области технического использования данного нам природой богатства. Это не менее необходимо, чем улучшение условий

³⁰ Вернадский В. И. Война и прогресс науки. Там же. С. 372, 373.

нашей гражданской и политической жизни, столь ясно сознаваемого всей страной»³¹.

Созвучные с Вернадским мысли высказал и крупный отечественный историк Н. И. Кареев, также подчёркивавший интернациональный и общечеловеческий характер мировой науки и наметивший перспективы её развития в послевоенный период. По мнению Кареева, следует создать все необходимые условия для развития отечественной науки, коренным образом изменив подготовку кадров учёных, сделав так, чтобы «русская наука не отставала от западной, чтобы в наших высших школах молодёжь находила всё то, что дают заграничные учебные заведения». Приведя известное высказывание А. С. Пушкина – «На поприще ума нельзя нам отставать», Кареев подчёркивал важность критического заимствования западного научного опыта, который должен войти «в наш национальный синтез общечеловеческих истин»³².

В свою очередь, С. Ф. Знаменский наметил систему мер, которые в совокупности должны были привести к реформе отечественного образования как целого. По его мнению, стране «нужны не только штыки и руки, но штыки и руки просвещённые», автор настаивал на демократизации школы, на введение всеобщего обязательного образования и создание «цепочки» непрерывного обучения (начальная, средняя, высшая школа), на подготовке необходимого числа учительских кадров, на коренном пересмотре финансирования образования. Ратуя за создание единой системы образования в России, Знаменский подчёркивал, что школа «должна открыть дорогу для талантов из народа», ибо «талант – национальная собственность, национальный капитал». «Те, – продолжал он, – кто позван умирать в борьбе за свою страну, вправе рассчитывать, что их дети могут подняться по ступенькам социальной лестницы». Большое внимание Знаменский уделил постановке внешкольного образования (вечерние и воскресные классы для взрослых, народные дома, музеи, библиотеки), что позволяло тем, кто по каким-либо причинам не мог получить обычное школьное образование, получить внешкольное образование, а это, в конечном счёте, давало реальный шанс изменить свой социальный статус и материальное положение. По мнению Знаменского, следовало коренным образом перестроить не только всю систему образования, но и систему управления школой. Отстаивая либеральную идею децентрализации образования, он настаивал на том, что школа должна быть передана органам местного самоуправления, а в национальных регионах страны должна быть создана сеть национальных

³¹ Там же. С. 378.

³² Кареев Н. И. Мысли о русской науке по поводу теперешней войны. Там же. С. 385.

школ, в которых, наряду с государственным русским языком, преподавание могло бы вестись и на национальных языках. Делая общий вывод, Знаменский писал: «будущая школа должна быть школой действия», она должна, прежде всего, «содействовать возможно большему развитию духовных и телесных сил учащихся»³³.

Как видим, представители либеральной интеллектуальной элиты сумели за текущей и не всегда приглядной военной повседневностью, разглядеть контуры послевоенной России, наметить, каждый в своих сферах, пути её общественного переустройства. Иными словами, с победоносным исходом Первой мировой войны либеральные идеологи и политики связывали дальнейший духовный, политический, экономический, социальный, научный и культурный прогресс своей страны, перспективу укрепления её международного положения, сближение со странами западной демократии.

Однако самым «твёрдым орешком» для либералов-интеллектуалов в период Первой мировой войны продолжала оставаться традиционная проблема – взаимоотношение власти и общества. Если попытаться суммировать её суть, то она состояла в следующем. В самом начале войны либеральная оппозиция как целое высказалась в поддержку политики исполнительной власти. Так, выступая 26 июля 1914 года с трибуны Государственной думы, лидер кадетской фракции Милюков со всей определённой заявил: «В этой борьбе мы все за одно: мы не ставим условий и требований: мы просто кладём на весы борьбы нашу твёрдую волю одолеть насильника». Подобного рода «оптимистические прогнозы» как раз базировались, с одной стороны, на том, что война будет кратковременной, а с другой – на отсутствии полной и достоверной информации о готовности России к войне. Позиция Милюкова в начальный период войны всецело разделялась представителями всех направлений и течений в русском либерализме.

Однако по мере поражения русской армии и усиления оппозиционных и революционных настроений в обществе ситуация в рядах оппозиции стала меняться, что, в частности, выразилось в активизации деятельности общественных структур типа Всероссийских земского и городского союзов, Земгора, военно-промышленных комитетов, а также в создании в Государственной думе Прогрессивного блока. Так, подавляющее большинство думского Прогрессивного блока в период его формирования считало вполне достаточным ограничиться выдвиганием лозунга «министерства общественного доверия», которое включало бы, с одной стороны, умеренных представителей оппозиции, а с другой – либерально

³³ Знаменский С. Ф. Основные задачи в области образования. Там же. С. 399, 407.

ориентированных бюрократов. Лозунг «министерства общественного доверия» ни в коем случае не предусматривал какого-либо радикального политического переворота, и одновременно мог бы рассматриваться в перспективе в качестве «ступеньки» к созданию думского ответственного министерства. И лишь более радикальные представители блока типа И. Н. Ефремова и А. И. Коновалова считали этот лозунг недостаточным и настаивали сразу же на реализации требования создания ответственного министерства. Такой путь, по их мнению, более соответствовал бы общественным настроениям в стране. И, наконец, незначительная часть сторонников Прогрессивного блока типа А. И. Гучкова предлагала уже апробированный в России путь подготовки дворцового переворота.

Осенью 1916 года конфликт между исполнительной и представительной ветвями власти достиг точки кипения. Милюков, выступая с думской трибуны 1 ноября 1916 года, заявил: «Теперь мы видим и знаем, что с этим правительством мы так же не можем законодательствовать, как и не можем с ним вести Россию к победе». Однако Милюков был далёк от призыва к свержению правительства, оставляя право на борьбу с ним исключительно либеральной оппозиции. «Мы, – заявил он, – говорим этому правительству, как сказала декларация блока: мы будем бороться с вами; будем бороться всеми законными средствами до тех пор, пока вы не уйдёте... Вы спрашиваете, как же мы начинаем бороться во время войны? Да ведь, только во время войны они и опасны. Они для войны опасны, и именно поэтому во время войны и во имя войны, во имя того самого, что нас заставило соединиться, мы с ним и теперь боремся»³⁴. Своей речью Милюков задал тон для всех последующих думских выступлений ведущих лидеров либеральной оппозиции: С. И. Шидловского (1 ноября), И. Н. Ефремова и В. А. Маклакова (3 ноября). Так, В. А. Маклаков говорил: «Мы заявляем этой власти: либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна»³⁵. Именно в эти ноябрьские дни 1916 года лозунг создания «ответственного министерства» стал уже общим лозунгом всей либеральной оппозиции.

К началу 1917 года лидеры либеральной оппозиции осознали своё бессилие изменить ход политических событий в стране. В то время, когда требовалась решительная воля к активным действиям, они, по признанию Милюкова, вообще упустили из своих рук «руководство событиями», которое перехватили левые партии и организации. Либералам уже ничего не оставалось делать, как

³⁴ Милюков П. Н. Выступление в Государственной думе 1 ноября 1916 г. Там же. С. 446.

³⁵ Маклаков В. А. Выступление в Государственной думе 3 ноября 1916 г. Там же. С. 453.

продолжать вести словесную борьбу с правительством в стенах Таврического дворца и ждать того времени, когда «осенит» Николай II, и он даст согласие на созыв «ответственного министерства». Ожидания «осенения» продлились до Февральской революции, которая стихийной силой взбунтовавшихся народных масс, уставших от тягот войны, в одночасье смела трехсотлетний романовский режим.

Подводя итог вышесказанному, подчеркну, что в годы Первой мировой войны либеральная интеллектуальная мысль сублимировала в себе многомерную картину представлений о природе и характере этой мировой бойни. Вместе с тем в либеральной мысли получили отражение взгляды на будущую трансформацию страны в подлинно демократическое государство с развитой экономикой и инфраструктурой, с высоким уровнем жизни большинства народа, передовой системой народного образования, науки и культуры. Конечно, во многом это были всего лишь мечты, однако, мечты вдохновляющие на позитивные изменения в России и в мире, на реализацию глубинных личностных творческих потенциалов, на создание такого будущего мироустройства, в котором не будет больше катаклизмов наподобие Первой мировой войны. Какими же наивными оказались российские либералы. В недалёком будущем человечество ожидали куда более масштабные испытания.

А. А. Иванов,

*доктор исторических наук, доцент кафедры
русской истории Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена*

«Священное единение», «патриотическая тревога» и «штурм власти»: эволюция настроений российского парламента в годы Первой мировой войны (1914–1917)

19 июля (1 августа) 1914 года германский посол Ф. Пурталес вручил министру иностранных дел С. Д. Сазонову ноту с объявлением войны. На следующий день император Николай II призвал своих подданных «оградить честь, достоинство, целость России и положение её среди великих держав» и выразил надежду, что «в грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри, да укрепится ещё теснее единение Царя с Его народом»³⁶. Прини-

³⁶ Высочайший манифест о войне с Германией // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. Т. 1: Эволюция взглядов / отв. Ред. В. В. Журавлёв. М., 2014. С. 71.

мая в Зимнем дворце депутацию членов Государственного совета и Государственной думы, Николай II также обратился к ним с призывом выступить в единении с царём для защиты Отечества, что вызвало полное понимание парламентариев. Как вспоминал один из участников высочайшего приёма, «у многих на глазах были слёзы, все были взволнованы, у всех был радостный подъём духа»³⁷.

Вечером 26 июля 1914 года открылась однодневная чрезвычайная сессия обеих законодательных палат. Выслушав слова царского манифеста и отслужив торжественные коленопреклонённые молебны о даровании России победы, члены Государственного совета и Государственной думы приступили к заседаниям. Кворум был небывалый, а единение законодательной и исторической власти – полным. Дума несколько раз вставала как один человек с громогласным «ура!» во здравие императора. Слова председателя правительства И. Л. Горемыкина, призвавшего всех без различия партий сплотиться вокруг единого знамени, на котором начертаны «величайшие для всех слова «Государь и Россия»³⁸, были встречены дружной овацией и поддержаны в выступлениях руководителей фракций, за исключением осудивших войну социал-демократов³⁹.

Единение было невиданным, даже кадеты выступили сторонниками прекращения споров и защитниками Европы и славянства от немецкой угрозы, хотя именно они в апреле – мае 1914 года настаивали на полном отклонении бюджета как чрезвычайно милитаризированного. Колумнист «Нового времени» М. О. Меньшиков писал: «Левые так же единодушно кричали «ура», рукоплескали патриотическим девизам, восторженно пели «Боже, Царя храни»⁴⁰. Рупор правых газета «Земщина» сообщала на следующий день: «Никогда ещё древние стены Таврического дворца не видели ничего подобного. Это был истинный праздник русского патриотизма, это была грандиозная, захватывающая картина полного единения правительства и представителей народа в минуту грозной государственной опасности, заставившей забыть домашние разногласия и распри»⁴¹.

³⁷ Багалей Д. И. Исторический день 26 июля 1914 г. (Впечатления участника и очевидца). М., 1914. С. 13.

³⁸ Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской империи. 1906 Текущий документ не содержит источников. – 1917 г. М., 1998. С. 497.

³⁹ См.: Государственная дума. Созыв IV. Стенографический отчёт заседания Государственной думы, созванной на основании высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. Пг., 1914.

⁴⁰ Цит. по: Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 344.

⁴¹ Земщина. 1914. 27 июля.

Картина думского заседания была поистине впечатляющей: «Вместо прежней угрюмой отчуждённости, недоверчивости – злобного отношения одних групп к другим, взаимного непонимания – искренний, единоклубный и горячий патриотический подъём, – писал депутат-прогрессист князь С. П. Мансырев. – Ни одной фальшивой ноты в речах, всеобщие аплодисменты выступавшим ораторам, горячая готовность всех рука об руку добиваться победы и служить родине»⁴². Как отмечал член Государственного совета Д. И. Багалей, все были настолько вдохновлены царившим в Государственной думе единением, что даже возникла идея отпечатать думские выступления этого исторического дня тиражом в 1 млн. экземпляров для самого широкого распространения в обществе⁴³.

Для выражения царивших тогда в Думе чувств характерно поведение крайне правого депутата В. М. Пуришкевича. Желая показать обществу, что с началом войны для него перестали существовать партийные различия и счёты, стремясь поддержать объявленное «священное единение», Пуришкевич пошёл на примирение со своими оппонентами. Бывший единомышленник, а затем политический соперник Пуришкевича националист В. В. Шульгин вспоминал о встрече с ним в поезде по пути на экстренное заседание Государственной думы, посвящённое разразившейся войне: «С Владимиром Митрофановичем мы давно были в серьёзной размолвке, то есть попросту не кланялись. Причина безразлична, но это была острая размолвка. Когда я увидел его в конце коридора вагона, я не знал, что будет. Но я понял очень многое, когда он вдруг просто побежал ко мне с протянутой рукой и сказал: «Шульгин, война всё смыкает. Забудем прошлое!» Я пожал ему руку и дальше мы поцеловались в знак примирения»⁴⁴.

Но значительно больший общественный резонанс имело примирение Пуришкевича с лидером кадетской партии П. Н. Милюковым. Их противостояние было хорошо известно: в течение семи лет они демонстративно не замечали друг друга и при неизбежных встречах в Государственной думе не подавали друг другу руки (что по этикету тех лет грозило чуть ли не вызовом к барьеру). Но в условиях начавшейся войны, всеобщего единоклубия и патриотического подъёма Пуришкевич попросил депутата-октябриста М. Д. Калугина «познакомить», т. е. официально представить его депутату Милюкову, которого ещё не так давно награждал

⁴² Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе (1912–1917) // Историк и современник. Историко-литературный сборник. Берлин, 1922. Т. 2. С. 5.

⁴³ Багалей Д. И. Исторический день 26 июля 1914 г. С. 4.

⁴⁴ Шульгин В. В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н. Н. Лисового. М., 2002. С. 236–237.

весьма резкими и нелестными эпитетами. Недавние непримиримые враги церемонно представились друг другу и обменялись рукопожатием.

В литературе советского периода этот акт воспринимался как весьма символический, так как, по мнению А. Я. Авреха, «вся последующая деятельность кадетов прошла под знаком этого рукопожатия»⁴⁵, т. е. кадеты стали «праветь» и сближаться с «реакционерами-черносотенцами». Однако на деле это было не более чем демонстрацией, произошедшей по инициативе импульсивного Пуришкевича, которая была вызвана порывом единения полярных политических сил перед лицом внешней опасности. Ведь, как утверждало ультраправое «Русское знамя», руку Милюкову в эти дни протянул и другой вождь фракции правых – председатель Главного совета Союза русского народа Н. Е. Марков, заверивший кадетского лидера в том, что он «не против народного представительства»⁴⁶. По меткому замечанию поэтессы З. Н. Гиппиус, внимательно следившей за политическими событиями, столь впечатлившее многих рукопожатие двух политических антиподов – Пуришкевича и Милюкова – объяснялось нависшей над Россией внешней угрозой. «Волки и овцы строятся в один ряд, нашли третьего, кого есть», – отметила она в дневнике⁴⁷.

Аналогичная картина наблюдалась и в Государственном совете. Выступления ораторов, принадлежащих к различным политическим группам, практически не отличались по своему содержанию. Произнеся патриотические речи, все члены Госсовета единогласно выразили готовность к единению и чувствую верности царю⁴⁸. Рассмотрев одобренные ранее Государственной думой законопроекты, призванные усилить государственную казну и по военным нуждам, члены Госсовета после многократного «ура!» императору разошлись. Как отмечало «Новое время», хотя в Государственном совете не было принято аплодировать, но в этот день в «верхней палате» не смолкали долгие шумные аплодисменты⁴⁹. «Ничего нет общего между этой войной и японской, и настроения различны, как день и ночь», – с удовлетворением отмечал в частном письме член Госсовета граф С. Д. Шереметев. Отмечая, что германский кайзер – «припадочный безумец», Шереметев радовался тому, что для России наступил «светлый и отрадный

⁴⁵ Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 11.

⁴⁶ Русское знамя. 1914. 23 августа.

⁴⁷ Гиппиус З. Синяя книга. Петербургский дневник. Белград, 1929. С. 12.

⁴⁸ Государственный совет. Стенографический отчет. 1913–1914 гг. Сессия IX. Пг., 1914. Стб. 9–10.

⁴⁹ Новое время. 1914. 27 июля (9 августа).

час – исполнения вековых желаний, вековых надежд». «Созвездия, видимо, нам благоприятствуют, – полагал граф, – и лишь бы ими воспользоваться»⁵⁰. А в том, что это именно так, убеждали графа следующие обстоятельства: «Воодушевление всюду громадное, притом сосредоточенное и достойное, с осознанием своего долга перед Родиной. <...> Расчёт на наше внутреннее разъединение не удался, все радостно идут на боевую смерть»⁵¹.

Столь дружный порыв патриотических чувств, проявленный в первые дни войны практически всеми политическими объединениями Государственной думы и Государственного совета, привёл к тому, что власть и общество оказались в плену опасной иллюзии – казалось, что в стране более нет деления на правых и левых, и грозный вызов войны она принимает сплочённой и позабывшей партийные распри. И причины для этого оптимистического самобмана были. Уж слишком велико было впечатление от «исторических» заседаний обеих законодательных палат, продемонстрировавших обществу невиданное прежде единодушие.

После однодневного заседания Государственной думы и Государственного совета обе палаты ввиду военного времени прекратили свою работу до зимы следующего года. Короткая сессия января 1915 года, проходившая при «отзвуках военной бури», продемонстрировала прежний подъём и пламенный патриотизм парламентариев, дававший надежды, что, несмотря на военные трудности, достигнутый в стране внутривнутриполитический мир продолжает сохраняться. Консерваторы и либералы как будто соревновались друг с другом в патриотизме, выдвигали программы своих требований к войне, обличали германизм, ратовали за победу славянства и выражали полное доверие власти. Однако «священное единение» продолжалось недолго...

Очередная сессия законодательных палат открылась 19 июля 1915 года уже в новых исторических условиях. Прошла первая эйфория, не оправдались надежды на скорую блистательную победу. Патриотические настроения, вызванные началом войны и первыми успехами русского оружия, поутихли, а поражения и отступления 1915 года практически свели их на нет, вызвав в обществе апатию, недовольство правительством, сомнения в целях и необходимости продолжения войны. В этот период вновь активизировалась борьба рабочих, возобновилось крестьянское движение, начались пока ещё редкие волнения в армии. Ситуация в стране изменилась, что тут же сказалось на активизации межпартийной борьбы.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 994. Л. 1311.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 991. Л. 1047.

Либералы стали настойчиво требовать произвести перемены в правительстве, настаивали на срочном созыве Государственной думы. Николай II, отвергая крайние притязания оппозиции, в то же время не стремился полностью пресечь их, как настойчиво рекомендовали ему консерваторы, проявляя осторожность и гибкость. Регулируя отношения с Государственной думой и общественными организациями, император то шёл навстречу обществу и выдвигал либеральных министров, то брал министров из правых, стараясь удержать оппозицию в приемлемых для него рамках. Но такой курс маневрирования лишь усиливал разногласия, причём как слева, так и справа. Страна вступала в полосу политического кризиса, грозившего перерасти в опасную политическую борьбу.

Поскольку новая парламентская сессия была приурочена к первой годовщине Великой войны, как называли Первую мировую современники, власти рассчитывали придать работе законодательных палат тот же патриотический настрой, что царил в августе 1914 года. Но открывшее думскую сессию выступление премьера И. Л. Горемыкина, произнесённое в духе казённого оптимизма и призывавшее депутатов к единению с правительством, натолкнулось не только на резкую критику социал-демократов и трудовиков, но и вызвало явную оппозиционность со стороны либеральных фракций, желавших единства и социального мира не на основе эмоциональных чувств первого периода войны, а на более реальной (то есть приемлемой для них) политической и социально-экономической основе. Патриотический подъём, характерный для начала войны, сменился «патриотической тревогой». Горемыкина поддержала только самая консервативная фракция Государственной думы – правые. Но призыв их лидера Н. Е. Маркова оставить все «мелкие партийные дела» и не сводить счёты с правительством, когда оно «напрягает все силы, чтобы отразить натиск врага»⁵², не был услышан.

Крайне консервативные круги, озабоченные ростом оппозиционных настроений, устами лидера правой группы Государственного совета П. Н. Дурново уже в первый день сессии потребовали от власти вспомнить, что «в России ещё можно и должно приказывать», а также «забыть страх перед разными фетишами» и установить в стране режим, соответствующий военному времени. «Когда пройдёт несколько месяцев такого режима, – утверждал Дурново, – то всякий встанет на своё место, будут забы-

⁵² Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 47.

ты никому не нужны сейчас реформы, и мало-помалу пойдут победы»⁵³. Речь эта – прямолинейная и лишённая всяких экивоков – в своей основе была справедливой. Другое дело, что рецепт Дурново по наведению порядка в ведущей тяжелейшую войну стране некому было претворять в жизнь. Приказывать власть действительно разучилась... Видный русский консервативный мыслитель Л. А. Тихомиров, комментируя на страницах своего дневника речь Дурново, замечал в связи с этим: «Только страшно сильное правительство могло направлять к подобию единства эту разношёрстную нацию. П. Н. Дурново прав, что теперь нужно уметь *приказывать*, но он упускает из виду, что уже нет никого, кто мог бы приказать. Это было и сплыло. А за отсутствием этого – являются в критический момент только ссоры, пререкания, взаимообличения»⁵⁴. Между тем, оппозиционно настроенное общество, как и следовало ожидать, встретило этот демарш Дурново в штыки, поспешив навесить на дальновидного политика ярлык махрового ретрограда, «не понимающего» подлинных интересов России⁵⁵. Либералы придерживались принципиально иного мнения и на второй день работы Государственной Думы объединённым фронтом выдвинули знаменитую формулу, требовавшую власти, опирающейся на «народное доверие» (то есть на думское большинство).

Период «священного единения», провозглашённого год назад на волне патриотического подъёма, закончился. Либералы винили в этом правительство, считая, что «единение» было нарушено вовсе не по вине Государственной думы. Консерваторы, в свою очередь, обвиняли своих политических противников в том, что выброшенный оппозицией в начале войны лозунг единения и партийного нейтралитета имел единственную цель «получить доступ к правительственной работе и под этим флагом иметь возможность пускать мины под отечественный корабль»⁵⁶.

Тем временем либеральная оппозиция готовилась наступать. Ей казалось, что ещё немного, и правительство поделится с нею

⁵³ Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия XI. Стб. 35–36; Речь П. Н. Дурново в Государственном совете 19 июля 1915 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. В 4 т. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А. В. Репников; сост., предисл. и коммент. А. В. Репников, А. А. Иванов. М., 2014. С. 159–161.

⁵⁴ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 92.

⁵⁵ См., напр.: Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 353–354.

⁵⁶ Правые в 1915 – февраль 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 163.

своими властными полномочиями. И пока правые определялись в своей стратегии, в августе 1915 года сформировался единый фронт оппозиции, получивший название Прогрессивного блока. Из 422 депутатов Государственной думы в состав блока вошло 236⁵⁷. За рамками блока остались лишь фракция правых, заметно потерявшая в весе, с частью фракции националистов (половина фракции, так называемые «прогрессивные» националисты, во главе с В. В. Шульгиным и графом В. А. Бобринским, примкнули к Прогрессивному блоку) и левые – меньшевики и трудовики. В Государственном совете к блоку безоговорочно присоединилась академическая (левая) группа, а группа центра и кружок внепартийного объединения сочувственно отнеслись к объединению либеральных сил⁵⁸. Таким образом, три из пяти групп Государственного совета (кроме правой и правого центра) также оказались в рядах оппозиции. Переход на сторону оппозиции значительного числа членов верхней палаты произвёл на общество не меньшее впечатление, чем возникновение объединённой оппозиции в Государственной думе. «Кто мог бы предвидеть, в самом деле, что пошатнётся такая твердыня застоя и реакции, какую с самого начала новой эпохи был Государственный совет? – писал известный либеральный публицист К. К. Арсеньев. – Ещё недавно он казался несокрушимой преградой на пути мирного развития России. <...> И вот, случилось нечто неожиданное и удивительное: в обители регресса образовался своего рода прогрессивный блок, ведущий переговоры с таким же блоком в Государственной думе»⁵⁹. Такая реакция оппозиции неудивительна, если вспомнить, что реформированный в 1906 году Государственный совет изначально планировался властью как сдерживающее учреждение по отношению к Государственной думе, как «плотина», как «антидума», ограничивающая думский радикализм, и орган, выражающий коллективное мнение высшей российской бюрократии⁶⁰.

⁵⁷ Политические партии России в контексте её истории. Ростов-на-Дону, 1998. С. 122.

⁵⁸ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Вступ. статья Н. П. Соколова и А. Д. Степанского, публ. и коммент. Н. П. Соколова. М., 2000. С. 688.

⁵⁹ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 361.

⁶⁰ См.: Мальцева И. В. Государственный совет Российской империи в структуре монархической власти. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб., 1996. С. 14; Новикова Е. Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. (из истории кризиса «верхов» накануне Февральской буржуазно-демократической революции). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985. С. 2.

Прогрессивный блок, по словам его лидера П. Н. Милюкова, явился «суррогатом священного единения» после того, как оно было нарушено по вине власти⁶¹. Центральным пунктом соглашения было требование сильной государственной власти, «опирающейся на народное доверие», т. е. «создание объединённого правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласовавшихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определённой программы»⁶². В документе указывалось, что оппозиция ждёт «решительного изменения приёмов управления, основывавшихся на недоверии к общественной самодеятельности», а далее выдвигался ряд требований, которые, по мнению их составителей, и должны были стать той самой «определённой программой». Среди них: амнистия по политическим и религиозным делам с возвращением ссыльнопоселенцев; «полное и решительное» прекращение преследований за веру; признание автономии Царства Польского и снятие ограничений для поляков на территории всей империи; «вступление на путь отмены ограничений в правах евреев»; примирительная политика в финляндском вопросе; восстановление украинской печати; восстановление деятельности профсоюзов и органов рабочей печати; пересмотр положений о земском и городском самоуправлении в сторону их либерализации, введение земств на национальных окраинах; разработка законопроекта о кооперативах; восстановление мирового суда в тех уездах, где его действие было приостановлено и некоторые другие⁶³. Особо оппозицией был поднят вопрос о необходимости введения волостного земства в ряде областей, не охваченных реформой. Но двумя основными моментами, объединившими политические партии и группы в составе блока, были: в области внутренней политики – требование создания министерства общественного доверия (требование прогрессистов об «ответственном перед Думой и страной министерстве» не прошло) и в области внешней политики – верность союзническим обязательствам России⁶⁴.

Активизация либеральной оппозиции заставила правый лагерь включиться в активную борьбу с блоком. Консерваторов воз-

⁶¹ Милюков П. Н. Воспоминания государственного деятеля. NY, 1982. С. 206.

⁶² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 377. Л. 1; Политические партии России в контексте её истории. Ростов-на-Дону, 1998. С. 123.

⁶³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 377. Л. 1; Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 688.

⁶⁴ Подробнее см.: Гайда Ф. А. Прогрессивный блок // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия: в 3 тт. / Отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2014. Т. 2. С. 868–869.

мушало, что вслед за взрывом всеобщего единодушия, «сперва отдельные деятели, а затем и целые партии, выдвинули на первый план различные политические требования, прямого отношения к войне не имеющие», «весьма спорные с точки зрения блага России» и, во всяком случае, «не вызывающие необходимости в безотлагательном их решении»⁶⁵. Осудив неуместность появления в условиях военного времени оппозиционного блока, правые предупреждали, что помимо неизбежного раскола общества, проведение реформ в условиях войны оттянет на себя значительные суммы, которых и так не хватает на более насущные нужды – на дело государственной обороны. А стремление вырвать у власти радикальные преобразования в период военных неудач, говорили консерваторы, грозит стране необратимыми последствиями. «Внутренняя междоусобица, забастовки, баррикады и прочие прелести, и несомненный результат всего этого – принятие самых позорных условий мира, сдача России торжествующему врагу <...>, бесплодные жертвы – потоки крови, миллионы убитых и раненых людей...», – таков неперемный результат борьбы за власть в военное время, пророчески предсказывал правый депутат В. Н. Снежков⁶⁶. Поэтому, желая восстановить рухнувшее «священное единение», правые требовали от своих политических оппонентов отложить до окончания войны проекты любых преобразований, с ней напрямую не связанных, так как «политические идеалы должны поблекнуть по сравнению с другим идеалом – независимой и целой великой Российской империей»⁶⁷. Но предостережения и рекомендации консервативного лагеря не были услышаны. Для либеральной оппозиции цель (либерализация и демократизация России при непосредственном руководстве ею этим процессом) оправдывала средства. Идеалы политические оказались сильнее государственных, хотя, вполне возможно, что члены Прогрессивного блока были искренне убеждены в обратном.

Не сумев переубедить оппозицию увещаниями и доводами, правые перешли в контрнаступление. Начались совещания, были предприняты попытки примирения враждовавших вождей, в противовес Прогрессивному блоку правые попытались создать свой консервативный или «чёрный», как его прозвали либералы, блок⁶⁸. Но преодолеть внутренние разногласия консервативному лагерю

⁶⁵ РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.

⁶⁶ Там же. Л. 1 об.

⁶⁷ Там же. Л. 2 об.

⁶⁸ См.: Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). – М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2013. С. 165–202; 310–318.

так и не удалось. Даже не примкнувшая к Прогрессивному блоку часть националистов вскоре проявила соглашательскую по своей сути политику по отношению к оппозиционному лагерю, подчиняясь во многих случаях мнению думского большинства⁶⁹.

Последняя «военная» сессия IV Государственной думы открылась 1 ноября 1916 года. Открытие и вся её деятельность пришлось на период нарастания в стране острого политического кризиса. В правительстве, по меткому выражению В.М. Пуришкевича, происходила «министерская чехарда». В этот период также резко обострились взаимоотношения буржуазной оппозиции и правительства, в котором находились такие одиозные для либерального общества фигуры, как Б.В. Штюрмер и А.Д. Протопопов. Нарастающая быстрыми темпами конфронтация между лидерами либеральной оппозиции и властями совпала с ростом стачечного движения, началом антивоенных и антиправительственных выступлений. Прогрессивный блок был настроен по отношению к власти решительно и непримиримо. «Разочарование ходом военных действий, явное утомление масс от затянувшейся войны, к которой Россия не была подготовлена ни материально, ни духовно, разруха правительственной власти, – всё это доводило до отчаяния, до ожесточения, до ожидания каких-то крутых перемен внутри решительно все слои русского общества», – писал депутат Государственной Думы октябрист Н.В. Савич⁷⁰. В связи с этим оппозиция ждала открытие очередной сессии с «лихорадочным нетерпением»⁷¹.

Власть тоже не собиралась уступать оппозиции, но твёрдой политической воли в борьбе с Прогрессивным блоком не проявляла. «С открытием Думы начнётся штурм власти и стремление захватить её», – предупреждал в частном письме депутат-националист Г.В. Виктор⁷². Опасение это полностью подтвердилось последующими событиями.

Первый же день заседаний Государственной думы начался с осады власти. Лидер Прогрессивного блока П.Н. Милюков произнёс известную речь, получившую широкий общественный резонанс и названную многими современниками «штурмовым

⁶⁹ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 204–206.

⁷⁰ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 187.

⁷¹ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 336.

⁷² Цит. по: Ганелин Р.Ш. Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 года // Отечественная история. 1997. № 1. С. 152.

сигналом революции»⁷³. Речь эта содержала нападки на правительство, на премьера, с прямыми обвинениями его в измене и подготовке сепаратного мира с Германией, на группу лиц, близких царице. Обвиняя правительство в бездарной экономической и военной политике, Милюков несколько раз повторял с кафедры вопрос: «Глупость или измена?», на который наэлектризованный думский зал и хоры дали однозначный ответ: «Это измена!»⁷⁴

Речь Милюкова, вспоминал член Государственного совета П. П. Менделеев, произвела впечатление на всю страну. «По моему мнению, она дала последний толчок революционному движению. Я сам вернулся в этот день из Думы совершенно удручённый. В ушах звучала постоянно повторяемая в речи Милюкова трагическая присказка: «Что это – глупость или измена?» Ведь это спрашивал известный профессор, лидер кадетской партии и Прогрессивного блока! Значит, он располагал действительно бесспорными данными, дававшими ему право с трибуны Государственной думы бросать обвинения, или хотя бы подозрения, в измене, да ещё против кого? Против Русской Царицы! От такого обвинения кружилась голова. Страшно становилось за родину»⁷⁵.

Между тем, обвинения Милюкова были непроверенными и абсолютно бездоказательными⁷⁶. Как отмечает историк Ф. А. Гайда, «информация черпалась им (Милюковым. – А. И.) из европейских газет и встреч с русской эмиграцией в Швейцарии, то есть была заранее недостоверной»⁷⁷. Даже соратник Милюкова по Прогрессивному блоку (правда, более правых взглядов) националист В. В. Шульгин счёл их неубедительными⁷⁸. А социалист В. Л. Бурцев, при полном сочувствии к речи Милюкова, дал ей ещё более

⁷³ Милюков П. Н. Выступление в Государственной думе 1 ноября 1916 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. В 4 т. Т. 3: Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению / отв. ред. В. В. Шелохаев; предисл. В. В. Шелохаев; сост. и коммент. К. А. Соловьёва, С. В. Шелохаева. М., 2014. С. 440–447.

⁷⁴ Алексеева И. В. «Военные» сессии IV Государственной Думы (июль 1914 – начало 1917 г.) // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2008. С. 159.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 116.

⁷⁶ «Информация черпалась им (Милюковым. – А. И.) из европейских газет и встреч с русской эмиграцией в Швейцарии, то есть была заранее недостоверной» (Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917. С. 230).

⁷⁷ Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 – весна 1917 г. М., 2003. С. 230.

⁷⁸ Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1989. С. 130.

определённую оценку: «Историческая речь, но она вся построена на лжи»⁷⁹. «... Впоследствии мы узнали, что оно (выступление Милокова – А. И.) основывалось исключительно на клеветнических статьях вражеских немецких газет! Какое преступное легкомыслие», – с горечью констатировал П. П. Менделеев⁸⁰.

Милоков определённо рассчитывал на эффект, что бы он ни говорил позже, хотя возможно и на меньший, чем произвела его речь. В любом случае, это было проявлением политической безответственности, поскольку профессиональный политик Милоков не мог не понимать, как будет воспринято обвинение высшей власти в измене во время войны. Тем не менее, он пошёл на этот шаг, всенародно давая слушателям и читателям своей речи решать, глупостью или изменой являются действия правительства, в изменнической сущности которых он сам не был уверен. Уже позже Милоков писал, что сам он «скорее склонялся к первой альтернативе», но «аудитория своими одобрениями поддерживала вторую»⁸¹. Однако другой депутат Государственной думы, трудовик А. Ф. Керенский, утверждал, что вопрос был чисто риторический, и ответ армии и народа мог быть только один – измена⁸². «Тут была и глупость, и измена – глупость всех тех, кто верит Милокову, измена всех тех, кто во время опаснейшей войны подрывают высший авторитет, которым единственно держится государство...», – такой вердикт вынес этой речи лидер правых Н. Е. Марков⁸³. Но цели своей речь Милокова достигла. Она взбудоражила общество, ей поверили, её тиражировали и распространяли на фронтах.

Штурм власти, начатый Милоковым, 3 ноября был продолжен националистом Шульгиным, а 19 ноября уже и недавним лидером крайне правых Пуришкевичем, за день до этого порвавшего со своими единомышленниками, отказавшимися предоставить ему слово. Попытки немногочисленных сторонников самодержавия дать отпор оппозиции закончились скандалом: постоянно прерываемый возгласами с мест, а затем остановленный председателем Государственной думы М. В. Родзянко, лидер правых Марков,

⁷⁹ Мельгунов С. [П]. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Paris, б. г. С. 72; Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 122.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 119–120.

⁸¹ Милоков П. Н. Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля – 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 12.

⁸² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 127.

⁸³ Цит. по: Рейн Г. Е. Из пережитого. 1907–1918. Т. 2. Берлин, б. г. С. 138.

пытавшийся опровергнуть доводы своих политических оппонентов и защитить власть, сорвался, назвав спикера «мерзавцем»⁸⁴. Вслед за этим последовал раскол фракции правых, неоднозначно отнёсшийся к поступку своего лидера. В итоге, накануне февраля 1917 года на твёрдых консервативных позициях оставалось не более двух десятков депутатов...

Либеральная оппозиция могла ликовать. Попытка Николая II после поражения сторонников самодержавной монархии в Государственной думе усилить за счёт новых назначений консервативное крыло Государственного совета не дала ожидаемых результатов – правые пребывали в глубокой апатии и максимум, что могли сделать, так это взывать к благоразумию общества. Они предупреждали, что либеральная оппозиция в России не имеет опоры в народе, что она будет не в состоянии удержать власть в своих руках, которая вскоре перейдёт в руки радикальных элементов и прямо указывали: «вы хотите ввести в России революцию, чтобы революция разрушила всё, худо или хорошо сложенное русское государство»⁸⁵. Но либеральная оппозиция, опьянённая одержанными победами, была уверена в том, что стоит только заставить монарха передать власть в её руки, как она сотворит чудеса. События Февральской революции, предоставившей оппозиции этот шанс, разрушили эти иллюзии, заставив её горько разочароваться в своих возможностях. За победу над монархией, одержанной в условиях тяжелейшей для страны войны, пришлось заплатить крушением империи, торжеством леворадикальных сил и бесславным миром.

Один из активных деятелей Прогрессивного блока кадет В. А. Маклаков уже в эмиграции вынужден был с горечью признать, что «в своих предсказаниях правые оказались пророками»: «Они предсказали, что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей свои позиции. Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма. И их предсказания подтвердились во всех мелочах: либералы получили из рук Государя его отречение, приняли от него назначение быть новой властью и менее чем через 24 часа сдали эту власть революции, убедили Михаила отречься, предпочли быть революционным, а не назначенным Государем правительством. Правые не ошиблись

⁸⁴ См.: Иванов А. А. Провокация или эмоциональный срыв? Выходка Н. Е. Маркова в Государственной думе 22 ноября 1916 г. // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сб. науч. ст. / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2011. С. 220–230.

⁸⁵ Государственная Дума. Созыв IV. Сессия V. Стб. 103.

и в том, что революционеры у власти не будут похожи на тех идеалистов, которыми их по традиции изображали русские либералы...»⁸⁶. Но исправить допущенные ошибки было уже невозможно. Путь от «священного единения» до «штурма власти» был пройден стремительно быстро, и итог его оказался совсем не таким, каким его представляли в годы Первой мировой войны представители либеральной оппозиции.

*В. А. Дёмин,
доктор исторических наук*

Законодательство Российской империи в годы Первой мировой войны: основные формы и направления

В Российской империи и после издания Основных государственных законов 1906 года отсутствовал единый способ издания законов. По общему правилу они должны были одобряться Государственной думой и Государственным советом (статья 86 Основных законов). В то же время император имел право во время каникул Государственной думы издавать чрезвычайные указы с временной силой закона, подлежащие последующему одобрению палат и утрачивающие силу в случае отклонения Государственной Думой или Советом (статья 87 Основных законов). Этот способ нормотворчества активно использовался в 1906–1907 годах, затем до Первой мировой войны применялся лишь в единичных случаях, нередко со скандалом⁸⁷.

Имелась также практика издания устанавливающих общие нормы права постановлений императором в порядке «верховного управления», т. е. без участия и контроля законодательных палат. Согласно Основным законам, в таком порядке устанавливались нормы военного (в т. ч. военно-уголовного и военно-процессуального) права⁸⁸ и ряд других вопросов. С 1909 года нормативные постановления императора по военным ведомствам стали называться «военным законодательством». На практике путём «верховного управления» и «военного законодательства» нередко пересматри-

⁸⁶ Двуглавый орёл. (Париж). 1929. № 34. 30 ноября. (13 декабря). С. 27.

⁸⁷ См. подробнее Дякин В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 7. М., 1976; Дёмин В. А. Чрезвычайно-указное право в Российской империи // Государственная дума России. Энциклопедия. Т. 1. М. – Челябинск, 2013.

⁸⁸ С 1909 г. нормативные постановления императора по военным делам стали на практике именоваться «военным законодательством», хотя законами такой термин предусмотрен не был.

вались законодательные постановления (в т. ч. утверждённые мнения дореформенного Государственного совета). При этом, однако, неизменно соблюдались некоторые ограничения. В частности, этим способом никогда не менялись законы, одобренные Государственной думой. Указы в порядке «верховного управления» в основном касались государственного управления и не могли пересматривать налоговое, уголовное, гражданское и т. п. законодательство⁸⁹.

Несмотря на разнообразие путей законодательства, с 1907–1908 годов (начала работы III Государственной Думы) основным был предусмотренный статьёй 86 Основных законов, т. е. проведение законопроектов через Государственную думу и Государственный совет. Остальные имели лишь ограниченное применение или использовались в порядке исключения.

Первая мировая война изменила положение. Между 15 июля 1914 года (объявление Австро-Венгрией войны Сербии) и 27 февраля 1917 года было издано примерно 162 закона (не считая 2 бюджетов), значительное большинство которых было посвящено отдельным частным вопросам⁹⁰. В то же время на основе статьи 87 последовало 647 чрезвычайных указов⁹¹. Предусмотренный статьёй 87 контроль Государственной думы над чрезвычайнo-указным законодательством в годы Первой мировой войны в основном превратился в формальность: было отменено по разным причинам менее 40 чрезвычайных указов. Почти все они были посвящены частным вопросам. Наиболее важным был указ от 3 сентября 1916 года о создании главного управления государственного здравоохранения, взятый обратно главноуправляющим здравоохранением Г. Е. Рейном 23 февраля 1917 года накануне неминуемого отклонения нижней палатой.

Помимо чрезвычайнo-указного права, в законодательстве времён Первой мировой войны по сравнению с довоенным временем возросла роль императорских указов в порядке «верховного управления» и «военного законодательства». Имелись отдельные случаи издания актов законодательного характера отдельными министрами.

В законодательстве Российской империи времён Первой мировой войны можно выделить несколько направлений: определе-

⁸⁹ Подробнее см. Ивановский В. В. Указ и закон по действующему русскому законодательству // Журнал министерства юстиции. 1912. № 5; Дёмин В. А. Закон и указ // Государственная дума России. Энциклопедия. Т. 1. М. – Челябинск, 2013.

⁹⁰ Государственная дума. Созыв 4. Заседание 26.07.1914. Стенографический отчёт. Сессии 3–4. Указатели к стенографическим отчётам. Сессия 5. Стенографические отчёты. Пг., 1914–1917.

⁹¹ Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 Основных государственных законов. Дополнения 1–4. СПб. (Пг.), 1913–1917.

ние правил ведения войны; усиление воинской повинности; экономические мероприятия; финансовые меры; социальная защита участников войны, членов их семей и пострадавших от военных действий; борьба с употреблением спиртных напитков; ограничение гражданских и политических свобод и усиление уголовных наказаний; борьба с так называемым «немецким засильем»; улучшение государственного аппарата; отдельные либеральные реформы.

Постановления первого направления, в большинстве изданные императором в порядке «военного законодательства», основывались на соответствующих международных договорах. В частности, в указе от 28 июля 1914 года заявлялось о готовности России соблюдать при условии взаимности Парижскую морскую декларацию 1866 года, Петербургскую декларацию 1868 года, Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов, запрещающие использование химического оружия, пуля со смещённым центром тяжести и других.

Положение о военнопленных, утверждённое в чрезвычайном порядке 7 октября 1914 года, в соответствии с Гаагской конвенцией предусматривало весьма гуманные условия: пленные на одинаковых основаниях с нижними чинами российской армии перевозились по железным дорогам, снабжались продовольствием, лечились и размещались, их собственность (кроме оружия, лошадей и военных документов) признавалась неприкосновенной, арест допускался лишь «при наличии особой к тому необходимости», за попытку побега устанавливалось лишь дисциплинарное наказание. Военнопленных запрещалось подвергать изнурительным и связанным с военными действиями работам. Пленные офицеры освобождались от принудительных работ, подлежали перевозке по возможности в вагонах I (генералы) и II (штаб- и обер-офицеры) классов, получали довольно высокое содержание (от 600 до 1500 руб. в год), могли с разрешения начальства жить на частных квартирах.

Положение 1 сентября 1914 года (ст. 87) усилило воинскую повинность. В частности, была отменена жеребьёвка призывников. Чрезвычайные указы от 24 декабря 1914 года; 16 марта, 10 июля и 20 ноября 1915 года; 24 октября 1916 года вводили досрочные призывы новобранцев. В результате призывной возраст был снижен с 21 до (по последнему указу) 18 лет. Постепенно были отменены отсрочки по семейному и имущественному положению. В то же время отсрочки для получения среднего и высшего образования, в том числе для поступления в вузы или средние технические училища, в большинстве случаев сохранялись.

25 июня 1916 года в порядке «верховного управления» была введена трудовая повинность для жителей Туркестанского и Степного краёв и Сибири, что, как известно, повлекло за собой восстание в Средней Азии и Казахстане.

В годы Первой мировой войны было издано очень большое число законодательных актов (в основном по статье 87), посвящённых регулированию экономики. Насколько можно судить, они издавались без определённого плана для решения текущих проблем со снабжением армии или (и) крупных городов теми или иными товарами. Чрезвычайные указы обычно посвящались отдельным отраслям (первоначально – тяжёлой, с середины 1915 года – и лёгкой промышленности).

Проблемы разных отраслей решались одним путём. Министры и отчасти местные администраторы получали право давать предприятиям обязательные заказы, устанавливая максимальные цены, реквизируя запасы сырья и полуфабрикатов, ограничивать частную торговлю, налагать на предприятия секвестр и тому подобное. С весны 1915 года для содействия министрам в осуществлении этих полномочий стали создаваться межведомственные комитеты, включавшие как правительственных чиновников, так и представителей предпринимателей, и в ряде случаев, общественных кругов. Наиболее важными (но далеко не единственными) актами такого рода стал закон от 17 августа 1915 года о создании Особых совещаний и утверждённое императором 27 августа 1915 года (в порядке «верховного управления») Положение о Военно-промышленных комитетах.

Другим направлением экономической политики времён Первой мировой войны стало смягчение трудового законодательства. По чрезвычайным указам от 9 марта и 19 октября 1915 года был разрешён ночной и подземный труд женщин и детей на военных предприятиях и угольных шахтах. С августа 1916 года издавались чрезвычайные указы о запрете произвольного повышения цен на важнейшие товары и услуги.

Важнейшей финансовой реформой стал изданный 23 июля 1914 года чрезвычайный указ о прекращении обмена бумажных денег на золотые монеты, подтверждённый законом от 27 июля 1914 года. В 1914–1916 годах в чрезвычайно-указном и законодательном порядке несколько раз увеличивалось эмиссионное право Государственного банка. В годы Первой мировой войны имело место увеличение ставок едва ли не всех налогов (как правило, в чрезвычайно-указном порядке), а также введение новых.

В частности, утверждённым императором 19 апреля 1915 года положением Совета министров (статья 87) был введён военный налог. Он должен был уплачиваться в течение 18 лет или до достижения 43 лет мужчинами, освобождёнными от воинской повинности, кроме признанных нетрудоспособными или ограниченными в правах по суду. Размер налога составлял от 6 руб. (для имевших доход до 1000 руб.) до 200 руб. (при доходе свыше 20000 руб.) в год.

Закон от 6 апреля 1916 года вводил с 1917 года прогрессивный подоходный налог. Он распространялся на получавших годовой доход свыше 850 руб. Ставка налога составляла от 0,6 до 12,5 процента (для доходов свыше 300 000 руб. в год). 13 мая 1916 года было утверждено (ст. 87) положение Совета министров об обложении прироста предпринимательской прибыли в военное время. Уплате подлежало от 20 до 40 процентов увеличения.

Также для экономии средств было приостановлено большое количество законов. В частности, было прекращено введение в новых регионах реформы местного суда 1912 года. Из-за этого до свержения монархии она распространялась лишь на 10 губерний (в основном украинских и новороссийских), в которых новые суды появились перед войной.

Участники войны фактически получили судебный иммунитет. На основании чрезвычайного указа от 13 сентября 1914 года было приостановлено до конца войны рассмотрение их гражданских дел (при нежелании возлагать ведение дела на адвоката) и принудительного исполнения судебных решений против участников войны. Также предусматривалось приостановление уголовных дел в случае пребывания в действующей армии обвиняемого, частного обвинителя или гражданского истца. 8 января 1916 года было утверждено положение Совета министров (также в порядке ст. 87), которое отсрочивало наказание (кроме исключения с военной службы) военнослужащих до конца войны. Впрочем, в случае соответствующего требования военного начальства, приговор исполнялся немедленно.

Государственное признание семей мобилизованных было установлено законом от 25 июля 1912 года. Во время Первой мировой войны рядом чрезвычайных указов и подытожившим их законом от 3 июля 1916 года соответствующие постановления были распространены на различные категории населения.

Важное место в законодательстве времён Первой мировой войны занимала борьба с употреблением спиртных напитков. Для её понимания необходимо отметить следующее. Введение по ини-

циативе С. Ю. Витте так называемой «винной» (точнее, водочной) монополии в 1895 году имело блестящие финансовые и провальные морально-политические последствия. До монополии народ спаивали отдельные предприниматели, теперь же в пьянстве оказалось виновным государство. Стали активно распространяться рассуждения о «царёвом кабаке», «пьяном бюджете» и тому подобное. Борьба с пьянством занимала видное место в работе III Государственной думы, в начале 1914 года имело место громкое обсуждение инициированного ею соответствующего законопроекта в Государственном совете. Под влиянием палат и общественного мнения сторонником народной трезвости сделался и император Николай II. Именно это стало одной из основных (если не основной) причин увольнения решительного сторонника водочной монополии В. Н. Коковцова с постов председателя Совета министров и министра финансов в январе 1914 года⁹².

После начала Первой мировой войны в законодательстве о крепких напитках имеют место колебания. Закон от 27 июля 1914 года «О некоторых мерах к усилению средств казны в виду обстоятельств военного времени» предусматривал, в частности, повышение цен на водку. Однако в том же месяце высочайшим повелением в порядке «верховного управления» была прекращена на время мобилизации торговля водкой. 22 августа 1914 года последовало новое высочайшее повеление (в том же порядке) о продлении запрета на её продажу до конца войны, хотя доходы от неё были включены в одобренный палатами и утверждённый императором бюджет на 1914 год.

Осенью 1914 года последовал ряд чрезвычайных указов об ограничении продажи других видов спиртных напитков. Местные администрация и самоуправление получили широкие права по их запрещению. С середины 1915 года издавались постановления (также в порядке статьи 87), направленные против нелегального потребления спиртных напитков и суррогатов. Как отмечается в литературе, особого успеха эти меры не имели.

Тем не менее IV Государственная дума 16 декабря 1916 года одобрила⁹³ проект о закреплении «сухого закона». Он предусматривал запрет на время войны на изготовление и продажу для пищевых целей спиртных напитков. Допускалась лишь выделка вина и его продажа в винодельческих местностях. Спустя год после ратификации мирного договора предполагалось разрешить

⁹² Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988. С. 173, 178.

⁹³ В редакционном отношении, по существу проект обсуждался 14–17 июня 1916 г.

повсеместную продажу вина российского производства с правом местного самоуправления ограничивать и запрещать её. 22 февраля 1917 года особая комиссия Государственного совета единогласно одобрила этот проект, но общее собрание верхней палаты рассмотреть его не успело⁹⁴.

Важнейшим нормативным актом об ограничении политических свобод стало Положение о военной цензуре, утверждённое в чрезвычайно-указном порядке 20 июля 1914 года. Оно предусматривало введение «полной военной цензуры» (контроля военных властей над всей перепиской, произведениями печати и публичными выступлениями) лишь на театре военных действий. В тылу действовала «частичная военная цензура», распространявшаяся лишь на почтовую и телеграфную переписку. Именно поэтому петроградские газеты выходили с обширными «белыми пятнами», в то время как московские их не имели.

14 июля 1915 года на основании ст. 87 было утверждено положение Совета министров, предоставлявшее министру внутренних дел право запрещать выезд за границу «как отдельным лицам, так и целым группам лиц». Утверждённое в том же порядке 25 октября 1916 года положение Совета министров впервые в российской истории установило выдачу заграничных паспортов лишь на основании подтверждённых свидетелями анкет с фотографиями.

Циркуляр главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина от 15 апреля 1915 года фактически приостановил действие права крестьян выходить с землёй из общины, так как предписывал землеустроительным учреждениям не проводить соответствующие работы. Окончательный запрет закрепления наделной земли в личную собственность был введён 1 июня 1917 года постановлением Временного правительства.

В годы войны было издано много постановлений (в основном на основе статьи 87) о введении новых составов преступлений и правонарушений, а также об усилении уголовных наказаний. В частности, 3 октября 1916 года было утверждено (ст. 87) положение Совета министров, предоставлявшее суду право конфискации имущества осуждённых за государственную измену, а также обвиняемых в ней и скрывающихся от правосудия.

Важнейшее место в законодательстве времён Первой мировой войны занимала борьба с так называемым «немецким засильем». Эти мероприятия основывались на стремлении расширить поня-

⁹⁴ Государственная дума. Созыв 4. Стенографические отчёты. Сессия 4. Стб. 5397–5422, 5430–5446, 5501–5560, 5597–5637. Сессия 5. Стб. 1249–1250. Новое время. 1917. 23.2. С. 3.

тие «участника войны» и поставить всех неприятельских подданных в положение, близкое к военнопленным, которое имело место во всех воюющих странах. 22 сентября 1914 года был издан чрезвычайный указ о запрете неприятельским подданным приобретать чужую недвижимость и управлять ею. В течение 1915 года был издан ряд постановлений (также в порядке ст. 87) о запрете неприятельским подданным заниматься предпринимательством.

2 февраля 1915 года в чрезвычайно-указном порядке были утверждены три положения Совета министров об ограничении землевладения и землепользования подданных и выходцев из неприятельских держав. С этого времени понятие неприятельского подданного толковалось расширительно, к ним приравнивались выходцы из вражеских стран и их потомки. Эти акты и развившее их утверждённое (в том же порядке) 6 февраля 1917 года положение Совета министров предписывало указанным лицам и их сельским и тому подобным обществам в определённые сроки продать принадлежащие им земельные участки и иную недвижимость.

Высочайше утверждённое 8 марта 1915 года положение Совета министров (ст. 87) и ряд других постановлений освобождали от действия ограничений германских, австрийских и венгерских подданных славянского, французского и итальянского происхождения, а также турецких и болгарских подданных христианского исповедания.

Имела место борьба с немецкой культурой. 18 августа 1914 года последовало высочайшее повеление о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград. Оно было издано в порядке «верховного управления», хотя прежнее название упоминалось в большом числе законов. 18 августа 1916 года было утверждено положение Совета министров (ст. 87) о запрещении преподавания на немецком языке (кроме изучения его самого и лютеранского богословия) во всех учебных заведениях, в том числе частных.

Было издано большое число чрезвычайных указов об увеличении штатов различных государственных учреждений и повышении жалования отдельным категориям чиновников. Большинство этих мероприятий касалось полиции. Первое время они касались отдельных местностей. 23 октября 1916 года было утверждено (ст. 87) положение Совета министров об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов. 3 июля 1916 года был издан закон о повышении жалования университетским профессорам.

Во время Первой мировой войны были проведены отдельные либеральные реформы. Важнейшей из них был циркуляр управляющего министерством внутренних дел кн. Н. Б. Щербатова от

19 августа 1915 года (изданный на основании высочайше утверждённого 4 августа особого журнала Совета министров) о разрешении иудеям жить в городах вне «черты осёдлости», за исключением столиц, дворцовых пригородов Петрограда, территорий казачьих войск и Туркестанского края. Впрочем, это преобразование было вынужденной мерой: большое количество иудеев бежало из западных регионов из-за неприятельского наступления.

30 сентября 1914 года было утверждено (ст. 87) положение Совета министров об упразднении Киевского генерал-губернаторства. Соответствующий законопроект в своё время был одобрен III Государственной Думой, но в 1912 году отклонён Государственным советом по требованию правительства.

17 марта 1915 года император утвердил (также в чрезвычайно-указном порядке) положение Совета министров о введении городского самоуправления в Польше в редакции, одобренной Государственной Думой по докладу согласительной комиссии 27 марта и 18 апреля и отклонённой Государственным советом 12 мая 1914 года. Из-за оккупации польских земель неприятелем осуществить это преобразование не удалось. В 1915–1916 годах был издан ряд чрезвычайных указов об увеличении прав женщин поступать на гражданскую службу и в вузы.

26 декабря 1916 года был издан закон о реформе административных департаментов Правительствующего сената. Он вводил несменяемость сенаторов, предоставлял Сенату право представлять кандидатов на вакантные сенаторские должности, ускорял принятие решений, отменял право министров и обер-прокуроров опротестовывать эти решения и тому подобное.

В заключение можно указать следующее. В годы Первой мировой войны установленный законами 1905–1906 годов общественный контроль над законодательством в общем стал фиктивным. Оно осуществлялось высшей бюрократией, что имело два основных последствия. С одной стороны, с технической точки зрения нормативные постановления императорского правительства позволяли стране в общем успешно вести войну и удерживать неизбежные трудности в определённых рамках (в отличие от действий Временного и Советского правительств). В то же время чисто бюрократическое законодательство совершенно не устраивало ни народные массы, ни общественную и политическую элиту, что привело к краху императорского правительства.

К. А. Соловьёв,
*ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН,
доктор исторических наук*

Дума, Государственный совет и Совет министров в 1914–1917 годы: сотрудничество и противостояние

Казалось бы, нет сомнений: основной сюжет политической истории России времён Первой мировой войны – это постоянно нараставший конфликт между правительством и депутатским корпусом. Об этом противостоянии писали газеты и журналы в 1914–1917 годах. Об этом же вспоминали участники событий тех лет. Ключевая тема мемуаров бывших депутатов Государственной думы – роковое столкновение власти и общественности, которое предопределило крах политической системы и жизненную трагедию большинства участников этой драмы⁹⁵. С некоторыми существенными поправками эта модель была принята и в советской историографии⁹⁶. Современные исследователи ищут «новые краски», возлагая, например, ответственность за эскалацию конфликта в 1915–1917 годах на либеральную общественность⁹⁷ или же доказывая, что политический кризис был во многом спровоцирован «либеральной партией» российского чиновничества⁹⁸.

Конфликт правительства и представительных учреждений не вызывает сомнений. Однако представления о его природе, вероятно, изменятся, если посмотреть на работу депутатов не из зала общих собраний Думы, а из комнат её комиссионных заседаний. И в годы войны деятельность нижней палаты не сводилась

⁹⁵ Бубликов А. А. Русская революция. Нью-Йорк, 1918. С. 15–43; Милуков П. Н. Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля – 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 3–29; Родзянко М. В. Государственная дума и февральская 1917 г. революция // Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922. С. 55–59.

⁹⁶ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 48–50, 56; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 262–263; Кризис самодержавия. 1895–1917. Л., 1984. С. 575; Аврех А. Я. Распад трёхеюньской системы. М., 1985. С. 251–253.

⁹⁷ Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 372–377.

⁹⁸ Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 183–185; Он же. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 394–401.

к эффективным демонстрациям, разоблачительным выступлениям лидеров оппозиции и попыткам сформировать «правительство общественного доверия». Взаимоотношения депутатов и чиновников чаще всего касались рутинных вопросов законотворчества. Как и в довоенное время, министров, прежде всего, волновали бюджетные полномочия нижней палаты, позволявшие депутатам в ряде случаев диктовать свою волю высшей бюрократии. В этой ситуации высокопоставленные чиновники предпочитали не искать конфликтов с представительными учреждениями и нередко демонстрировали свою готовность к диалогу с народными избранниками.

Ещё до открытия думской сессии, 26 января 1915 года, прошло частное совещание думской комиссии по военным и морским делам. На нём присутствовали и многие министры, которые в большинстве своём были готовы к сотрудничеству с депутатами. Согласно воспоминаниям П. Н. Милюкова, исключения составили руководитель военного ведомства В. А. Сухомлинов и министр внутренних дел Н. А. Маклаков. Выступление последнего своей грубостью и резкостью поразило даже членов правительства. И. Л. Горемыкин получил записку от председателя Государственной Думы М. В. Родзянко с просьбой хоть как-нибудь смягчить всеобщее «отвратительное впечатление». Премьер согласился с этим и произнёс в конце несколько примирительных слов⁹⁹.

Очевидно, большинство руководителей ведомств рассчитывало на поддержку нижней палаты. На открытии сессии присутствовали все министры, которые давали объяснения по статьям бюджета. Как писал один из депутатов 27 января 1915 года: «Министерства с нами были очень милы и любезны. Некоторые из наших, конечно левых, всё же их понемножку за пейсы драли, и правды было много высказано, но так как это было общение Думы с правительством, то весь вечер был проведён в духе примирительном. Министры давали на многие вопросы объяснения и даже во многом винулись и много заявлений приняли к делу»¹⁰⁰.

Как и было изначально договорено, январская сессия оказалась скоротечной. Однако диалог между министрами и депутатами был продолжен и после её завершения. В период премьерства И. Л. Горемыкина переговоры с народными избранниками от имени правительства чаще всего вёл А. В. Кривошеин¹⁰¹, который

⁹⁹ Милюков П. Н. Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 166–167.

¹⁰⁰ Государственный архив Российской Федерации (Далее ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1012. Л. 230.

¹⁰¹ Клячко Л. М. Повести прошлого. Л., 1929. С. 51.

в частных беседах выступал в пользу расширения контрольных функций нижней палаты. В феврале 1915 года он даже поставил в Совете министров вопрос об установлении думского контроля над деятельностью правительственной администрации. По его мнению, это было необходимым условием победы¹⁰².

Побед не было. Напротив, последовало «великое отступление». В том числе, и по этой причине в Государственной думе сформировался Прогрессивный блок. Император же принял на себя обязанности главнокомандующего. Состав правительства, взбунтовавшегося против этого решения Николая II, существенно изменился. Тем не менее, и при этих чрезвычайных обстоятельствах диалог между депутатами и министрами не прекращался. Как и прежде, главный предмет обсуждения – утверждаемый бюджет. Его рассматривали тем же порядком, что и в довоенное время. 18 октября 1915 года председатель бюджетной комиссии М. М. Алексеенко полагал, что ускоренное рассмотрение государственной сметы – вопрос скорее политический, который едва ли будет решён фракциями в положительном смысле¹⁰³. Канцелярии Думы было вменено в обязанность составлять большие доклады и ставить их на рассмотрение в комиссии¹⁰⁴. Министры, как и прежде, являлись на заседания бюджетной комиссии, которые всё же случались нечасто¹⁰⁵. С 15 сентября по 30 ноября 1915 года прошло только четыре её заседания¹⁰⁶.

Работа бюджетной комиссии активизировалась в декабре. Министры и тогда не забывали посещать её заседания и давали депутатам пространные объяснения по всем вопросам, интересовавшим народных избранников, и тем самым демонстрировали свою готовность к сотрудничеству. 16 декабря в работе бюджетной комиссии принимал участие министр внутренних дел А. Н. Хвостов, который явился в Таврический дворец вместе со всеми своими товарищами. Показательно, что, подчёркивая своё положение депутатам Государственной думы, он вошёл не через министерский павильон, подобно прочим министрам, а через главный вход. Сославшись на болезнь, Хвостов предоставил слово своим заместителям, ограничившись лишь отдельными репликами. Это заседание вызвало большой интерес среди народных избранников. Громад-

¹⁰² Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны. М., 1991. С. 157–158.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1035. Л. 1738.

¹⁰⁴ Там же. Л. 1770.

¹⁰⁵ Там же. Д. 1036. Л. 1807.

¹⁰⁶ Там же. Д. 1039. Л. 2129.

ная «тринадцатая» комната не вместила всех желавших участвовать в обсуждении сметы Министерства внутренних дел. В итоге заседание перенесли в Полуциркульный зал. На следующий день в бюджетной комиссии выступал министр путей сообщения А. Ф. Трепов¹⁰⁷.

Министры, вне зависимости от своих личных взглядов и предпочтений, с большим вниманием относились к контактам с депутатским корпусом. Это относилось и к главе правительства. Показательно, что вскоре после своего назначения И. Л. Горемыкин искал встречи с Родзянко, а не наоборот. Аналогичным образом вёл себя Б. В. Штюмер. А. Ф. Трепов, став премьером, тоже торопился встретиться с председателем Государственной думы, с которым имел весьма откровенный разговор¹⁰⁸. Очевидно желая понравиться депутатам, новый глава правительства сказал о своём отрицательном отношении к министру внутренних дел А. Д. Протопопову и заявил о готовности требовать его отставки¹⁰⁹. К 19 ноября готовилась декларация нового премьер-министра. Характерно, что Трепов согласовал её с председателем Государственной думы. Тем не менее, во время выступления главы правительства представители крайне левой подняли шум, чтобы заглушить его речь¹¹⁰. При этом декларацию критиковали не только те, кто решился на obstruction. Ситуация могла бы окончательно выйти из-под контроля, если бы Трепов не запретил Протопопову выступать в Государственной думе в качестве министра внутренних дел¹¹¹.

Главы ведомств и депутаты и сотрудничали, и конфликтовали друг с другом. При этом их противостояние обуславливалось не злой волей сторон, а разнонаправленной эволюцией Совета министров и представительных учреждений.

После 1911 года центр власти неуклонно смещался в сторону Царского Села. Совет министров всё более играл техническую роль, не претендуя на самостоятельность. Показательно, что в августе 1915 года, спустя практически десять лет после образования «объединённого» правительства, А. В. Кривошеин в разговоре с будущим министром внутренних дел А. Д. Протопоповым заме-

¹⁰⁷ Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 139–140.

¹⁰⁸ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. М., 2001. С. 156.

¹⁰⁹ Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 184.

¹¹⁰ Там же. С. 165–166.

¹¹¹ Там же. С. 166.

тил, что на месте главы «кабинета» он немедленно бы внёс в Думу законопроект о «единстве Совета министров»¹¹².

Правительству военных лет по преимуществу оставалась «законодательная вермишель», на которую у депутатов уже времени не оставалось. Об этой специфике деятельности Совета министров красноречиво свидетельствуют его особые журналы, большая часть которых была посвящена сугубо частным вопросам¹¹³. Это явно контрастировало с положением вещей до 1911 года. Так, в 1909 году подобных журналов было 313¹¹⁴, в 1910-м – 231¹¹⁵, а в 1915-м – 1083¹¹⁶, в 1916 году – 1452¹¹⁷. Как раз для рассмотрения частных проблем в 1909 году был создан так называемый «Малый совет», состоявший из товарищей руководителей ведомств. Однако в период Первой мировой войны он собирался сравнительно редко. В итоге основное бремя работы ложилось на министров, и высшая правительственная коллегия Российской империи была вынуждена собираться чаще, чем прежде¹¹⁸. В 1916 году, то есть в период премьерства Б. В. Штюрмера, неформальная, в сущности важнейшая, часть заседаний Совета министров практически сошла на нет. Н. Н. Покровский впоследствии говорил, что высшая правительственная коллегия всё более напоминала ему прежний Комитет министров, который «пропускал» малозначимые законопроекты, утверждал кредиты, а политические вопросы не обсуждал¹¹⁹. Характерно, что и Горемыкин, и Штюрмер были «беспристрастными» председателями, которые вели себя крайне пассивно на заседаниях Совета министров и в ход обсуждения тех или иных (преимущественно технических) вопросов вмешивались редко¹²⁰.

Многие руководители ведомств назначались (или же сохраняли свои должности) без учёта мнения (а иногда даже вопреки) премьера. Горемыкину приходилось «терпеть» Н. А. Маклакова

¹¹² Российский государственный архив литературы и искусства (Далее РГАЛИ). Ф. 389. Оп. 1. Д. 45. Л. 12 об.

¹¹³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. М., 2006. С. 658–684; Там же. 1915 год. М., 2008. С. 617–705; Там же. 1916 год. М., 2008. С. 626–748.

¹¹⁴ Там же. 1909 год. М., 2000. С. 547–592.

¹¹⁵ Там же. 1910 год. М., 2001. С. 461–486.

¹¹⁶ Там же. 1915 год. М., 2008. С. 617–705.

¹¹⁷ Там же. 1916 год. М., 2008. С. 626–748.

¹¹⁸ Падение царского режима: Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 4. Л., 1925. С. 11.

¹¹⁹ Там же. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 337–338.

¹²⁰ Там же. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 156.

в кресле министра внутренних дел¹²¹. А. Н. Хвостов и Вс. Н. Шаховский стали министрами, несмотря на возражения всё того же Горемыкина¹²². Б. В. Штюрмер настаивал на увольнении министра земледелия А. Н. Наумова и министра народного просвещения П. Н. Игнатьева, но император ему в этом отказал со словами: «Прошу в область моих распоряжений не вмешиваться»¹²³. Новый премьер А. Ф. Трепов безуспешно добивался отставки А. Д. Протопопова и кн. Вс. Н. Шаховского¹²⁴. Естественно, министры не должны были придерживаться общего политического курса. Принципы их отбора были весьма своеобразными. По словам П. Л. Барка, «встав на путь персональной политики, государь искал в своих новых сотрудниках простых исполнителей его повелений и к этой роли более всего подходили люди пассивные и не выдающиеся»¹²⁵. Таким образом, правительство всё более деполитизировалось, решая исключительно технические задачи.

И всё же именно министры должны были взаимодействовать с Государственной думой. Это становилось всё сложнее и по ряду других причин.

27 мая 1915 года открылся съезд представителей торговли и промышленности. Выступавшие на этом форуме М. М. Фёдоров, П. П. Рябушинский, В. В. Жуковский высказались в пользу «объединения, по примеру наших союзников, всех промышленных и торговых сил страны для того, чтобы дать армии всё необходимое и вовремя». Согласно резолюции съезда, создание продовольственного комитета и особого комитета по снабжению армии признавалось недостаточным. Правительство должно было всячески содействовать, чтобы «к участию в действиях новых учреждений привлекались широкие круги: представители Земского и Городского союзов, промышленных и торговых организаций и учёные силы». Кроме того, съезд настаивал на скорейшем возобновлении работ Государственной думы¹²⁶. 29 мая в этом же смысле высказалась Московская, а вскоре и Петроградская городские думы. Схожую позицию поддержали и некоторые другие городские самоуправления. 30 мая соединённое заседание

¹²¹ Там же. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 125.

¹²² Там же. Т. 3. М.; Л., 1925. С. 317–318.

¹²³ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Кн. 2. N.Y., 1955. С. 430.

¹²⁴ Шаховской Вс. Н. «Sic transit Gloria mundi» (Так проходит слава мирская), 1893–1917. Париж, 1952. С. 192.

¹²⁵ Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. № 176. С. 93.

¹²⁶ Милоков П. Н. Общественное мнение, парламенты и правительства союзников // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 г. Пг., 1915. С. 259.

Главных комитетов Земского и Городского союзов приняло решение о своём «немедленном и непосредственном участии в деле снабжения армии»¹²⁷. Как раз эти резолюции предвещали начало подготовительных работ по открытию думской сессии, а также формированию Прогрессивного блока.

В июне 1915 года, примерно тогда, когда Родзянко уже готовился к должности премьера, во фракциях нижней палаты шло обсуждение программы будущих работ Государственной думы. При этом депутаты отталкивались от кадетского проекта, который был специально составлен таким образом, чтобы устроить сторонников самых разных взглядов. Дискуссия продолжалась в течение всего июня, и прежним политическим оппонентам удалось достичь консенсуса¹²⁸. Это был значимый шаг по пути создания думского большинства.

Лидерам нарождавшегося объединения следовало взять в свои руки инициативу, предложив коллегам программу действий. О её необходимости говорили все думские группы, за исключением крайне правых и крайне левых¹²⁹. Осознавая необходимость общего плана работы, представители большинства фракций собрались 9 августа на квартире М. В. Родзянко. На этом же совещании был составлен список десяти очередных законопроектов, который лёг в основу программы Прогрессивного блока¹³⁰. Её обсуждали и в дальнейшем. 11 августа состоялось совещание у члена Государственного совета Д. А. Олсуфьева. На следующий день – опять у Родзянко¹³¹.

В Прогрессивном блоке рассчитывали на те или иные изменения в правительственных верхах. Правда, предлагались разные «рецепты». Верховная власть – вне сферы влияния, – объяснял член Государственного совета М. А. Стахович на заседании зарождавшегося Прогрессивного блока в августе 1915 года, – поэтому приходится воздействовать на правительство. По мнению же другого члена верхней палаты – В. И. Гурко, основная проблема заключалась в кадровом обеспечении исполнительной власти. Был нужен популярный, пользующийся доверием человек, который бы принял ответственность за решения администрации¹³². Фактиче-

¹²⁷ Там же. С. 260.

¹²⁸ Милоков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 179.

¹²⁹ Милоков П. Н. Общественное мнение, парламенты и правительства союзников. С. 275.

¹³⁰ Там же. С. 275–276.

¹³¹ Наумов А. Н. Указ. соч. С. 445.

¹³² Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 1 (52). С. 122–123.

ски речь шла о диктатуре, возможность которой смутила многих. Октябрист И. И. Дмитриуков поставил вопрос в иной плоскости: нужна диктатура правительства, а не какого-либо отдельного лица¹³³.

Кадеты же предпочитали говорить о программе будущего кабинета. А. И. Шингарев настаивал на необходимости скорейших реформ (например, волостной)¹³⁴. Д. Д. Grimm доказывал неизбежность политических преобразований, поднимая вопрос о безответственности власти. Гурко с этим подходом категорически не соглашался: по его мнению, в сложившихся обстоятельствах положительная программа имела вторичное значение. «В лицах – центр тяжести». Эти слова не всех убеждали. В. А. Маклаков предупреждал коллег о последствиях такой постановки вопроса. Он отмечал, что «петиция о смене правительства – начало революции». При этом Государственная дума не смогла бы назвать лиц, которых она делегировала бы в исполнительную власть¹³⁵.

Вероятно, Маклаков был прав. Назвать конкретных лиц было сложнее, нежели сформулировать программу, о которой сразу же задумались сторонники Прогрессивного блока. 14–15 августа 1915 года на квартире у члена Государственного совета А. Н. Меллера-Закомельского обсуждалась возможность амнистии, решения еврейского, финляндского, украинского, польского вопросов, религиозная, рабочая политика¹³⁶. 22 августа шли консультации о перспективах диалога с правительством. Депутаты обсуждали, кому следовало адресовать программу блока – Совету министров или императору. Кроме того, подготавливаемое депутатское заявление должно было стать «добрым советом» или ультиматумом правительству? – на этот вопрос в Прогрессивном блоке тоже не было ответа¹³⁷.

В итоге члены создававшегося объединения сошлись на необходимости правительства, пользующегося общественным доверием, проведения принципов «строгой законности», обновления кадров губернаторского корпуса, устранения двоевластия гражданской и военной администрации. Кроме того, новоявленное думское большинство настаивало на амнистии по делам, «возбуждённым по обвинению в чисто политических и религиозных преступлениях, не отягощённых преступлениями общеуголовного

¹³³ Там же. С. 124.

¹³⁴ Там же. С. 125.

¹³⁵ Там же. С. 126.

¹³⁶ Там же. С. 126–133.

¹³⁷ Там же. С. 138–144.

характера»; на возвращении высланных в административном порядке; полном прекращении преследований по религиозным мотивам; на предоставлении прав автономии Царству Польскому; на снятии основных ограничений с еврейского населения; на «примирительной политике» в финляндском вопросе; на прекращении дискриминационной политики в отношении украинской печати; на восстановлении деятельности профсоюзов; на введении волостного земства, органов местного самоуправления на окраинах империи; на изменении Земского положения 1890 года и Городового положения 1892 года¹³⁸.

Это было результатом компромисса. Как раз 22 августа 1915 года прогрессивный националист В. В. Шульгин писал: «Выиграть войну можно, измотав немцев, то есть в затяжку. И победить можно, но только выиграв время. На ближайшее рассчитывать нельзя, но будущее в наших руках, ибо мы можем выдержать дольше. Но выдержать можем только при условии внутреннего мира и добыв деньги. Ради сохранения внутреннего мира и ради денег необходимо идти на уступки друг другу». Следовало пойти на уступки по польскому и еврейскому вопросу. Надо было согласиться на частную амнистию. Кроме того, «кадеты внесли массу законопроектов (почти безобидных и мало обидных), и мы согласились, понимая, что это им необходимо, чтобы поддержать в своей публике уверенность, что эта война «освободительная». Эти проекты, на которые мы даём своё согласие, служат указанием того, что после победной войны мы пойдём в стороны расширения свобод. Кадеты боятся реакции после войны и стараются с этой стороны себя обезопасить. Я выдаю им эту табличку с указательным пальцем, так как считаю, что народ, способный побеждать, достоин расширения своих прав и освобождения от опеки. «За рекой смерти будет освобождение», – вот что нужно кадетам для поддержания их настроения». По мнению Шульгина, всё это было в той или иной мере приемлемым, так как формирование левоцентристского большинства должно было стать заслоном революционизирования России¹³⁹.

Конечно, были и такие члены блока, которые ставили перед собой существенно более радикальные цели. Так, националист В. Н. Львов в частной беседе с А. Н. Наумовым заявил о необходимости отстранения от власти Николая II. Причём, по его словам,

¹³⁸ Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 124–125.

¹³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1028. Л. 1183.

он был отнюдь не единственный в Государственной думе, кто отстаивал эту точку зрения¹⁴⁰.

Прогрессивный блок включил в себя сторонников самых разных взглядов. Он объединил кадетов, прогрессистов, октябристов, представителей Партии центра, прогрессивных националистов. Фактически блок поддерживали крайне левые и Польское коло. Из 397 депутатов, работавших в Государственной думе к сентябрю 1915 года, 236 стали членами Прогрессивного блока¹⁴¹. Это принципиально меняло расстановку политических сил, что далеко не сразу оценили в правительстве. В то время, как в августе 1915 года И. Л. Горемыкин волновался по поводу возможных будущих рабочих беспорядков, С. Д. Сазонов призывал его обратить наибольшее внимание на «беспорядки» в Государственной думе. «Это всё равно», – заметил премьер-министр. «Не всё равно, ибо иначе управлять страной нельзя», – парировал Сазонов¹⁴².

Изменилось и положение Государственного совета. Это было связано с новым раскладом сил в верхней палате, который стал вполне очевиден также к лету 1915 года. Большинство, на которое всегда могла рассчитывать верховная власть, уже не было столь предсказуемым. Летом 1915 года шло брожение даже в правой группе Государственного совета. Некоторые (в том числе В. М. Урусов, А. Н. Наумов, С. И. Зубчанинов) подумывали о том, чтобы выйти из её состава¹⁴³. Многие члены верхней палаты присоединились к Прогрессивному блоку. По оценке депутата Государственной думы Н. В. Жилина, 26 членов Государственного совета вошли в блок, 6 – были готовы их поддержать, а 34 – втайне склонялись к этому решению¹⁴⁴. Осенью 1915 года состоялись выборы в Государственный совет. Должна была смениться приблизительно треть всех членов верхней палаты. Результаты кампании в корне изменили расстановку сил. Если до выборов преимущество было у противников Прогрессивного блока (99 против 89 голосов), то теперь большинство получили как раз его представители (100 против 90). При этом Государственный совет пополнился такими яркими фигурами как А. И. Гучков, кн. Е. Н. Трубецкой, П. П. Рябушин-

¹⁴⁰ Наумов А. Н. Указ. соч. С. 448.

¹⁴¹ Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. М., 2009. С. 500.

¹⁴² Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. С. 252.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031. Л. 672.

¹⁴⁴ Там же. Д. 1037. Л. 1918.

ский¹⁴⁵. 26 ноября последовало назначение в Государственный совет пяти новых членов консервативного направления: бывших губернаторов Н. П. Муратова и А. А. Римского-Корсакова, а также Н. П. Гарина, кн. Н. Д. Голицына, И. С. Крашенинникова. В свою очередь, некоторые назначенные члены верхней палаты, которых вполне обоснованно подозревали в членстве в Прогрессивном блоке, всячески отреклись от него. Так, согласно сообщениям «Биржевых ведомостей», кн. А. Д. Оболенский утверждал: «Нам нет надобности выходить из состава Прогрессивного блока, ибо мы в его состав никогда не входили»¹⁴⁶. И всё же Государственный совет нельзя было считать столь же «благонадёжным», как раньше.

Немало зависело от председателя «высокого собрания». У многих верхняя палата как раз ассоциировалась с её «спикером» – М. Г. Акимовым, который скончался вскоре после начала войны – 9 августа 1914 года. Председателем Государственного совета 15 июля 1915 года стал А. Н. Куломзин. По мнению А. А. Поливанова, это назначение стало своего рода компромиссом. Верховная власть боялась «раздразнить» правых, выдвинув «конституционалиста» И. Я. Голубева. Куломзин же, умело маневрировавший между противоположными флангами, должен был стать для всех членов высокого собрания более или менее приемлемой кандидатурой¹⁴⁷. Расчёт не вполне оправдался. Правым новый председатель казался чересчур радикальным и настоящим оппозиционером¹⁴⁸.

Верховная власть всё делала для того, чтобы Государственный совет вернулся к предписанной ему роли охранителя закона и порядка. В начале ноября 1916 года товарища председателя Государственного совета И. Я. Голубева вызвали в Царское Село, где императрица отчитала его за характер прений в верхней палате¹⁴⁹. К декабрю 1916 года был намечен новый председатель верхней палаты – бывший министр юстиции, человек крайне правых убеждений И. Г. Щегловитов. Как раз тогда в беседе с А. Д. Протопоповым он вполне обоснованно жаловался на «полевение» верхней палаты. По оценке Щегловитова, чтобы в Государственном совете вновь установилась гегемония правых, необходимо было назна-

¹⁴⁵ Милюков П. Н. Общественное мнение, парламенты и правительства союзников // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 г. Пг., 1915. С. 286.

¹⁴⁶ Он же. Воспоминания... С. 289.

¹⁴⁷ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907–1916. М., 1924. С. 168–169.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1052. Л. 405.

¹⁴⁹ Там же. Д. 1059. Л. 954.

чить к присутствию 15 благонадёжных лиц¹⁵⁰. В январе 1917 года император, вняв совету нового председателя, сменил 17 назначенных к присутствию членов Государственного совета, что смутило даже членов правой группы¹⁵¹. В итоге положение вещей в верхней палате действительно существенно изменилось. По сведениям Ю.А. Иксуля фон Гильдебандта, «в Государственном совете образовалось крепкое «зубровое большинство», с храброй бестактностью идущее на конфликт с Государственной Думой»¹⁵².

Правда, и теперь на Мариинский дворец правительству нельзя было полностью положиться. Протопопов рассчитывал на обновлённый состав верхней палаты и на самого Щегловитова, с которым он переговаривался чуть ли не ежедневно и к мнению которого безусловно прислушивался. Однако возможность председателя влиять на позицию Государственного совета была довольно ограниченной. Это касалось, в том числе, и правой группы, казалось бы, более других прислушивавшейся к настроениям «высших сфер». Так, в январе 1917 года её председателем стал А. Ф. Трепов, чему Щегловитов пытался безуспешно помешать¹⁵³.

Таким образом, в годы Первой мировой войны ставились под сомнение прежние стереотипные представления о высших государственных учреждениях России. Совет министров самостоятельно «законодательствовал», не обладая при этом политической волей и программой действий, в Думе впервые образовалось большинство, Государственный совет стал значительно более оппозиционным. Следовательно, всё чаще «отказывали» прежние алгоритмы принятия решений. При этом сохранялись и даже обострялись проблемы довоенных лет. Теперь ещё в большей степени, чем раньше, сказывалась дисперсность российской «политической элиты». И думские фракции, и группы Государственного совета, и Совет министров не были однородными.

Как отмечалось выше, это относилось и к правительству, в котором видное место занимали сторонники тесного взаимодействия с депутатским корпусом. Они «вели свою игру», неприемлемую для многих их коллег. А. В. Кривошеин, С. Д. Сазонов, П. А. Харитонов и другие поддерживали связи с представителями думской оппозиции, иногда согласовывали с ней свои действия. У них постепенно складывалось убеждение, что состав кабинета должен

¹⁵⁰ Падение царского режима. Л. 1926. Т. 4. С. 56.

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 25.

¹⁵² Там же. Д. 1070. Л. 93.

¹⁵³ Падение царского режима. Л. 1926. Т. 4. С. 460.

соответствовать настроениям, господствовавшим в общественных кругах и в Государственной думе, в частности. Эта точка зрения не находила поддержки у ряда министров, в том числе и у председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. Руководители ведомств, принадлежавшие к сторонникам компромисса с представителями оппозиции, настаивали на удалении своих оппонентов из правительства. В мае 1915 года А. В. Кривошеин разработал несколько вариантов состава кабинета, который должен был включать и представителей общественности. Согласно одному из этих вариантов, Совет министров должен был возглавить П. А. Харитонов, согласно двум другим – сам А. В. Кривошеин¹⁵⁴.

В этой связи кажется вполне естественным, что, по сведениям П. Н. Милокова, первоначальная инициатива образовать Прогрессивный блок исходила не от думских, а от правительственных кругов (как раз от А. В. Кривошеина, чьим «маклером» в Думе был П. Н. Крупенский). Неслучайно, что фамилия министра земледелия «всплыла» первой, когда депутаты подняли вопрос о составе будущего правительства «общественного доверия»¹⁵⁵. Об особой роли Кривошеина при формировании Прогрессивного блока писал в своих воспоминаниях и бывший министр торговли и промышленности кн. Вс. Н. Шаховской¹⁵⁶.

Первые шаги к становлению думского большинства предполагали и преобразование Совета министров. В июне 1915 года по инициативе С. Д. Сазонова П. Л. Барк, А. В. Кривошеин, С. В. Рухлов, П. А. Харитонов поставили вопрос о немедленном созыве Думы и изменении состава правительства. Они передали своё прошение Горемыкину, который, в свою очередь, должен был предоставить его императору. Причём сам Горемыкин в личном разговоре с царём поддержал инициативу своих коллег. В итоге были уволены военный министр В. А. Сухомлинов, министр юстиции И. Г. Щегловитов, министр внутренних дел Н. А. Маклаков и обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер¹⁵⁷.

На заседании Совета министров в Ставке 13 июня 1915 года обсуждались кандидатуры будущих министров. В качестве альтернативы И. Г. Щегловитову в должности министра юстиции рассматривались А. А. Хвостов и сенатор П. Н. Милютин. При-

¹⁵⁴ Кризис самодержавия в России, 1895–1914. Л., 1984. С. 553–554.

¹⁵⁵ Там же. С. 180.

¹⁵⁶ Шаховской Вс. Н. Указ. соч. С. 113.

¹⁵⁷ По сведениям Г. Шавельского, эти кадровые решения были приняты под давлением вел. кн. Николая Николаевича и кн. В. Н. Орлова (Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 250).

чём за первого выступал сам Горемыкин, что существенно повышало его шансы. Замену обер-прокурору Синода Саблеру видели в А. Д. Самарине. Сразу же после этого совещания Горемыкин был принят императором, который одобрил кандидатуры и Самарина, и Хвостова¹⁵⁸. При этом инициаторы этих кадровых перемещений ожидали и скорой отставки самого премьера, полагая, что лучшим кандидатом на этот пост должен был стать как раз Кривошеин. Одновременно многие министры доказывали необходимость компромисса с сформировавшимся думским большинством – Прогрессивным блоком. Принципиальным же противником этого оставался как раз Горемыкин.

Спустя некоторое время, уже в августе 1915 года, на квартире государственного контролёра П. А. Харитонова уже члены Прогрессивного блока провели частное совещание с некоторыми из министров, которые во многом приняли программу оппозиции, согласившись даже с идеей образования «правительства общественного доверия»¹⁵⁹. В итоге, по предложению А. В. Кривошеина кабинет принял резолюцию, которая гласила, что «намеченная Прогрессивным блоком программа не встречает серьёзных возражений, но Совет министров, не будучи в своём нынешнем составе единодушным, не может брать на себя задачу её осуществления». Горемыкин, вопреки всем ожиданиям, не стал возражать, но ещё более, нежели прежде, настаивал на скорейшем роспуске Думы¹⁶⁰.

Таким образом, само неоднородное правительство становилось фактором политического брожения. И, конечно, данный состав (как, впрочем, и последовавший) Совета министров не мог предложить депутатам «повестку дня», соответствовавшую их ожиданиям. Было очевидным, что если собирать народных избранников, то надо ставить перед ними серьёзные задачи. В противном случае их деятельность могла приобрести деструктивный характер. Как раз в этой связи в декабре 1914 года министр земледелия А. В. Кривошеин склонялся к мысли о внесении в нижнюю палату законопроекта о введении в России подоходного налога. Экономист же П. П. Мигулин предлагал ему провести через Думу военные расходы, даже вопреки действовавшим правовым нормам¹⁶¹.

Однако правительство, лишь носившее название «объединённого», оказалось не в силах вести за собой депутатов. Повестка

¹⁵⁸ Поливанов А. А. Указ. соч. С. 134–135.

¹⁵⁹ Клячко Л. М. Указ. соч. С. 53.

¹⁶⁰ Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 129.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1985.

будущей сессии не была предreshена, и, в том числе, по этой причине министры всё более опасались созыва депутатов. «Боятся запросов, обструкции со стороны социал-демократов (ареста) и так далее. С другой стороны, хочется провести бюджет и одобрение налогов, проведённых по 87 ст.», – писал Мигулин Алексеенко 12 декабря 1914 года¹⁶². Этот страх всё же свидетельствовал в пользу Думы: с ней считались и в ней нуждались.

От сотрудничества с депутатами в деле законотворчества министры не отказывались. Политический же диалог Государственной думы и правительства был технически невозможен. А именно, на нём всё чаще настаивали народные избранники. В итоге ситуация становилась тупиковой.

Как и до 1914 года, речь могла идти лишь о договорённостях с отдельными министрами, а не с правительством в целом. Оно отсутствовало как самостоятельный фактор политической жизни. Эта проблема усугубилась в годы войны, когда правительство было вынуждено «поделиться» своими полномочиями со Ставкой. Конечно, не могло быть и программы, которую Совет министров мог бы предоставить депутатам. Это входило в диссонанс с теми тенденциями, которые имели место в Думе и даже в Государственном совете. В годы войны представительные учреждения приобрели хоть и «терявшееся в очертаниях», но всё же политическое лицо.

Министры и депутаты говорили, в сущности, на разных языках. Руководители ведомств, чья сфера компетенции в условиях войны постоянно сужалась, ставили перед депутатами вполне конкретные, в сущности, технические вопросы законотворчества. Отвечая на них, народные избранники непременно выходили на политические сюжеты. Вместе с тем круг проблем, обсуждавшихся в Государственной думе, был весьма ограничен, а, соответственно, немногие вопросы, выносившиеся на рассмотрение депутатов, весьма часто политизировались. В сложившихся обстоятельствах конфликт правительства и представительных учреждений был предreshён институционально. Стороны были готовы к диалогу, нередко добивались частных договорённостей, но при этом расходились врагами.

¹⁶² Там же. Д. 1001. Л. 204

*Н. А. Иванова,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института российской истории РАН*

Социальные процессы в России в условиях Первой мировой войны

Влияние Первой мировой войны на социальные процессы в России рассматривалось в советской историографии в рамках общей концепции созревания предпосылок социалистической революции. Поэтому при оценке происходивших в социальной и экономической сфере изменений, акцент делался на движении общества вперёд. В последние десятилетия начали появляться новые подходы¹⁶³, хотя влияние прежних концепций полностью не преодолено. Существующая литература, в том числе созданная по горячим следам событий войны, имеющиеся источники, включая статистические¹⁶⁴, рассмотрение социальных вопросов в комплексе позволяют увидеть разнонаправленный, становящийся всё более многомерным характер социальной стратификации 1914–1917 годов.

Накануне Первой мировой войны российское общество имело переходный характер – от традиционного аграрного к индустриальному. Сохранение сословного неравенства сочеталось с формированием классов на капиталистической основе, которое, однако, не было завершено. Несмотря на то, что под влиянием революции 1905–1907 годов, Столыпинской аграрной реформы, предвоенного промышленного подъёма, социально-экономическое и политическое развитие общества существенно продвинулось вперёд,

¹⁶³ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. Россия и Первая мировая война (Материалы Международного научного colloквиума). СПб., 1999; Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918). Материалы научной конференции. Ч. 1. М., 1997; Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004; Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009; и др.

¹⁶⁴ Среди них официальные статистические ежегодники и сборники периода войны, опубликованные материалы переписи населения в сельской местности в 1916 г., Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., Промышленной и профессиональной переписи 1918 г., публикации «Россия в Первой мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах)» (М., 1925) и «Мировая война в цифрах» (М., 1934), результаты переписей русской армии 20 апреля 1917 г. и 25 октября 1917 г., данные о русских военнопленных, инвалидах и др.

система оставалась нестабильной, а имевшие место противоречия не были преодолены.

Война прервала и деформировала органическое развитие российского общества, сделав главным влияние внешних – военных факторов. Под их воздействием претерпевали изменения сословная и классовая структуры, одновременно складывались новые страты на гендерной, возрастной и иной основе. В их числе главное место занимали армия, социализация женщин, молодёжи, а также беженцы.

Хотя вновь образовавшиеся социальные образования имели свои предтечи в довоенном периоде, в условиях войны произошёл их значительный численный рост, важные качественные изменения. Имело место законодательное оформление этих групп, находивших своё место в государственной социальной политике. Возрастала их роль в жизни общества – в общественных организациях и движениях.

При разнонаправленности социальных процессов их равнодействующей в годы войны стало усиление сословного и ослабление классового начала. Роль сословного статуса была особенно велика у потомственных дворян, духовенства, казачества, крестьянства. Дворяне сохраняли и в годы войны свои сословные права и привилегии, преобладали в высшем и среднем звене бюрократического аппарата государственного управления и офицерского корпуса, владели земельными латифундиями и промышленными предприятиями на частном и посессионном праве. Стремление помещичьего дворянства к укреплению своих политических позиций проявилось, в частности, в деятельности существовавшей с 1906 по февраль 1917 года сословно-политической организации «Объединённое дворянство».

Православное духовенство использовало войну для укрепления религиозности и нравственности в народе, сильно возросла роль и численность военного духовенства, монастыри проявляли себя на благотворительном поприще.

Столыпинская аграрная реформа не затронула казачью общину, поскольку государство было заинтересовано в консервации этого сословия. Сохранялись и отстаивались наказными атаманами особые принципы службы казаков, суровая воинская дисциплина, прикрепление казачества к станице, чинопочитание, применение розг до февраля 1917 года.

Особенно явно сословное начало проявлялось в отношении крестьян. Сокращение, а затем прекращение в годы войны землеустройства и переселений крестьян, предусмотренных Столыпинской реформой, сопровождалось усилением роли общины в пределах земли, в помощи крестьянским семьям, оставшимся без работников-мужчин, в общественном управлении. Сословное неравноправие крестьян проявлялось в увеличении земельного, земского налогов, мирских сборов, квартирной, подводной, дорожной повинностей, в развёрстке хлеба, которой занимались сельские и волостные сходы, реквизициях скота, лошадей и другом. Сохранялось двухступенчатое – сельское и волостное крестьянское общественное управление. Реформа волостного суда 1912 года затронула в 1914 году лишь 10 губерний, а к 1917 году – ещё 20. Одновременно с помощью обычного права решались многие вопросы, касающиеся имущественных и иных отношений крестьян¹⁶⁵.

В свою очередь, хотя в годы военных неурядиц городские сословия держались за сохранение своих прав и привилегий и даже расширяли их (еврейские купцы, ремесленники), в Положении об общественном управлении городов 1915 года, призванном заменить Городовое положение 1892 года, проявилась тенденция ослабления сословного начала. Положение продолжало наметившую ранее линию перехода от сословного к имущественному цензу при выборах в органы городского общественного управления. Однако, сохраняя принципы сословности, Положение не допускало евреев к участию в избирательных собраниях и занятию должностей по городскому общественному управлению. Продолжали существовать имущественные привилегии императорской фамилии. Расширение сферы деятельности городского общественного управления сопровождалось усилением административного контроля над ним.

Уравнение в правах с другими сословиями коснулось «иногородцев», к которым, согласно закону, относились евреи, а также коренные (оседлые, кочевые и бродячие) народы Средней Азии, Сибири, Европейского севера. Постановлением Совета министров от 4 августа 1915 года была отменена на время войны черта еврейской оседлости на юго-западе страны. Однако им по-прежнему не разрешалось проживание в Петрограде и его окрестностях, Москве, Ялте, в казачьих областях Войска Донского, Кубанского

¹⁶⁵ Зырянов П. Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 259–261.

и Терского, в Закаспийской области и Туркестанском крае; сохранялся запрет селиться в сельской местности. Положение Совета министров от 10 августа 1915 года отменило процентные нормы при поступлении в учебные заведения для евреев-участников войны, уволенных из армии по ранениям и болезням, и для детей лиц, состоявших на службе по ведомству народного просвещения. 29 октября того же года Совет министров одобрил правила о принятии в адвокатуру лиц нехристианских исповеданий, которые устанавливали, в том числе, процентные нормы для приёма евреев. Однако все эти облегчения носили временный характер – до общего пересмотра в установленном порядке действующих узаконений.

Инородческое население Средней Азии и Сибири не подлежало до войны всеобщей воинской повинности. Но в ноябре 1916 года царским указом была объявлена их мобилизация в Туркестанском и Степном краях во вспомогательные войска (на тыловые работы), что вызвало массовые антиправительственные выступления.

В целом, тенденция к сохранению сословности превалировала, а её преодоление носило частичный, временный и вынужденный характер. Только созданное в ходе Февральской революции 1917 года Временное правительство стало уделять большое внимание преодолению сословности и установлению равноправия граждан. А 11 (24) ноября сословия и гражданские чины были ликвидированы декретом Советской власти. Классовая структура российского общества претерпела в годы войны наибольшие изменения в результате значительного разрушения рыночной экономики, которая признаётся классиками (К. Маркс, М. Вебер) и исследователями основным условием классовобразования.

Процесс быстрого формирования классов в довоенный период сменяется в годы войны противоположными тенденциями. Уменьшается общая численность наёмных рабочих – с 18,2 млн. в 1913 году до 15 млн. (на 15,4 процента) – в 1917 году. Наиболее существенным было сокращение количества сельскохозяйственных рабочих – с 6,5 до 4,5 млн. (на 30,8 процента), занятых в лесном деле и чернорабочих – уменьшение с 3,3 млн. до 2,1 млн. (на 36,4 процента), в меньшей мере – строительных рабочих – с 1,5 млн. в 1913 году до 1,25 млн. в 1917 году (на 16,7 процента), то есть в отраслях, связанных прежде всего с наймом крестьян с их отходом на заработки. Лишь в мелкой промышленности количество работников (включая занятых работой на дому) не изменилось,

составляя на обе даты по 3 млн. человек¹⁶⁶. В значительной мере это было связано с тем, что крестьяне сосредоточивали внимание прежде всего на своём индивидуальном хозяйстве, а кустари получали казённые заказы на изделия, необходимые фронту.

Сокращение численности рабочих было результатом многочисленных мобилизаций мужского населения на войну и нехватки рабочих рук в деревне. В крестьянском хозяйстве разрушалось рабочее «тягло», на котором оно держалось веками: рабочая пара, в которой отношение мужчин к женщинам равнялось 1:1. Выпадение мужского звена «тягла» в годы войны меняло это соотношение до 1:1,6 и 1:2¹⁶⁷. Женщина становилась главной силой в крестьянском хозяйстве, привлекая к сельскохозяйственным работам подростков и стариков. Но их труд был менее производительным.

Нарушение цикла сельскохозяйственных работ сопровождалось сокращением количества скота, минеральных удобрений, трудностями в приобретении орудий, машин, ввозимых до войны преимущественно из-за границы. В силу этого прерывается наметившаяся накануне войны тенденция перехода от экстенсивного к интенсивному хозяйствованию, а нехватка земли становится ещё более ощутимой.

В связи с сокращением торговли, установлением такс (твёрдых цен), карточной системы на предметы первой необходимости, реквизициями скота и продовольствия, государственными заказами кустарям, происходила натурализация крестьянского хозяйства. В свою очередь в помещичьих хозяйствах, где не хватало наёмной рабочей силы, по распоряжению военных властей стал широко использоваться принудительный труд крестьян и особенно военнопленных. Таким образом, капитализация сельскохозяйственного производства сокращалась, а рычаги свободной рыночной экономики заменялись традиционными отношениями, сословное начало брало верх над классовым.

Число фабрично-заводских рабочих, составлявших ядро рабочего класса, уменьшилось с 2,5 млн. в 1913 г. до 2 млн. человек (на 20 процентов) в 1917 году. Возросло только количество рабочих в горнозаводской и горной промышленности (от 0,65 млн. до 0,8 млн.), на казённых заводах и в армейских мастерских (с 0,2

¹⁶⁶ Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. М., 1982. С. 246.

¹⁶⁷ См.: Книпович Б. Сельское хозяйство // Народное хозяйство в 1916 г. Вып. V–VI. Пг., 1921. С. 5.

до 0,8 млн. человек), несколько меньше – на железнодорожном транспорте (с 0,6 млн. в 1913 году до 0,7 млн. в 1917 году)¹⁶⁸.

Динамика численности фабрично-заводских рабочих зависела от отраслевой принадлежности и работы на оборону. Их увеличение с 1913 по 1917 год на 63,9 процента наблюдалось на казённых и частных предприятиях, работавших по заказам государства на оборону и производящих вооружение, снаряжение и питание для армии. Одновременно предприятия текстильной промышленности, даже работавшие на войну, до 1916 года сокращали число рабочих, а в 1917 году испытывали их небольшой рост¹⁶⁹. Благодаря этому вырос удельный вес рабочих тяжёлой промышленности – металлообрабатывающей, химической и других отраслей, связанных с военным производством.

На предприятиях, не работавших на оборону и поставляющих «мирную» продукцию на рынок, производство было неустойчивым, а число рабочих то росло, то падало.

Если на оборонных предприятиях годовая средняя выработка на одного рабочего возрастала до 1916 года включительно и лишь в 1917 году стала падать, то в лёгкой промышленности в течение всех лет войны средняя производительность труда рабочих и их квалификация уменьшались. В значительной мере это было связано с увеличением в промышленности доли женщин и детей, чей уровень образования и квалификации, не говоря уже о физических возможностях, был ниже, чем у мужчин. Однако в тяжёлых отраслях промышленности мужчины по-прежнему преобладали, а в лёгкой, как и раньше, был выше удельный вес женщин (почти 70 процентов в текстильных отраслях в годы войны).

Сохранялась, как и до войны, высокая концентрация рабочей силы на крупных и крупнейших фабриках и заводах, имевших от 500 до более 5 тыс. рабочих. Номинальная заработная плата рабочих повышалась в 1914–1915 годах, а затем стала падать. Но это увеличение «съедалось» инфляцией: цены на предметы первой необходимости росли быстрее, чем зарплаты. Не случайно, среди требований, предъявляемых рабочими в стачках в годы войны, на первом месте находилось повышение заработной платы (впрочем, как и до войны).

В статистике наёмных работников фабрично-заводских предприятий в годы войны отдельной строкой учитывались служащие.

¹⁶⁸ Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. С. 246.

¹⁶⁹ Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 103.

Их число зависело от размеров предприятий, отраслевой принадлежности, а количественный рост был связан с совершенствованием организации фабричного производства и государственным регулированием промышленности.

По характеру труда – управленческому и умственному, служащие отличались от рабочих, занятых исполнительским, физическим трудом. Жалование служащих в разы превышало заработка рабочих, но по мере усугубления экономической ситуации падало. Жалование зависело от должности, квалификации, образования служащих – более высокого, чем у рабочих.

Число служащих росло не только на фабриках и заводах, но и на железных дорогах, в почтово-телеграфном ведомстве. Статистика, относящаяся к октябрю 1916 года, учла служащих 25 тыс. заведений: на предприятиях не только крупной, но и мелкой промышленности, в кустарных, ремесленных и торговых заведениях, аптеках, банках и кредитных учреждениях, пароходствах, кооперативах и других¹⁷⁰. Исследователи рассматривают служащих (наряду с лицами «свободных профессий») как особую новую категорию формирующегося в России среднего класса. При этом следует отметить, что чиновники – служащие государственного аппарата управления (те, кого мы называем бюрократией), не входили в этот класс, представляя собой особую социальную группу. Вначале она была сословной, а с развитием общества стала превращаться, по мнению ряда учёных, в класс бюрократии.

Численный рост в годы войны представителей «старого» среднего класса (ремесленников, кустарей) был связан с привлечением их к работе на оборону, с предоставлением казённых заказов, с использованием их продукции в натуральных хозяйствах.

Влияние войны проявилось в широком распространении принудительного труда не только в сельском хозяйстве, но и других отраслях. Даже при том, что закон о милитаризации труда в России так и не был принят, рабочие и служащие, занятые на оборонных предприятиях, и получавшие отсрочки от призыва в армию, считались военнообязанными, а потому имели ограничения на самостоятельный уход и переход на другую работу, подчинялись дисциплине, соответствующей военному времени. В частности, в порядке вещей считалось увольнение стачечников и их отправка на фронт.

¹⁷⁰ Статистический сборник за 1913–1917 гг. // Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 2. М., 1922. С. 232.

Особую группу принудительного труда составляли ратники морского ополчения, призванные на службу по мобилизации. Они использовались в качестве рабочей силы на казённых и частных предприятиях, принадлежавших морскому ведомству или выполнявших его заказы, на строительстве морских баз и железных дорог, на водном транспорте и тому подобное.

Принудительный характер носил труд военнопленных в горной и фабрично-заводской промышленности, на железных дорогах. Согласно изданным правилам и законам и ратники, и военнопленные использовались на особенно тяжёлых работах, имели более низкие заработки, были лишены права перехода на другие предприятия, не подлежали законам о страховании от несчастных случаев, вознаграждении увечных рабочих и другое.

Имеющиеся статистические данные о размерах промышленных предприятий (по числу рабочих) свидетельствуют (с известными оговорками) о том, что среди предпринимательских слоёв большинство составляли владельцы мелких заведений (как и до войны). Но основная сумма производства и прибылей доставалась крупным и крупнейшим предпринимателям, имевшим оборонные заказы. Использование принудительного труда также меняло лицо как российских аграриев, так и промышленников.

В годы Первой мировой войны особое значение в стратификации общества приобрели гендерные различия. В социализации мужской части населения главную роль стала играть фронтовая служба. Численность призванных на военную службу за годы войны по сравнению с довоенным периодом увеличилась в 11 раз и составила по разным источникам от 15 до 19 млн. человек¹⁷¹, что превышало общую численность наёмных рабочих.

Комплектование армии на основе всеобщей воинской повинности привело к тому, что армия стала, по существу, соответствовать общей социальной структуре населения страны. При преобладании, как и раньше, крестьянства (64,2 процента) возросла доля рабочих (12,3 процента). Средний класс (примерно 20 процентов) был представлен в основном ремесленниками, в меньшей мере – служащими и творческой интеллигенцией. Удельный вес торгово-промышленной буржуазии был незначителен (3,5 процента)¹⁷², как и в составе населения страны в целом.

¹⁷¹ Россия в Мировой войне. С. 88; Мировая война в цифрах. М., 1934. С. 12.

¹⁷² Использованы данные о военнопленных. – Мировая война в цифрах. С. 31.

Сословные изменения в наибольшей степени коснулись офицерского корпуса, численность которого превысила довоенную в 6 раз. Почти полная гибель кадрового офицерского состава в первые годы войны привела к необходимости ускоренной подготовки новых офицерских кадров, в том числе из солдат, унтер-офицеров. В результате доля крестьян и мещан среди выпускников военных училищ и прапорщиков поднялась в период войны до 60 процентов, что более чем вдвое превосходило их удельный вес в довоенный период и сказывалось на общем понижении образовательного уровня офицерства. Однако в среднем и особенно высшем звене офицерского корпуса удельный вес дворян и их военная подготовка оставались высокими¹⁷³. Особую группу в командном составе составлял генералитет.

Нижние чины включали солдат действительной службы (более 11 процентов), запаса (около 20 процентов) и ратников – рядовых государственного ополчения. В целом до 66 процентов составляли плохо обученные новобранцы досрочных призывов и ратники, что обуславливало низкий качественный состав армии¹⁷⁴. Существовали отличия по роду войск.

В армию попадала наиболее трудоспособная, репродуктивная часть мужчин. Согласно данным о военнопленных и инвалидах, более 80 процентов их составляли лица от 21 до 39 лет; свыше 60 процентов были женаты, из них более половины имело от 1 до 8 детей¹⁷⁵. Мобилизации способствовали снижению брачности, рождаемости, резкому падению естественного прироста населения и в конечном счёте снижению его общей численности. С уходом мужчин на войну ослаблялись семейные связи, росла беспризорность детей.

Отрицательным следствием мобилизаций было разрушение производственных основ семейного, прежде всего крестьянского хозяйства. Сокращалась в целом самодельная, трудовая часть населения, доля которой в России и без того была меньше, чем в других странах, в силу особенно высокого удельного веса детей и подростков.

¹⁷³ Волков С. В. Указ. соч. С. 91, 92, 147, 272, 352, 356–357.

¹⁷⁴ Сазонов Л. И. Численность русской армии в войну 1914–1918 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. Вып. 1. М.; Пг., 1923. С. 126.

¹⁷⁵ Россия в Мировой войне. С. 38–39; Новосельский С. А. Материалы по статистике травматизма, болезненности и инвалидности в войну 1914–1917 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. С. 201.

Затяжная война способствовала увеличению в составе армии и населения таких групп, как инвалиды, раненые, военнопленные, дезертиры.

Существенные изменения происходили в женской половине общества. Социализация женщин в период войны ускорилась в результате профессионализации (свободный выбор рода занятий) и более широкого, чем раньше, включения женщин в производственную деятельность, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, других отраслях народного хозяйства.

Согласно подсчётам А. М. Анфимова, сделанным по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года, в крестьянских хозяйствах 33 губерний Европейской России женщины составляли 71,9 процента всей трудовой сельскохозяйственной армии, а в помещичьих хозяйствах – 58,8 процента всех наёмных рабочих. Известный историк-аграрник сделал вывод, что «в Первую мировую войну женщина впервые в капиталистическую эпоху стала главной силой в сельскохозяйственном производстве в масштабе всей страны»¹⁷⁶.

В фабрично-заводской промышленности на 1 января 1914 года женщины составляли 31,2 процента, а на 1 января 1917 г. – 40,1 процента. С учётом подростков, работавших там же, последняя цифра поднималась до 51,9 процента. Если до войны женский труд преобладал в текстильных отраслях, то в условиях войны женщин стали использовать и в чисто мужских производствах – на металлообрабатывающих, лесоперерабатывающих и других заводах. В начале 1917 года удельный вес женщин-работниц на предприятиях по обработке металлов достигал 17,9 процента, а с детьми и подростками женского пола – 20 процентов¹⁷⁷.

Согласно постановлению Совета министров 9 марта 1915 года женщины и дети допускались к ночным и подземным работам. Закон 7 октября того же года разрешал использовать труд женщин, подростков и малолетних на предприятиях, работавших на оборону. Министерство путей сообщения предоставило право начальникам железных дорог принимать женщин на конторские должности, проводниками, истопниками, чистильщиками паровозов. Использование женского труда стремились регулировать и другие ведомства, в том числе Синод.

¹⁷⁶ Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. С. 192.

¹⁷⁷ Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. С. 248.

Ещё одно направление социализации женщин в годы войны было связано с солдатками – жёнами нижних чинов армии. Их появление как особой группы восходит к существованию в XVIII–XIX веках военного сословия. Особое положение солдатки сохранялось и после отмены рекрутской и введения всеобщей воинской повинности в 1874 году, когда военное сословие фактически перестало существовать. Государство платило солдатке во время нахождения её мужа на военной службе денежное пособие из бюджетных средств, в том числе на детей, а община обязана была нести за него причитающиеся повинности. Закон от 25 июня 1912 года предусматривал выдачу пособий семьям призванных на войну нижних чинов, в том числе впервые – семьям мобилизованных в армию запасных нижних чинов, что примерно вдвое увеличивало количество призываемых солдаток.

В годы войны число женщин-солдаток сильно возросло (видимо, примерно, до 10 млн. человек), а количество полученных ими казённых пайков по 1 сентября 1917 года составило 36,7 млн. при ежегодном увеличении месячной стоимости одного пайка с 3 руб. в 1914 до 6,84 руб. в 1917 году. Практиковались также выплаты единовременных денежных пособий особо нуждающимся солдатским семьям. В 1916 году было удовлетворено около 27 млн. ходатайств солдат и членов их семей о таких пособиях¹⁷⁸.

Получение пайков делало женщин-солдаток относительно экономически независимыми, вынуждало их нередко добиваться своих прав. Солдатки были наиболее тесно связаны с армией: материально зависели от находившихся в ней мужей (в случае сдачи их в плен лишались пособий), поддерживали с ними переписку, сообщая о положении дел дома, в тылу. В результате складывалась общая линия их отношения к действительности и поведения. Выросла роль солдаток в семье и общине, в общественных делах и организациях.

Некоторые исследователи видят в отмеченных явлениях элементы женской эмансипации. Однако, хотя процессы социализации женщин имели определённое позитивное значение, поскольку способствовали их экономической самостоятельности, вовлечению в новые сферы производственной и общественно-полезной деятельности, они носили вынужденный и временный характер, сопровождалась непосильной моральной и физической нагрузкой на женщин как в семье, так и на производстве.

¹⁷⁸ Россия в Мировой войне. С. 49–51; Щербинин П. П. Указ. соч. С. 282.

Проблема социализации молодёжи требует самостоятельного изучения, тем более, что молодёжь не была однородна – уже различное социальное положение обуславливало отличие учащейся, рабочей, крестьянской, армейской молодёжи. Значение этой категории населения для России возрастало благодаря её многочисленности. Согласно всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года около половины жителей страны (48,4 процента) составляли люди моложе 20 лет, а доля 20–29-летних равнялась 15,7 процента¹⁷⁹.

Противостояние представителей молодого и старшего поколений отмечалось уже в довоенный период – в общине, на казачьих сходах. В годы войны молодые люди, не призванные в армию, и дети подросткового возраста активно работали в промышленном и сельскохозяйственном производствах, помогали дома по хозяйству. Вместе с тем в условиях тяжёлой обстановки в стране, усиления беспорядков они нередко проявляли себя не с лучшей стороны. Война способствовала распространению чувства вседозволенности и безнаказанности, ухудшению криминогенной обстановки среди молодёжи, распространению хулиганства.

В свою очередь, рабочая молодёжь активнее всего участвовала в стачках, демонстрациях и митингах, вступала в различные партийные и другие общественные организации.

Нахождение в армии многократно увеличивало возможность общения, расширяло кругозор и понимание обстановки в стране, делало реальными активные действия в силу владения армейской молодёжи оружием.

Непосредственно с войной связано появление такой многочисленной и социально неоднородной категории населения, как беженцы. Согласно принятому 30 августа 1915 года закону, беженцами считались лица, «оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств»¹⁸⁰. В последнее 20-летие беженцы стали привлекать всё большее внимание исследователей. При этом акцент делался на национальной составляющей этого явления, на добровольном уходе или принудительном выселении населения из прифронтовой полосы, на положении беженцев.

¹⁷⁹ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 36–39.

¹⁸⁰ Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. М., 1916. С. 3.

Применительно к нашей теме, важно отметить, что статус беженцев определялся законодательством в зависимости от их социального, сословного положения. За счёт казны и с её помощью эвакуировали чиновников правительственных учреждений, земских и городских общественных управлений, преподавателей, духовенство. Частичной оплате подлежал переезд служащих и рабочих эвакуируемых фабрик и заводов, особенно работавших на оборону. Право добровольного оставления постоянного места жительства получили галицийские уроженцы, польское население Варшавского губернаторства и других местностей, а также коренное русское население, им оказывалось содействие в переезде.

В то же время принудительно и за свой счёт выселялись немцы-колонисты, проживавшие в сельской местности и городах, а также другое крестьянское население юго-западных губерний. Выселение крестьянства сопровождалось реквизициями продовольствия, лошадей, скота, перевозочных средств за установленное вознаграждение.

Выселение еврейского населения осложнялось существованием закона о черте оседлости. Вопрос получил разрешение с отменой этого закона на время войны, о чём говорилось выше. Еврейских выселенцев размещали, как и добровольных беженцев, в прифронтовых губерниях с оказанием материальной помощи государством. Вместе с тем евреям иностранного подданства проезд в центральные губернии России не разрешался.

Социальное положение беженцев учитывалось и в местах их прибытия, при выдаче «пайкового» довольствия из государственных средств, трудоустройства и оказании другой помощи. При этом помощь оказывалась в первую очередь наименее обеспеченным.

Стихийное движение беженцев под контролем военных и местных гражданских властей, а также при некоторой помощи со стороны созданного для этой цели «Комитета её императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны», наблюдавшееся в первый год войны, с осени 1915 года стало более основательно регулироваться. Обязанности государственного попечения возлагались на министра внутренних дел, главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов и градоначальников, на земские учреждения и городские общественные управления, а также специально создаваемые местные комитеты. Кроме того, для обсуждения и объединения мер по обеспечению нужд беженцев под председательством министра внутренних дел было учре-

ждено «Особое совещание по устройству беженцев», как «высшее государственное установление».

Общая численность российских беженцев в период Первой мировой войны определяется в источниках и литературе в 4–5 млн. человек¹⁸¹. Эта цифра перекрывает все остальные миграционные потоки времени войны и сопоставима с числом переселенцев за 1897–1916 годы в южные районы и азиатскую часть страны (5,2 млн. человек)¹⁸². К концу войны с учётом беженцев Польши, Литвы, Латвии, Эстонии численность беженцев была вдвое больше¹⁸³.

В составе 3,2 млн. беженцев, учтённых Всероссийским центральным бюро труда на 1 февраля 1917 года, русские составляли 54 процента, поляки 16,3 процента, латыши – 8,8 процента, евреи – 6,2 процента, немцы-выселенцы 0,6 процента, армяне (в т. ч. среди кавказских беженцев) – 3,8 процента и так далее¹⁸⁴.

Расселение беженцев по всей России, но преимущественно в европейской её части, усиливало социальное напряжение. Оно сказывалось особенно сильно в крупных городах, где число беженцев достигало десятков тысяч человек, создавало проблемы проживания, трудоустройства, материального обеспечения, медицинского обслуживания и так далее. Возникали новые нагрузки на органы государственной власти и местного самоуправления, общественные организации.

На особом положении находились две группы депортированных. Первую составляли высланные по персональным доносам и обвинениям в политической неблагонадёжности, шпионаже и тому подобное под особый надзор полиции в отдалённые губернии, в том числе в Сибирь. По закону в состав беженцев они не включались. Во вторую группу входили подданные враждебных держав, прежде всего Германии и Австро-Венгрии. Их точнее назвать интернированными.

Многомерная социальная стратификация, деклассирование и усиливающаяся маргинализация в годы войны российского населения, особенно его низших слоёв, делали общественную систему ещё более неустойчивой. В то же время эти процессы сопровождались складыванием общих интересов большинства жителей

¹⁸¹ Курцев А. Н. Беженство // Россия и Первая мировая война. С. 140.

¹⁸² Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. С. 135.

¹⁸³ Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. С. 37–38.

¹⁸⁴ Известия Татианинского комитета. М., 1917. С. 7–9.

страны в условиях усиливающегося обострения с 1914 по 1917 год основных социальных противоречий. Всё более возрастало недовольство народа войной, тяжёлым материальным, прежде всего продовольственным положением, ростом цен на предметы первой необходимости, их нехваткой. Крестьянское требование земли стало ещё более актуальным в результате экстенсивного хозяйствования, сокращения переселений и прочего. Этот вопрос активно будировался и солдатскими массами. Не только элите общества, но и широким слоям населения становилась всё более очевидной неспособность властей решить стоявшие перед страной задачи.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Материалы Международного общественно-научного
форума «Великая война. Уроки истории»

Введение	3
С. Е. Нарышкин	7
О. Г. Духовницкий	11
В. И. Забаровский	12
В. И. Якунин	14
Тьерри Мариани	20
А. В. Торкунов	23
Элен Каррер д'Анкосс	28
А. О. Чубарьян	32
Ю. А. Петров	36
И. С. Угольников	40
М. Б. Пиотровский	44
Юриус Тракшялис	47
А. А. Трубецкой	50
А. Е. Петров	55
Эймери Де Монтескью Фезенсак д'Артаньян	58
И. Д. Солтановский	62
В. Р. Мединский	66
Славенко Терзич	70
Г. В. Вилинбахов	72
Давид Тертри	75
Дискуссионная панель «Первая мировая война. Пролог, история и современность»	79
Е. Ю. Сергеев	79
В. Э. Багдасарян	83

В. В. Журавлёв	87
А. К. Сорокин	90
И. Б. Орлов	95
Н. В. Суржикова	99
В. Б. Жиромская	102
И. Н. Новикова	106
О. Е. Алпеев	109
В. В. Василик	113
А. А. Зубарев	116
Славиша Павлович	119
А. А. Трубецкой	121
Ю. А. Петров	121
Меморандум форума	122

Раздел II. Россия в Первой мировой войне

<i>В. В. Шелохаев.</i> Первая мировая война в оценках российской либеральной интеллектуальной элиты	124
<i>А. А. Иванов.</i> «Священное единение», «патриотическая тревога» и «штурм власти»: эволюция настроений российского парламента в годы Первой мировой войны (1914–1917)	141
<i>В. А. Дёмин.</i> Законодательство Российской империи в годы Первой мировой войны: основные формы и направления	155
<i>К. А. Соловьёв.</i> Дума, Государственный совет и Совет министров в 1914–1917 годах: сотрудничество и противостояние	164
<i>Н. А. Иванова.</i> Социальные процессы в России в условиях Первой мировой войны	179

Россия в Великой войне

Материалы Международного общественно-научного
форума «Великая война. Уроки истории»

Редактор Нарбут В. В.

Корректор Романосова Т. Д.

Компьютерная вёрстка Дерр Л. А.

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Подписано в печать 26.11.2014 г.
Формат 60x90/16. Печ. л. 12,0. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «Принт Сервис»
443070, г. Самара, ул. Верхне-Карьерная, 3а